

7.05.12
4.09.11
12. 3
1.0.11
4.02.12
.0.21
.09

рейчел уорд

Числа

Бренд Бемонт

7. 5.1
4.0.14
.12.13
1.02.11
4. 2.12
3.07.14

Annotation

Такие девчонки, как Джем, не заводят друзей.

Какой смысл, если ты не можешь прижиться ни в одной приемной семье, если ты чужая в любом классе, в любой компании? Какой смысл заводить друзей, которым ты никогда не смотришь в глаза?

Почему? Ты никому не отвечаешь на этот вопрос. Ты должна хранить свою тайну. Ты всегда в стороне, всегда одна. До того дня, когда рядом с тобой появляется Жук.

Он готов стать твоим другом. Только тебе это зачем? Ведь ты знаешь: жить ему осталось две недели...

- [Рейчел Уорд](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [Пять лет спустя](#)
-

Рейчел Уорд
Числа. Время бежать

Оззи, Али и Питеру

Есть места, куда ходят подростки вроде меня. Несчастные подростки, трудные подростки, озлобленные подростки, неприкаянные подростки – подростки, не похожие на других. Знаете, где искать, – отыщете нас с полпинка: на задворках магазинов, в переулках, под мостами возле рек и каналов, в гаражах, в сараях, на стройплощадках. Нас таких тысячи. То есть отыщете, если надумаете искать, – нормальным людям это не приходит в голову. Увидев нас, они отворачиваются и делают вид, что в упор не видят. Так им легче. И не верьте в разную фигню, что вроде как каждому нужно дать шанс; про себя-то они радуются, что мы не в школе вместе с их детишками, не срываем им уроки, не портим им жизнь. Учителя думают так же. Полагаете, они расстраиваются, когда утром не обнаруживают нас в классе? Черта с два, они ржут от счастья: очень им нужны на уроках всякие раздолбаи, а нам их уроки нужны и того меньше.

В основном народ тусуется группками, по двое, по трое, шлятся, убивают время. А я обычно сама по себе. Люблю отыскать местечко, где вообще никого нет, где можно ни на кого не смотреть и не видеть их чисел.

Вот почему я припухла, когда добралась до своего любимого местечка возле канала и выяснила, что меня опередили. Будь это чужак, какой-нибудь торчок или алкаш, я бы повернулась и ушла, а тут – нате вам – мой однокорытник из «специального» класса мистера Маккалти: дерганый, долговязый, губастый тип, по прозвищу Жук.

Увидел меня, заржал, подвалил поближе и потряс пальцем перед моей физиономией:

– Ага, прогульщица! И чего ты сюда притащилась?

Я пожалала плечами, глядя в землю.

А он не унимался:

– Что, Макак достал? Я тебя понимаю, Джем, он вообще жесть. Не просекаю, кто его из психушки выпустил.

Жук – здоровый и высоченный. Из тех, кто норовит встать

совсем рядом и фиг допрет, что не всякому это приятно. Наверное, из-за этого в школе он постоянно дерется. Вечно маячит перед самым носом, изволь дышать его вонью. Можешь повернуться и уйти, а он тут как тут – мозгов не хватает сообразить, что его вежливо послали. Я его видела только частично, мешал мой капюшон. Но когда он в очередной раз на меня насел и я инстинктивно дернула головой, глаза наши на секунду встретились и я его прочла. В смысле, его число. 15122009. Вот еще и из-за этого мне с ним было не по себе. Число у этого бедолаги – отстой.

Числа есть у каждого, но, похоже, кроме меня, никто их не видит. Собственно, я не то чтобы «вижу», они не висят в воздухе. Просто возникают у меня в голове. Я ощущаю их где-то на обратной стороне глаз. И все же они настоящие. Не верите мне – и сколько угодно, а только они настоящие. И я знаю, что они обозначают. В первый раз врубилась, когда умерла мама.

Числа эти я видела всегда, сколько себя помню. Думала, все их видят. Иду по улице, встречаюсь с кем-нибудь глазами – и вот оно там, число. Помню, озвучивала их маме, когда она меня катала в коляске. Думала, она порадует. Скажет, какая я умница. Дождешься.

Был случай, мы как-то шлепали во всю прыть по Хай-стрит в сторону собеса забрать ее недельное пособие. Четверг обычно бывал неплохим днем. Скоро у нее появятся деньги купить эту фигню в заколоченном доме на дальнем конце улицы, и несколько часов она будет очень счастливой. Перестанет кривиться всем телом, будет со мной разговаривать, может, даже почитает. Мы шлепали, и я радостно выкрикивала число за числом: «Два, один, четыре, два, пусто, один, девять! Семь, два, два, пусто, четыре, шесть!»

И тут мама вдруг резко остановилась и развернула коляску к себе. Присела на корточки, вцепилась в подлокотники, словно заперев меня в клетку своим телом, – вцепилась так, что на руках выступили вены, а синяки и следы уколов стали еще заметнее. Посмотрела мне в глаза – лицо перекошено от злости.

– Так, Джем, – говоря, она плевалась слюной, – я без понятия, что ты несешь, но немедленно прекрати. Башка раскалывается. Не до того сегодня. Поняла? И без тебя гнусно, так что... блин... заткнись.

Слова жалили, как рассерженные осы, она брызгала на меня ядом. И пока мы сидели лицом к лицу, на внутренней стороне моего

черепа четко читалось ее число: 10102001.

Через четыре года я смотрела, как мужик в помятом костюме выводит его на бланке: «Дата смерти: 10.10.2001». Я нашла ее утром. Встала, как обычно, оделась для школы, пожевала сухой завтрак. Без молока. Достала его из холодильника, но оказалось, оно прокисло. Отставила пакет в сторонку, включила чайник и, пока он закипал, поела «шоколадных шариков». Потом сварила маме черный кофе и аккуратно понесла его в спальню. Мама лежала в кровати, как-то странно запрокинувшись. Глаза открыты, а подбородок и одеяло все в блевотине. Я поставила кофе на пол, рядом со шприцем.

– Мам? – позвала я, хотя знала: она не ответит. В комнате никого не было. Она ушла. И ее число тоже исчезло. Я помнила его, но больше не увидела, когда заглянула в тусклые, пустые глаза.

Я простояла там несколько минут или несколько часов – не помню, – а потом спустилась по лестнице и сказала соседке снизу. Та поднялась посмотреть. Меня заставила подождать за дверью, дурища, – можно подумать, я еще ничего не видела. Пробыла она там с полминуты, потом вылетела наружу, и на площадке ее вырвало. Проблевавшись, она утерла рот платком, отвела меня к себе в квартиру и вызвала «скорую». Приехала целая толпа: люди в форме – полицейские, санитары, – а с ними мужики в костюмах, вроде того, с бланком на планшете, и еще какая-то тетка, которая разговаривала со мной как с недоразвитой, а потом просто так взяла и увела меня оттуда – из моего единственного дома.

В ее машине, пока она везла меня хрен знает куда, я все крутила и крутила это в голове. Не числа, а слова. Два слова. Дата смерти. Дата смерти. Если бы я заранее врубилась, что обозначает это число, я бы сказала маме, сделала бы что-то, ну, сами понимаете. Изменило бы это что-нибудь? Если бы она знала, что вместе нам жить всего семь лет? Фиг, она бы все равно ширялась. Ничего бы ее не остановило. Не заставило слезть с иглы.

Мне было паршиво у канала с Жуком. Да, мы были на воздухе, но с ним мне казалось – я в ловушке, взаперти. Он заполнил все пространство своими длиннющими конечностями и все время двигался – а точнее, дергался – и еще вонял. Я поднырнула ему под локоть и выскочила на дорожку.

– Ты куда? – крикнул он мне вдогонку; голос отскакивал от

бетонных стен.

– Пойду погуляю, – буркнула я.

– Ну и классно, – сказал он, нагоняя меня. – Погуляем, поболтаем, – добавил он. – Погуляем, поболтаем.

Подошел поближе, к самому плечу, даже касаясь одеждой. Я шагала опустив голову, надвинув капюшон, под кроссовками мелькала тропинка, усыпанная гравием и мусором. Ну и видок у нас, видимо, был – я совсем мелкая для своих пятнадцати, а он – как черный жираф, да еще обкурившийся. Он попытался заговорить, но я молчала. Все надеялась, что ему станет скучно и он свалит. Дождешься. Похоже, чтобы он отвязался, его нужно послать, да и тогда, может, не уйдет.

– Так ты у нас новенькая? – Я передернула плечами. – Что, вышибли из старой школы? Плохо себя вела?

Да, вышибли из школы, вышибли из последнего «дома», а до того еще из одного, а еще раньше из другого. Нигде я не приживаюсь. Никто не может понять: мне нужно одно – не перекрывайте мне кислород. А меня вечно поучают, что и как делать.

Думают, что, если я начну слушаться, соблюдать режим, мыть руки, говорить «спасибо» и «пожалуйста», все будет хорошо. Ни хрена они не секут.

Он сунул руку в карман:

– Курнуть хочешь? Вон, у меня есть.

Я остановилась, смотрела, как он вытаскивает мятую пачку.

– Ну давай.

Он протянул мне сигарету, щелкнул зажигалкой. Я потянулась вперед и втягивала, пока сигарета не загорелась, заодно надышалась его вони. Тут же отпрянула, перевела дух.

– Пасиб, – буркнула я.

Он тоже закурил – можно подумать, ничего лучше на свете не бывает, потом театрально выпустил дым и улыбнулся. А я подумала: *Ему сроку меньше трех месяцев, всего-то. Все, что осталось в жизни этому придурку, – это прогуливать школу и курить у канала. И это называется жизнь?*

Я присела на грудку старых железнодорожных шпал. Никотин меня малость успокоил, но Жуку все было нипочем. Он слонялся туда-сюда, взбирался на шпалы, спрыгивал, раскачивался у самой кромки набережной, опираясь на пятки, отскакивал назад. Про себя я подумала: *Этим он и кончит, идиот, спрыгнет с чего-нибудь и ломает свою дурную шею.*

– Ты всегда так вот дергаешься? – поинтересовалась я.

– Так я же не статуя. Не восковая хряпа у Мадам Тюссо. Из меня, чел, энергия прет.

Он что-то сплясал на тропинке. Я не хотела, а улыбнулась. Когда я последний раз улыбалась? Он осклабился в ответ.

– Клёвая у тебя улыбка, – сказал он.

Совсем охамел. Не люблю, когда ко мне пристают.

– Вали, Жучила, – сказала я. – Двигай отсюда.

– Не парься, чел. Я же не в обиду.

– Да, но... я такого не люблю.

– И смотреть на людей тоже не любишь, да? – Я пожала плечами. – Народ считает, ты с приветом: вечно смотришь вниз, никому не заглядываешь в глаза.

– Это мое личное дело. Есть причина.

Он отвернулся, столкнул ногой камень в канал.

– Как знаешь. Ладно, больше не буду говорить про тебя ничего хорошего, уговор?

– Ладно, – согласилась я.

В голове у меня зазвонили тревожные колокольчики. С одной стороны, мне больше всего на свете хотелось обзавестись приятелем, хоть немного побыть как все. С другой – что-то верещало: уноси ноги, не ввязывайся. Только привыкнешь к человеку, он тебе вроде как даже понравится – и тут он сваливает. Все сваливают рано или поздно. Я посмотрела, как он перепрыгивает с ноги на ногу, как подбирает камни и швыряет в воду. «Не лезь, Джем, – сказала я себе. – Через три месяца он умрет».

Пока он стоял спиной, я тихонько поднялась со шпал и

побежала. Без объяснений, без всяких «до свидания».

Я слышала, как он кричит у меня за спиной:

– Эй, эй, ты куда?

Мысленно я приказывала ему: стой на месте, не догоняй. Голос его затихал, расстояние увеличивалось.

– Ну ладно, как знаешь. Завтра увидимся, чел.

Макак нынче совсем озверел. Кто-то, видимо, довел его с утра пораньше, вот он и отыгрывался на нас. Не возиться, не болтать, опустить головы, проверочная работа (изложение) на тридцать минут. Вся беда в том, что, когда мне велят что-то сделать, меня переклинивает. Хочется сказать: пошли-ка вы, когда захочу, тогда и сделаю. Даже если речь о том, что мне в принципе нравится. А уж тут – куда там. Вы не подумайте, читать я умею, но не слишком быстро. Мозгам нужно время, чтобы оприходовать каждое слово. Если я стараюсь читать быстрее, слова начинают путаться и лишаются смысла.

Надо сказать, в этот раз я старалась как могла. Честное слово. Карен, моя нынешняя приемная мать, выдала мне за прогулы по полной программе. Ну вы же знаете, как оно звучит, чего повторять? «Пора взяться за ум... получить хоть какое-то образование... жизнь у каждого только одна...» Она уже пообщалась и с учителями, и с моей соцработницей – в общем, с кем обычно, и я подумала: хватит мне приключений на свою голову. Сделаю вид, что прониклась, затихарюсь, отдышусь немного.

Все остальные для разнообразия тоже присмирели. Сообразили, что Макак сегодня встал не с той ноги, и решили его не доводить. Шаркали ноги, раздавались вздохи, но в принципе все сидели спокойно и трудились – или делали вид, что трудятся, – когда в классе без всякого предупреждения будто бы прогремел взрыв. Дверь распахнулась, грохнула об стену, и в класс влетел Жук – будто ядро из пушки. Споткнулся, чуть не бухнулся на пол. Тишины тут же как не бывало. Народ загоготал, заорал и завопил.

Макак не обрадовался.

– Разве так можно входить в класс? Выйди в коридор и войди как цивилизованный человек.

Жук, громогласно вздохнув, шагнул вперед и закатил глаза:

– Да ладно вам, сэр. Я же уже вошел. А то нет?

Маккалти говорил негромко, но с нажимом – если вы понимаете, о чем я, – будто вот-вот и взорвется:

– Делай, что я сказал. Войди заново.

– Да зачем вам это, сэр? Мне тут делать особо нечего, но я пришел. Хочу учиться, сэр. – Ехидный взгляд на всех остальных, встреченный ответным гоготом. – За что вы меня так обижаете?

Макак глубоко вдохнул:

– Я не в курсе, с какой такой радости ты решил сегодня осчастливить нас своим обществом, но ведь зачем-то ты сюда пришел? И если ты хочешь попасть на урок, а я надеюсь, что хочешь, тебе придется выйти, нормально войти, так, как я тебя просил, и потом мы продолжим работу.

Долгая пауза – они таращились друг на друга. Остальные затихли, дожидаясь, чем кончится дело. В кои-то веки Жук почти не дергался, стоял и пялился на Макака, только одна нога подрагивала. Потом он повернулся и вышел, вот так вот просто.

Все глаза, какие были в классе, проводили его до двери, а потом продолжали таращиться на пустой проем. Он свалил окончательно? Когда Жук появился снова, выпрямившись во весь рост, спокойный, как танк, по классу пронесся гул. На пороге он задержался.

– Доброе утро, сэр, – сказал он и кивнул в сторону Макака.

– Доброе утро, Доусон. – Маккалти смотрел на Жука с подозрением, не понимал, чего это тот так легко сдался. Беспокоила его такая легкая победа. Потом он положил листок с заданием, бумагу и ручку на парту Жука: – Садись, парень, и покажи, на что ты способен.

Жук проскакал к своей парте, а Маккалти вернулся на кафедру и встал там, повернувшись к классу:

– Так, а теперь все уgomонились. Осталось двадцать пять минут. Посмотрим, как вы справитесь.

Но после появления Жука нам уже было не уняться. В классе теперь стоял гул. Все ерзали, перешептывались, ножки стульев скребли по полу. Маккалти то и дело делал замечания, пытаясь восстановить дисциплину:

– Смотрите в свои тетради, пожалуйста. Не размахивайте руками.

Победа ему уже не светила.

А что касается меня – слова теперь плыли и прыгали перед глазами. Полная бессмыслица, набор букв на непонятном языке, каком-нибудь китайском или арабском. Потому что я никак не могла отделаться от мысли: неужели Жук притащился ради меня? Там, у канала, мне показалось, что между нами возникла какая-то приязнь, и меня это напугало. С тех пор я избегала его, но мне-то казалось, что сам он после того дня обо мне и не вспомнил, а вот теперь я в этом засомневалась. Потому что – чтоб мне провалиться – когда он скакал к своей парте, он мне подмигнул. Вот хам. Что он о себе думает?

После обеда у Макака все-таки случился перебор. Он что-то бубнил сквозь шум, смех, болтовню – и вдруг умолк.

– Так, убрали учебники, ручки, тетради. Все, я сказал. Живо! – Так, чего он там еще придумал? – Давайте шевелитесь. Всё убрали с парт. Нам нужно поговорить. – Закаченные глаза, зевки – допрыгались, сейчас начнет читать мораль. Мы покидали свои причиндалы в сумки или рассовали по карманам и приготовились к стандартной скукотище: «Безответственное поведение... низкая успеваемость... неуважение к учителю». Ничего такого не последовало.

Вместо этого он принялся прохаживаться между партами, останавливаясь рядом с каждым из нас и произнося по одному слову:

– Безработный. Кассирша. Мусорщик. – Дойдя до меня, он даже не остановился. – Уборщица, – произнес он и двинул дальше. Прошелся так по всему классу, развернулся к нам лицом. – Ну, и что вы при этом почувствовали?

Кто смотрел в парту, кто в окно. Почувствовали мы именно то, чего он и добивался. Почувствовали себя дерьмом. Мы и так знаем, что за будущее ждет нас после школы, незачем всяким надутым козлам вроде Макака напоминать об этом к месту и не к месту.

А потом Жук выпалил:

– А я ничего такого не почувствовал, сэр. Это ведь только ваше мнение, верно? Мне-то что с того? Я кем захочу, тем и стану.

– Не станешь, Доусон, в том-то все и дело, и я хочу, чтобы вы все прислушались к моим словам. Судя по вашему отношению к делу, участь ваша решена. Но стоит немного постараться, собраться, поднапрячься сейчас, в выпускном классе, и все может сложиться иначе. Вы получите нормальный аттестат, нормальную

характеристику – и сможете добиться гораздо большего.

– А у меня мама кассирша. – Это Шармен, через две парты от меня.

– И в этом нет ровным счетом ничего плохого, но ты, Шармен, если захочешь, можешь стать директором магазина. Всего-то и нужно – взглянуть на вещи пошире, понять, как многого ты можешь добиться. Какими вы себя видите в будущем? Ну чем вы будете заниматься через год, через два года, через пять лет? Лора, начинай.

Он обошел весь класс. Практически никто не имел ни малейшего понятия. Вернее, почти все соображали, что он по большому счету прав. Когда дело дошло до Жука, у меня перехватило дыхание. У этого парня нет будущего, и что, интересно, он скажет?

Жук, разумеется, выдал Макаку по полной. Уселся на спинку стула, будто обращается к целой толпе:

– Через пять лет я буду раскатывать на собственном черном «БМВ», слушать в динамиках классную музыку, а в кармане у меня будут деньги.

Другие мальчишки загоготали.

Маккалти бросил на Жука испепеляющий взгляд:

– И как ты собираешься этого добиться, Доусон?

– Да уж как-нибудь, помаленьку. Купи-продай.

У Маккалти аж физиономию перекосило.

– Воровать будешь, да, Доусон? Торговать наркотиками? – спросил он ледяным тоном. Покачал головой: – У меня просто нет слов, Доусон. Совершать преступления, жить без совести. И это всё, к чему ты стремишься?

– А как еще, блин, можно в этом мире разжиться деньгами? Вы на чем ездите, сэр? На этом мелком «опелеастре», который стоит на парковке? После того как двадцать лет отпахали в школе? Ну уж нет, я не собираюсь ездить на «астре».

– Доусон, сядь на место и закрой рот. Давайте следующий. Джем, а ты что думаешь?

Откуда мне было знать, что со мной будет дальше? Когда я даже понятия не имела, где буду жить через год. Почему этот скот

издевается над нами, заставляет нас нести чушь? Я глубоко вздохнула и ответила как можно вежливее:

– Я, сэр? Я знаю, чего я хочу.

– Уже хорошо. Продолжай.

Я заставила себя взглянуть ему в глаза. 25122023. Сколько ему сейчас? Сорок восемь? Сорок девять? Выходит, он помрет, как только выйдет на пенсию. Да еще и на Рождество. Да, жизнь – жестокая штука. Испортит своим родным праздник до конца их дней. Так ему и надо, скотине.

– Сэр, – сказала я, – я хочу быть такой... как вы.

На секунду он расцвел, на губах начала проступать улыбка, а потом понял, что я стебусь. Лицо замкнулось, он дернул головой. Рот превратился в тонкую линию, он так стиснул челюсти, что все кости повылазили.

– Доставайте учебники математики, – рявкнул он. – Зря я на них трачу время, – пробормотал он. – Совсем зря.

Выходя из класса, Жук хлопнул меня поднятой ладонью в ладонь. Я обычно таким не балуюсь, но тут рука поднялась ему навстречу помимо моей воли.

– Клево ты его, чел, – сказал Жук, одобрительно кивая. – Так и надо. Высший класс.

– Спасибо, – сказала я. – Жук?

– Ну?

– Ты ведь не колешься и не нюхаешь, а?

– Да не, ничего серьезного, просто хотел его завести. Он же с полоборота заводится. Ты домой?

– Нет, меня после уроков оставили.

Мне нужно было отстать от остальных, подождать, пока толпа рассосется. Карен будет ждать меня возле ворот. Она тогда провожала меня в школу и встречала из школы, пока я не «завоюю ее доверия». Еще не хватало, чтобы одноклассники увидели меня с ней.

– Ладно, тогда пока.

– Пока. – Он пинком выбросил школьную сумку за дверь, а сам ломанулся следом, и, глядя на него, я подумала: «Не колись и не нюхай, Жук. Жук, я тебя очень прошу. Наркотики – опасная штука».

Был такой серый октябрьский день, когда и светать-то толком не светает. И не то чтобы шел дождь, просто в воздухе висели капли, они оседали на лице, размывали все вокруг. Я чувствовала, как вода просачивается под «кенгурушку», как промерзают плечи и спина. Мы торчали на задворках торгового центра, там, где бетонные стены смыкаются с тускло-зеленоватой полоской канала.

– Пошли внутрь, там хотя бы сухо, – предложила я.

Жук двинул плечами, шмыгнул носом. Даже он сегодня особо не дергался, будто мерзкая погода и из него высосала энергию.

– Денег нет. Да и охранники меня уже знают.

– Я тут торчать не намерена. Холод, вонь и скука.

Жук перехватил мой взгляд:

– А еще чего?

– Всё достало.

Он уважительно хмыкнул, потом развернулся и зашагал по тропинке:

– Ладно, давай ко мне. Там только бабуля, а она у меня нормальная.

Я задумалась. Как-то так вышло, что, с тех пор как Карен дала мне немного воли, мы повсюду околачивались вместе – после уроков и в выходные. Впрочем, не все время, иногда Жук тусовался с парнями из нашей школы. Получалось оно, похоже, так: он примажется к ним, а потом они переругаются, даже подерутся, и он на некоторое время отвалит. У мальчишек всегда таким путем. Как у зверей да у обезьян или у львов – вечно они выясняют, кто первым жрет добычу, кто в стае главный. Ну не знаю уж почему, но в ту субботу он к ним не пошел, ошивался вместе со мной, и мы дохли от скуки. Делать было вообще нечего.

Для меня приглашение в чужой дом было делом нешуточным. Собственно, раньше меня никогда никуда не приглашали. Даже в детстве я была не из тех девчонок, которые выскакивают из класса

парочками – держась за ручки, хихикая, стреляя глазами. Дом у нас с мамой был не тот, куда можно привести подружку на чай.

– Ну, не знаю, – пробурчала я. Мне вообще неприятно знакомиться с новыми людьми, я никогда не знаю, смотреть на них или нет. Другим кажется, что я нелюдимка, потому что я не смотрю никому в лицо, а на самом-то деле я просто пытаюсь не залезать в их жизнь, не узнавать лишнего.

– Как знаешь, – сказал он, засунул руки в карманы и зашагал прочь.

Дождь теперь бил в лицо, это было совсем противно.

– Эй, стой! – крикнула я и побежала следом. Мы пошли вместе, надвинув капюшоны, по раскисшей лондонской грязи.

До его дома оказалось минут пять. Это была одна из безликих невысоких построек, разделенных на блоки, перед Парк-Эстейт. Квартира Жука была в середине дома, на первом этаже, перед входом – клумбочка. Клумбочка еще та – трава да несколько цветочков, зато вокруг полно совершенно улётных фигурок: гномики, зверюшки. Отвал башки.

– Классный садик, – сказала я и сама не поняла: восхищаюсь или издеваюсь. Жук скорчил рожу.

– Бабка наставила, – сказал он. – Она у меня чокнутая.

Он перескочил через невысокую ограду и начал пробираться сквозь цементную толпу. Хотел было лягнуть ногой особенно уродского гнома.

– Эй, не смей! – крикнула я. Жук замер. – Они классные. Не бей их.

– Блин, и ты туда же. – Он покачал головой и дождался, пока я открою калитку из облупившихся металлических трубок и пройду по дорожке. Потом распахнул дверь – она, похоже, была не заперта – и проорал:

– Это я, бабуль! Другана привел.

Я, конечно, нервничала, но отметила, что он сказал «друган». Мне это понравилось.

Узкая прихожая, а потом сразу большая комната. Все полки,

вообще все поверхности уставлены всякой дребеденью: фарфоровые зверюшки, тарелочки, вазочки. Представьте себе все барахолки в мире, всё, что висит там, потому что никому не нужно, – и картинка перед вами. Табачиной при этом воняло – будь здоров. Окна, похоже, не открывались. Облако дыма тянулось из соседней комнаты, и я вслед за Жуком двинула туда. Бабуля его сидела на высокой табуретке у барной стойки, перед носом газета, в руке чашка чаю, в зубах сигарета. На внука она была совсем не похожа.

Маленькая, белая, как я, с коротким ершиком волос, выкрашенных в темно-бордовый цвет. Лицо морщинистое, суровое. Я заметила, как Жук нагнулся чмокнуть ее в щеку, и подумала, что, встретить я их на улице, никогда бы не подумала, что они родственники. Но теперь ведь оно всегда так, верно? Дни семейных фотографий – мама, папа, двое детишек, все при параде, все на одно лицо, они вообще когда-то были? Они еще где-то остались? Уж точно не здесь. Здесь семьи такие, какие есть, типа одна бабуля, как у Жука, или вообще никого, как у меня, – будь ты черный, белый, коричневый, желтый или какой угодно. Так уж оно.

Жук отступил на шаг, и бабуля посмотрела на меня.

– Привет, – сказала она. – Я Вэл.

Я старалась не поднимать глаз, но почему-то все-таки взглянула ей в лицо, и она тут же поймала мой взгляд. Отвернуться было никак. Глаза у нее оказались удивительные – орехового цвета радужки и яркие, чистые белки, несмотря на курение. И она не просто смотрела, не так, как все остальные. Она разглядывала меня, высматривала всю подноготную. Я прочла ее число: 2022054. Курит как паровоз, а проживет еще сорок пять лет. Респект.

– Ну и кто ты такая? – спросила она. Слова прозвучали неприятливо, хотя она, наверное, ничего такого не имела в виду.

Я никак не могла собрать мысли в кучу, даже имя свое не могла вспомнить. Будто кролик, попавший в прожектор ее глаз.

Жук пришел мне на помощь:

– Ее зовут Джем. Мы вместе посмотрим телик.

– Обожди. Не сбегай сразу. Присядь-ка, Джем. – Она кивнула в сторону еще одной табуретки.

– Ба-аб, оставь ее в покое. Не приставай.

– Ты язык-то не распускай, Терри. Не слушай его, садись. – Она похлопала по табуретке: ладони у нее были маленькие, с длиннющими, загнутыми желтыми ногтями. Я покорно влезла на табуретку. Бабуля Жука была не из тех, с кем можно препираться, а кроме того, было в этом и что-то еще. Я это чувствовала, между нами будто бы проскакивали электрические искры. Это было и страшно, и интересно. Я все не сводила с нее глаз, и когда подвинулась на табуретке, чтобы поймать равновесие, она отложила сигарету и взяла меня за руку. Я не люблю, когда меня трогают, это вы уже знаете, но тут я не отдернула руку. Не смогла, и мы обе почувствовали: когда ее кожа соприкоснулась с моей, раздалось гудение, треск.

В нос мне ударил табачный перегар. Аж затошнило. Я и сама люблю курнуть, но вдыхать чужую табачину?.. Вообще жуть.

– Ты удивительный человек, я еще таких не встречала, – продолжала она, а я подумала: «Уж это-то точно, только тебе откуда знать?» – Ты знаешь, что такое аура? – спросила она.

Жук, который снова вошел в комнату, в ответ возмущенно фыркнул:

– Да отвяжись ты от нее, баб. Отстань, дура старая.

– Рот закрой! – Бабуля снова повернулась ко мне, и ее слова, произнесенные медленно и отчетливо, вошли мне в самое нутро, будто я слушала всем телом, а не только ушами: – Я еще не видела такой поразительной ауры, как у тебя.

Я понятия не имела, о чем она, но разобраться хотелось.

– Аура, Джем, – это твоя внутренняя энергия. Она разноцветная, и каждый человек излучает ее наружу. А рассказать о человеке она может больше, чем все остальное. Есть она у всех, да только далеко не все ее видят. Только те, кому повезло. – Старухины глаза сузились: – Ты ведь ее тоже видишь, да?

– Нет, – ответила я честно. – Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

– Бред она несет, только и всего, – вклинился Жук.

– Эй, сынок, ты меня сейчас доведешь! Рот заткни! – Бабуля наклонилась ко мне еще ближе и понизила голос: – Мне ты можешь сказать, Джем. Я пойму. Это одновременно и дар, и проклятие. Знать то, чего знать совсем не хочешь.

У меня аж живот подвело. Выходит, она знает, каково это. Я впервые встретила человека, который меня понял. Блин, как же мне хотелось все ей выложить, страшно хотелось, вот только пятнадцать лет хранить тайну – это немалый срок. И захочешь никому не скажешь, потому как привык молчать. А еще в глубине души я знала: стоит мне начать об этом говорить, хотя бы вот даже с бабушкой Жука, – и всё изменится. А я не была к этому готова. Тогда не была.

– Нет. Ничего такого, – пробормотала я. Умудрилась вырваться из когтей ее пронзительного, всевидящего взгляда.

Она откинулась назад и вздохнула – я, почитай, видела, что она выдыхает, столько в ней было табака.

– Как знаешь, – сказала она, зажигая очередную сигарету. – Ты теперь знаешь, где меня искать. Я здесь. Я всегда здесь.

Я слезла с табуретки и отправилась в комнату Жука; почти почувствовала, как она сверлит мне спину взглядом.

Жук развалился поперек кресла, свесив длинные ноги; стопы его подергивались.

– Ты на нее не обращай внимания. У нее несколько лет назад крыша окончательно съехала. Так ведь, бабуль? – проорал он. – Чего смотреть будем, спорт? – спросил он у меня, переключая каналы.

Я пожала плечами, потом заметила на полу черную коробочку:

– PlayStation?

Жук выкарабкался из кресла, плюхнулся на ковер и начал перебирать коробочки с играми:

– Давай в «Угон автомобилей»? – предложил он.

Я кивнула.

– Только шансов у тебя ноль, – предупредил он. – Я в этом деле не лох. И езжу так, что просто дым коромыслом.

Он не соврал. Я могла бы и заранее сообразить. Стрелять и гонять на машинах такие парни умеют. У них это с рождения, надо думать. Я, разумеется, не собиралась сдаваться, но по быстроте и напору мне было до него как до луны. Он вкладывал в игру всю душу, сосредоточивался так, будто от этого зависит его жизнь, играл прямо всем телом. Я делала что могла, но он каждый раз выигрывал.

– Для девчонки неплохо, – поддразнил Жук.

Я показала ему задранный указательный палец. Жук улыбнулся, и мне вдруг показалось, что в доме 32 по Карлтон-Виллас мне самое место.

Потом мы немножко посмотрели телик, но показывали всё какую-то чушь. Фигню вроде «Фабрики звезд». Бездарные идиоты стоят как бараны в очереди в надежде, что выбьются в звезды. Придурки. Даже те из них, кто умеет петь. Они и правда думают, что мир ждет их с распростертыми объятиями – вот вам слава, деньги и все остальное? Всякие жадюги вроде Саймона Коуэла выкачают из них столько денег, сколько получится, а потом вышвырнут обратно в канаву. Какое уж тут будущее? Так, потешить собственный эгоизм. Отстой. И все же мы с Жуком неплохо провели время, дружно хохоча над ними. Оказалось, нас смешат одни и те же вещи. И вообще, в этой комнате было здорово, несмотря на табачный дым и на то, что от Жука, как обычно, воняло – хотя меня ни на миг не оставляла мысль, что бабка его так и сидит там на кухне как какая-то птица, кондор или ястреб, что-то в таком роде. Хищная птица. Слушает нас. Выжидает.

– Мне пора, – сказала я через некоторое время.

Жук выкарабкался из кресла.

– Я тебя провожу.

– Да ладно. Тут недалеко.

– Давай отвезу, у меня тачка есть. – Он запнулся. – Вернее, можно достать.

Я посмотрела на него в упор. Он говорил серьезно – судя по всему, пытался произвести на меня впечатление. Я пошла к выходу. Еще не хватало впутываться в такие дела. Мало мне приключений на голову. Я слышала, как бабка его возится в кухне – хлопнула дверца микроволновки, раздался писк – она устанавливала таймер.

– Тебе ужинать пора, – сказала я. – Давай, до скорого. До свидания! – крикнула я от дверей его бабке: мне совсем не хотелось идти обратно на кухню и снова вступать с ней в разговор. Тут ее лицо возникло в кухонном дверном проеме. Между нами, соединяя нас, сверкнула молния, и глаза наши снова встретились.

– Пока, лапа моя, – сказала она. – Еще увидимся.

Она в этом, похоже, не сомневалась.

– Опишите лучший день в своей жизни. Не зацикливайтесь на орфографии и пунктуации. Главное – быстро. И пишите то, что думаете.

Очередной пример жестокости Маака – знает, как напомнить нам про мерзость и бессмысленность нашего существования. И чего он ждет? «День, когда папа подарил мне нового пони»? «Как мы на каникулах ездили на Багамы»? Лично я не люблю вспоминать прошлое. Какой смысл? Прошлое – оно в прошлом, там ничего не изменишь. И не выберешь из него один день, не скажешь: вот этот – самый лучший. Уж легче выбрать самый худший, тут несколько претендентов, хотя фиг я стану рассказывать про них Мааку. Какое его собачье дело? Я подумала: вот возьму сейчас и откажусь. Что он со мной сделает? А потом внутри у меня что-то щелкнуло, и я подумала: «Ладно, сейчас напишу, сам напросился». Я взяла ручку и начала писать.

– Время! – Протестующие вопли. – Прекратили писать. Не закончили – не важно. Сдавать мне не надо, будете читать вслух.

Открытый бунт – крики: «Фиг вам!», «Да пошел!...» Внутри у меня все похолодело, я поняла, какого сваляла дурака.

– Я хочу, чтобы вы по очереди вставляли и зачитывали вслух то, что написали. Смеяться над вами никто не станет. Все в одинаковом положении. Попробуйте.

Ор попритих.

– Эмбер, ты первая. Давай, выходи к доске. Не хочешь? Ладно, можешь с места, читай громко, отчетливо, чтобы все слышали.

И так одного за другим. Каникулы, дни рождения, праздники. Чего тут еще ждать? А один парень, Джоэл, описал тот день, когда родился его младший братишка, – и тут в классе что-то изменилось. Все вдруг наострили уши: Джоэл рассказывал, как помог маме дойти до ванной, как завернул малыша в старое полотенце. Пара девчонок шумно выдохнули, когда он закончил, друзья хлопали его ладонь в ладонь, когда он возвращался на место. Что же, все по-честному, он поступил правильно, но у меня внутри все сжалось –

при мысли о незащищенности, о хрупкости, о том, что их конец прописан с самого первого дня. Нет, это слишком. Маленькие дети – это не мое.

Следующим вышел Жук. Он долго топтался на кафедре, переминался с ноги на ногу, пялился в свой листок. Было ясно: ему хочется одного – свинтить.

– А это, блин, обязательно? – спросил он, прижимая листок к боку и закидывая голову, чтобы задрать глаза в потолок.

– Обязательно, – твердо ответил Маккалти. – Давай, мы все слушаем.

Тут он был прав. Класс стих, всех проняло.

– Ладно. – Жук поднес листок к глазам, чтобы не видеть нас и чтобы мы не видели его. – Лучший день в моей жизни – это когда бабушка возила меня к морю. Это место называлось Вестон-на-чем-то-там, балдежное название. Мы несколько часов ехали на автобусе, я заснул. Потом приехали – я никогда в жизни не видел такого простора. До моря было несколько миль, и еще там был огромный пляж. Мы ели чипсы и мороженое, а еще там были ослы. Я покатался на осле, было странно, но прикольно. И мы прожили там дня два вдвоем с бабушкой. Круто было.

На задней парте кто-то заржал, однако беззлобно. Жук сгорбился от облегчения. Дело сделано. Он вернулся на место.

А вскоре настала моя очередь. Кожу покалывало, я прочувствовала все нервные окончания в своем теле, пока дожидалась, когда Макак назовет мое имя. И вот наконец:

– Джем, теперь твоя очередь.

Я пошла к доске; одетая, я чувствовала себя голой. Повернулась, не поднимая глаза: не хотелось видеть, что все на меня смотрят. Наверное, нужно было что-нибудь придумать прямо на месте, притвориться такой же, как все, изобрести какую-нибудь слюнявую историю про замечательное Рождество, подарки под елками, какую-нибудь такую фигню. Но я не умею соображать так быстро – всяко не тогда, когда на меня смотрят. С вами так не бывает? Только потом до тебя доходит: можно было сказать вот это, ответить вот так вот, сразить их, чтобы они больше уже не встали. Но я стояла у доски, перепуганная, растерянная, и мне ничего не оставалось, только

прочитать написанное. Я глубоко вдохнула и начала:

– Лучший день в моей жизни. Встала утром. Позавтракала. Пришла в школу. Обычная скучища. Обычная мысль: что я тут делаю? Никто меня не замечает, ну и ладно. Сажу в одном классе с другими недоумками – наш специальный класс.

Зря трачу время. Вчера было то же самое, но вчера прошло. Завтра может и не настать. Есть только сегодня. Лучший и худший день моей жизни. Хрень, короче говоря.

Когда я закончила, повисла тишина. Глаз я не подняла, прислонилась к доске, сгорая со стыда. Тишина звенела в ушах, оглушала. А потом кто-то крикнул:

– Ладно, не хнычь! Может, и не помрешь!

И понеслось: вопли, гогот.

Что-то грохнуло – я непроизвольно подняла глаза. Жук перескакивал через стулья и парты. Добрался до шутника, сидевшего в заднем ряду – его звали Джордан, – заломил тому руку и хрюкнул по физиономии. Класс взревел – Джордан отбивался, остальные мальчишки превратились в таявщую стаю, сбились в тесный, агрессивный клубок. Маккалти бросился к месту битвы, пробиваясь сквозь толпу, расталкивая плечи, протискиваясь между телами.

Я смяла свой листок и уронила его на пол, потом выскользнула за дверь и побежала по коридору. У меня была одна мысль: исчезнуть, найти какую-нибудь дыру, где можно побыть одной. И чтобы никогда больше не возвращаться в эту пыточную камеру. Я несколько часов проболталась по улице где попало – по всяким местам, где тебя никто не видит и всем на тебя наплевать, – а потом мне надоело болтаться по темноте.

Я вернулась к Карен, подошла к кухонной двери. Я думала, что Карен уже спит – было уже за полночь, – но оказалось, что она сидит за кухонным столом, стиснув в ладонях чайную чашку, и лицо у нее блекло-серое. Карен чего только в жизни не перевидала: младенцы, малыши, «трудные» подростки вроде меня. На ее попечении перебивало двадцать две сироты. Она крепко вымоталась. Я в очередной раз проверила ее число: 1472012. Ей осталось три года.

– Джем! – сказала она. – У тебя все в порядке? Ты где была?

– Гуляла, – ответила я. У меня не было сил ей все объяснять. Да

и с чего начать?

– Иди сюда, Джем. Садись. – Она не казалась рассерженной. Только усталой.

– Я хочу спать.

Она открыла было рот, будто все же собралась меня повоспитывать, однако передумала, шумно выдохнула и кивнула.

– Ладно, поговорим утром. Обо всем поговорим. – Это была угроза, не обещание. – Пойду позвоню в полицию, я заявила, что ты пропала. Вот, возьми. – Она протянула мне чашку, полную на три четверти.

Я поднялась наверх, поставила чашку на столик у кровати и, не раздеваясь, залезла под одеяло. Оперлась на подушки, потянулась за чашкой. Только когда теплая сладкая жидкость проникла в кровь, я поняла, как внутри холодно и пусто.

Я устала как собака, но заснуть не могла. И я просидела всю ночь, закутавшись в одеяло по самую шею, пока сквозь занавески не начал пробиваться свет; на грани между бодрствованием и сном я встретила начало нового тусклого дня.

Класс мистера Маккалти все еще гудел. Мне предстояло справляться с одноклассниками в одиночку – Жука на три недели отстранили от занятий. Собственно, больше он в школу так и не вернулся. Думаю, знай он об этом заранее, он бы не ограничился тем, что поставил Джордану фингал под глазом и рассек губу. По классу гуляли слухи: Жука забрали в полицию и все такое, строились догадки, что Джордан с ним сделает, когда они снова окажутся в одном помещении. Пока же, за неимением лучшего, одноклассники решили поизмываться надо мной.

– И как ты теперь без своего дружка? Кто же будет защищать твою честь?

– Джем и Жук – сладкая парочка!

Я, разумеется, послала их куда подальше, но это не помогло. Они кидались на меня, как собаки на кость.

Пару дней я терпела, а потом поняла: всё, не могу. Уходила в школу как обычно, потом сплетливалась на задворки магазинов, забиралась в парк или спускалась к каналу и там болталась сама по себе. Жалеть меня не надо, мне было не привыкать. Я делала то же самое, где бы ни жила, в какую бы школу ни ходила. Сколько-то вы можете терпеть, но рано или поздно терпение лопается, и хочется единственного – побыть одной. Оно так со всеми подростками, но со мной в особенности. Ведь в школе ты постоянно среди других, как в инкубаторе, а я, как вам уже известно, плохо переношу других людей. Мне куда легче, когда я сама по себе.

Все эти дни я, кроме того, старательно – и небезуспешно – избегала встреч с Жуком. Пару раз я его видела, но он меня нет – я об этом позаботилась. Мне было стыдно за ту историю в школе. Что он вообще себе думал, какого черта в это полез, выставил нас обоих идиотами? Когда я об этом думала, мне делалось грустно. Ведь несколько недель мне казалось: у меня есть приятель – или вроде того. Но эта ситуация, как и все остальное в моей жизни, слишком запуталась и сошла на нет. Если история с Джорданом что мне и прояснила, так только то, о чем я и сама догадывалась: от Жука одни неприятности, а мне они ни к чему. И все же я по нему скучала.

И вот надо же, не удалось мне выпихнуть его из своей жизни. Как дурной запах, который ползет за вами повсюду, как старая жвачка, приставшая к подметке, Жук скоро снова возник на моем горизонте. Короче говоря, мне было от него не отвязаться. Короче говоря, никуда мы друг от друга не делись.

В общем, в ту среду я маленечко отвлеклась. Засмотрелась на одного старого бомжа. Он подкатился ко мне минут на десять раньше, попросить денег, и я почему-то пошла за ним по Хай-стрит. Теперь он копался в мусорном бачке на другой стороне улицы, а я стояла, прислонившись к стене, и смотрела, и вдруг в нос мне ударила знакомая вонь и чей-то голос гаркнул в самое ухо:

– Как жизнь?

Я вся сосредоточилась на старом хрыче, так что и оборачиваться не стала, просто сказала, будто бы мы расстались минут пять назад:

– Жук, какое сегодня число?

– Хрен его знает, кажется, двадцать пятое.

Старый хрыч выкопал что-то из бачка – половинку гамбургера в обертке. Быстренько осмотрелся, не претендует ли кто еще на его добычу, и на миг глаза наши встретились. И я снова увидела его число: 25112009.

Бомж сунул гамбургер под мышку, прижал локтем и побрел дальше. Я двинула следом.

– Ты это куда? – озадаченно спросил Жук.

– Куда хочу, туда и иду.

Он нагнал меня.

– А зачем?

Я остановилась, не спуская глаз со старикана, который пробирался сквозь толпу, и ответила совсем тихо:

– Хочу проследить за тем типом, стариком в свитере.

– Это еще зачем? Воровать по мелочи нам ни к чему, Джем. Деньги у меня есть. – Он похлопал себя по карману. – Если тебе чего надо, говори.

– Я не собираюсь его грабить, просто пошли за ним. Будто мы

шпионы, – быстренько выдумала я, пытаюсь превратить всё в игру.

На физиономии у Жука было написано: «Совсем с катушек съехала», однако он пожал плечами и сказал:

– Ну ладно.

Мы пошли. Немного ускорились, когда старикан впереди свернул за угол. Он теперь топал по боковой улочке, там было не таклюдно. Мы подоברались к нему метров на десять, тут он обернулся и приметил нас. Он знал: я видела, как он вытаскивает гамбургер из бачка. Испуганно, воровато отвернулся и почти бегом припустил дальше.

– Засекли нас, чел, – сказал Жук. – Что будем делать?

Мне просто хотелось посмотреть, что с ним будет дальше, я совсем не собиралась пугать этого доходягу, в его последний-то день.

– Давай немного отстанем. Он, похоже, целит в парк. Проводим его дотуда – и хватит. Курнуть хочешь?

Мы закурили и вразвалку пошли в сторону парка. В дальнем конце улицы все поспешал куда-то наш дедок. Он дошел до пересечения с широкой улицей – парк находился на другой стороне. Пошарил под мышкой – да, гамбургер на месте, потом оглянулся через плечо. Мы были довольно далеко, но видеть он нас видел и явно встревожился. Я как раз собиралась сказать Жуку: ладно, валим отсюда, но тут старикан, продолжая пялиться через плечо, шагнул на мостовую.

Машина ударила его с глухим и страшным звуком. Он распластался по капоту, потом взлетел в воздух. Это напоминало телевизионную рекламу про соблюдение правил дорожного движения, только там-то снимают манекены – да? А тут все было на самом деле – настоящее тело, отчаянно дрыгающиеся руки и ноги, голова, дернувшаяся вперед, потом назад, удар об землю.

На несколько секунд мы застыли. Послышались крики, вокруг начали собираться люди. Жук бросился в ту сторону.

– Пошли, посмотрим, как он там.

Я не двинулась с места. Я не хотела больше ничего видеть. Если он еще жив, то скоро умрет. Не позднее полуночи. Сегодня – его день. С этим ничего не поделаешь.

Жук уже добежал до конца улицы и тянул шею, пытаясь заглянуть через чужие головы. Я подошла тоже. Рядом со мной кричала женщина – визгливо, непрерывно. Подруга увела ее. Порой мне удавалось разглядеть тело. Грудь поношенных разномастных тряпок и что-то внутри. Не кто-то – уже не кто-то. Этот кто-то ушел. Ушел туда, куда уходят все, где теперь моя мама. На небо? Если говорить про мою маму, так уж скорее в ад. Или никуда. Уходят – и всё.

Я потянула Жука за руку:

– Пошли.

Он выбрался из толпы, и мы зашагали к его дому. Жучила примолк, только иногда тряс головой:

– Это мы его напугали, чел. Он с перепугу.

– Знаю, – сказала я тихо. Он произнес вслух то, что крутилось у меня в голове: это мы виноваты. Это из-за меня он выскочил на дорогу. Не будь тут меня, он сидел бы сейчас в парке и жрал бы этот паршивый гамбургер. Может, от него бы и загнулся – подавился бы куском булки с котлетой. Или у него бы случился инфаркт. И тут вылезла мысль, которую я вечно гнала, а она все возвращалась: может быть, ему и не предназначалось сегодня умереть. Может, он умер, потому что встретил меня.

Я и не заметила, как мы пришли к Жуку домой. У калитки я остановилась.

– Я, пожалуй, пойду к Карен, – сказала я. Мне нужно было побыть одной, переварить все это.

– Не, чел, давай-ка зайди. После такого, знаешь, не сидят в одиночестве.

Была у меня и другая причина не заходить. Эти ореховые глаза, которые видят всю мою подноготную.

Ну еще бы: Вэл сидела на кухне, на своей табуретке. Жук нагнулся и поцеловал ее.

– Чего-то ты сегодня рано вернулся, – сказала она, глянув на кухонные часы.

– Что? Половина второго. Баб, ты же знаешь, что меня временно выгнали из школы. Совсем крыша поехала? А у Джем... свободный

график. – Он осклабился, Вэл улыбнулась в ответ. Видно, поняла что к чему.

– Может, посидите дома, почитаете маленько? – Она перевела взгляд на меня: прямой, всевидящий, не спрячешься.

– Дай сперва очухаться. Тут при нас одного старикашку сбила машина.

Вэл опустила сигарету.

– Он жив?

– Не, насмерть. Откинул копыта прямо на дороге, там, возле парка. Мы всё видели.

Голос его подрагивал. Похоже, не такой уж он крутой и непрошибаемый.

Вэл слезла с табуретки и, шаркая, побрела ставить чайник.

– Ну надо же. Эй, садитесь. Я вам чайку заварю. Крепкого, сладкого, вам сейчас такого и нужно. Машины эти, мать их так. И дорогу-то не перейдешь.

Она принялась заваривать чай, а мы устроились в гостиной. Скоро она пришла с подносом, принесла три кружки и печенье. Поставила поднос на пуф в середине комнаты, а сама, пыхтя, опустилась в кресло.

– Эти кресла – не для моей спины. Давайте пейте.

Я отхлебнула горячего чая, а Жук с бабушкой тем временем одну за другой запихивали в рот печенины, запивая чаем и глотая сладкую кашу.

– Это как: шли вы, шли и такое увидели?

Я поймала взгляд Жука. Зря волновалась, он тоже не горел желанием рассказывать, что последние минуты жизни этот бедолага провел в страхе, что мы его сейчас ограбим.

– Да, вроде того.

– Жуткое дело, а? Никогда не скажешь, что тебя ждет за следующим углом.

Жук отвалил в сортир, оставив меня с бабкой наедине. Она поерзала в кресле и нагнулась ко мне поближе:

– Ты там как, Джем? Мало приятного в таком зрелище, а?

Я кивнула:

– Да.

– Видела уже когда покойника? Или впервой?

Блин, она что, меня допрашивает?

Надо было ей просто ответить: не хочу я про это. Но я уже говорила, что в ней было что-то особенное – не посопротивляешься.

– Маму, – сказала я тихо.

Рот у нее округлился, и она кивнула – будто заранее про это знала. Мне это понравилось – понравилось, что она не смутилась, не начала восклицать, как это страшно и ужасно. Просто кивнула. Поэтому я продолжила:

– Я ее сама и нашла. Она умерла во сне. От передозировки. Не специально. В смысле, я так не думаю. Просто не повезло.

Бабка снова кивнула.

– Не повезло. Как и моему Сирилу. Помер в одночасье, в сорок один год. Инфаркт хватил беднягу. Никто и подумать не мог, что у него сердце не в порядке. Никаких симптомов. Вон он, смотри, на камине.

Я посмотрела на деревянную полку над камином. И верно, среди фарфоровых собачек и медных подсвечников красовалась фотография в рамке из тех выпендренных, что делают в ателье. Снимок черно-белый, только голова и плечи. Красавец, в глазах искорки. Всего-то бумажка в рамке, но почему-то она притягивала, хотелось улыбнуться в ответ.

– Давай, лапа, достань-ка его. – Неохотно, настороженно я подошла к камину. – Давай бери. – Я потянулась к рамке. – Да нет, не фотографию, Джем, – резко остановила меня старуха. – Прах, вон он там, в урне.

Что за...

И верно, фотография стояла рядом с крепким деревянным ящичком. Я помедлила.

– Давай, он тебя не укусит.

Я отодвинула пару фигурок, взяла ящичек в руки. Он был на удивление тяжелый – плотное, гладкое дерево, а сверху металлическая табличка: «Сирил Доусон, скончался 12 января 1992 года в возрасте 41 года». Я осторожно сделала несколько шагов и поставила ящичек на пуф, рядом с подносом. Вэл нагнулась над ящичком, провела ладонью по крышке.

– Все говорят: скверно умирать молодым, но он прожил прекрасную жизнь, молодую жизнь. Никаких вот этих, – она положила руку на поясницу, – болей и болячек, дряхлости, тупости. Нет, он жил полнокровной жизнью, жил как лев и умер – как свет погас. Так-то. – Она щелкнула пальцами. – И ничего в этом нет плохого. – Она снова опустила ладонь на ящичек, погладила большим пальцем табличку. – Вот только мы по ним уж очень тоскуем. По умершим. Тоскуем, и всё.

Жук отлепился от дверного косяка, на который опирался, и обхватил бабушку руками:

– Это ты так решила подбодрить Джем? Дура ты старая.

– Эй, полегче. – Она вскинула руку, пытаясь вклепить ему оплеуху. Он перехватил руку на лету, чмокнул бабушку в щеку. Когда он отпустил ее ладонь, Вэл, опуская руку, мимоходом погладила внука по щеке. – Он вообще-то хороший парень, Джем. Очень хороший. Поставь дедушку на место, сынок.

– Вэл, – я заговорила, толком не подумав, – а какая аура была у него? У Сирила?

На лице у нее отразилось удивление, а потом она улыбнулась, показав полный набор кривых порыжелых зубов.

– Много бы я дала, чтобы знать, лапа. Но видеть их я начала только после его смерти. Горе и все такое – видимо, во мне и открылся какой-то духовный канал. А до того я их не видела.

А потом – сразу же тихим, задушевым голосом:

– Что ты видишь, Джем? – Я вжалась в спинку дивана. – Что ты видишь? Я же знаю, что видишь.

Мы одного поля ягоды, Джем. Обе знаем, что такое потеря.

Она поймала меня врасплох. Так хотелось все ей рассказать. Страшно тянуло взять ее костлявую руку в свои, почувствовать ее

силу. Я знала, что она мне поверит. Я поделюсь своей тайной, сброшу хотя бы часть своего одиночества. Я медлила на самом краю – она тянула меня к себе. Сейчас все случится...

– Бабуль, если ты вот так будешь мучить всех моих гостей, у меня друзей не останется. Хватит, оставь ты ее в покое. – Голос Жука, как мечом, рассек протянувшиеся между нами энергетические линии. Я будто выскочила из ловушки. – Пошли, чел, покажу тебе свой новый музыкальный центр. Полный отпад.

Он повел меня к себе в комнату.

Выходя из гостиной в прихожую, я обернулась. Вэл так и не отвела от меня глаз, все сверлила взглядом, пока нашаривала пачку и зажигала новую сигарету.

На лестнице грохотала музыка. Я пробиралась между ног и тел. Меня едва замечали: народ ширился, оттягивался, совокуплялся.

Я вообще-то пришла поискать Жука.

– У База в субботу вечером собирается народ, – сказал Жук на следующий день после гибели бомжа. Мы снова сидели у канала, швыряли камешки в консервную банку. – Меня туда звали. Еще бы не звали. И ты подваливай, в любое время после десяти. Найтингейл-хаус, третий этаж.

Я не знала, что ответить. Жук произнес все это будто бы между прочим, но приглашение на субботнюю вечеринку слишком уж смахивало на свидание, а я не собиралась играть во все эти слюнвявые игры. Я только-только привыкла к тому, что у меня есть приятель, с которым можно погулять, переходить к чему посерьезнее пока было рано. И вообще, вслух-то я этого никогда не произносила, а про себя думала: если уж заводить серьезные отношения, то с человеком порядочным. Я, понятное дело, подумывала о таких отношениях, хотя и довольно редко, и всегда воображала себе кого-нибудь симпатичного, ну, может, не на все «пять», но уж на твердую «четверку». Уж всяко не такого, как Жук, – долговязого, тощего, дерганого да еще и вонючего. Которому, кроме всего, жить осталось пару недель.

Надо бы разобраться, кто он вообще такой, может, придурки-одноклассники вообще-то и правы.

Только сделать это по-тихому, чтобы ни мне, ни ему не попадать в глупое положение. Я же не стерва.

– Жук? – сказала я, изобразив голосом знак вопроса.

– Ну?

– Слушай, тогда, в школе... зачем ты это? Зачем полез?

Жук нахмурился:

– Так он тебя оскорбил, Джем. Я же слышал: ты говоришь то, что думаешь. То, что чувствуешь. Какое он имел право над этим прикалываться?

– Ну, знаю я, что он придурок, но ты-то тут при чем? Выставил себя непонятно кем. Да и меня тоже.

– А что, я должен был стоять и смотреть?

– Не знаю, только мне не нужен рыцарь-защитник. Я сама могу за себя постоять. – Он вроде как улыбался. Я сделала паузу. – Ничего смешного. Мне от этого только хуже, – добавила я. – Теперь они все постоянно трывают про нас с тобой. Что мы, мол, парочка.

Жук отвернулся, поразглядывал руки. Костяшки на правой почти зажили.

Во рту у меня пересохло, но нужно было доводить дело до конца:

– А ты ведь знаешь, что мы никакая не парочка, да, Жук?

Он посмотрел на меня:

– Что?

– Мы не... не это самое. Мы просто друзья.

Он как-то странно помрачнел и ответил:

– Ну да, конечно. Просто друзья. Друзья – это хорошо.

У меня сложилось впечатление, что думает он как раз обратное. Внутри я вся кипела, проклинала тот день под мостом. С людьми вообще ужасно трудно. Какого фига я с ним связалась?

Он встал, подошел поближе, протянул руку. «Сейчас, блин, полезет обниматься, – подумала я. – Он что, вообще ничего не слышал?» Но рука вдруг сжалась в кулак, и он несильно стукнул меня в плечо.

– Слушай, чел, я же тебя просекаю. Я уже сказал: не буду я говорить тебе ничего хорошего. А теперь, как ты мне мозги прочистила, так и делать не буду. Уговор? Ежели кто тебя станет обижать, не мое дело. Будут грабить на улице, пройду мимо. Увижу, что ты горишь, даже и не поссу на тебя. Уговор?

Я ухмыльнулась; мне полегчало. Так-то оно лучше – с шуточками и без соплей. И вообще-то он прав: он начинает меня просекать. Никому еще не удавалось вот так вот меня поддразнить, заставить улыбнуться. Я только что его оттолкнула, а тут мне вдруг почти захотелось потянуться к нему, обнять. Почти. Я, понятное

дело, не стала. Вместо этого руки наши встретились в воздухе, соприкоснулись костяшками, кулак к кулаку.

– Живем, чел.

– Да, Жук, – ответила я. – Живем.

– Ну, так ты придешь в субботу?

Никакая это не свиданка, просто тусовка. По-дружески.

– Пока не знаю. Поглядим.

Я много об этом думала. Собственно, каждую минуту с того момента, как он меня пригласил, и до того, как через пару дней я стала подниматься по этой лестнице. Сто раз говорила себе: не пойду. Куча причин, почему идти не стоит: во-первых, я не люблю людей, а они не любят меня; во-вторых, Баз – известный козел и вообще бандюган; и, наконец, Карен никуда меня не отпустит так поздно. С другой стороны, меня никогда еще не приглашали ни на одну вечеринку, и мне в принципе хотелось пойти, хоть раз поступить как нормальный человек. И я сказала себе: зайду ненадолго, погляжу, как оно там. Не понравится – можно и не задерживаться. А что до Карен – главное, чтобы она ничего не узнала.

Я выскользнула через черный ход, пока она смотрела в гостиной телевизор: туфли несла в руках, чтобы не грохотать по лестнице. Шла быстро, низко надвинув капюшон. В глубине кармана рука оглаживала пластмассовую ручку ножа. Его я прихватила на кухне, просто чтобы чувствовать себя поувереннее – у меня никогда не хватит духу пустить его в ход, я вообще-то не агрессивная, но ежели кто станет на меня наезжать, покажу им лезвие, пока они там разберутся, успею удрать. Словом, именно нож в кармане помог мне переступить порог и шагнуть в темноту. Еще одна маленькая, но полезная тайна.

Жилище База я отыскала без труда; чем выше я поднималась по лестнице, тем громче гремела музыка, тем больше торчков встречалось на моем пути. Я рассчитывала отыскать Жука прямо на лестничной площадке, но куда там. Придется входить. Впрочем, вокруг тусовалось столько народу, что войти в квартиру оказалось непросто, пришлось проталкиваться. Если учесть, что я тут никого не знала, а прикасаться к людям не люблю в принципе, задача оказалась не из легких, но отступать я теперь не собиралась. Да и вообще, я мелкая для своих лет, так что довольно легко просочилась

сквозь толпу – никто на меня даже не обиделся.

Внутри было даже хуже, чем я предполагала: духотища, музыка гремит так, что мысли не соберешь, народу толпа, в морду постоянно тыкаются вонючие подмышки, несет табаком, наркотой и потом. И каждую секунду передо мной – числа, совсем рядом, не спрячешься.

Говорят, продолжительность жизни растет, да, только к подросткам из нашей округи это явно не относится. По большей части им предстояло дожить до сорока – пятидесяти; многим светило и того меньше. Следствие вот такого вот образа жизни, подумала я, – автомобильные аварии, алкоголь, наркотики, безысходность. Лучше такого, конечно, не знать, но когда бы я умела отключать свои способности.

Я продвинулась метра на три, и тут меня охватила паника: меня зажали между каким-то парнем в мокрой от пота футболке и его подружкой – сплошные духи и лак для волос. Я понятия не имела, как двигаться дальше, а просвет за спиной тоже закрылся. Дышать было нечем, а шум стоял такой, будто гремело прямо в голове и звуки пытались вырваться наружу через уши, нос и глаза. Голова поплыла, ноги обмякли, но я сообразила, что не очень-то они мне нужны: окружающие держали меня на весу.

И тут сквозь малюсенькую щелку я увидела знакомый принт на спине желтой футболки – футболка подпрыгивала вместе со своим владельцем в такт музыке. Жук! Я вдохнула полную грудь воздуха, опустилась на пол и стала понизу пробираться сквозь частокол ног. Выбралась наружу рядом с Жуком, постучала его по плечу.

Он полуобернулся, осклабился и завел длинную руку мне за спину, на уровне талии. Я помнила про наш разговор, но не сопротивлялась. Ткнулась ему в бок – привычный запах его тела на сей раз показался почти приятным; он придерживал меня, дав возможность немного отдышаться.

При этом он что-то говорил, но я ничего не слышала. Тогда он нагнулся и заорал:

– Тут прикольно, чел! Вот... – Другой рукой он протянул мне здоровенный косяк. Я, похоже, была так оглушена всем предыдущим, что взяла не раздумывая. – Давай! – гаркнул Жук мне в ухо. – Классная штука.

Я глянула на косяк в своих пальцах – над кончиком вился

голубоватый дымок. Обычная травка, ничего серьезного. А потом я вдруг вспомнила про маму, в какой странной позе она лежала, когда я ее нашла. Может, и она начинала вот так же? Курнуть для забавы? Нет, меня не заманишь на эту дорожку. Я вернула косяк Жуку.

– Ты чего? – удивился он.

– Да так. Тут жарковато, мне бы попить.

– Сними ты куртку, Джем, а то расплавишься.

Тут он был прав. Я чувствовала, что по лбу катится пот. Вывернувшись из рукавов, стараясь никого не пихать локтями, стянула «кенгурушку» через голову. Про нож я, понятное дело, забыла. Он упал на пол. Я замерла, гадая, как на это отреагируют. Многие заметили, и ничего – только рассмеялись.

– Эй, а вот этого тут не надо, мы разбойники честные. – Кто-то наклонился, подобрал нож и протянул мне.

– Жук, кого это ты привел? Ишь какая крутая сосиска!

Говоривший подмигнул – я поняла, что надо мной смеются. Пятнадцать лет, росту метр пятьдесят – чего меня бояться.

Жук осклабился:

– Так это Джем. С ней лучше не связываться. Мелкая, но свирепая.

Я вообще-то не люблю, когда меня обсуждают, но тут, в этой толпе, все выглядело так, будто говорили о ком-то другом. Меня это не касалось.

Через некоторое время подвалил какой-то громила, перекинулся с Жуком парой слов. Он был сплошь в татуировках, именно что сплошь. Руки, шея, лицо – абсолютно всё. Собственно, обалдела я от татуировки на лице – в жизни ничего такого не видела. Жук нагнулся ко мне и проорал:

– У меня тут одно дельце. Сейчас вернусь.

Они на несколько минут скрылись в какой-то дальней комнатухе, а я осталась стоять, соображая. Подойдя к Жуку, татуированный тип оглядел меня с ног до головы. И теперь в мозгах у меня плавало его число, а я пыталась сообразить, что бы это значило; я хоть и не затынулась тем косяком, но, видимо, надышалась дыма.

Мозги ворочались со скрипом – я не то чтобы перестала соображать, но делала это очень медленно. 11122009. Что бы это могло значить? Потом я все-таки сосредоточилась. Получается, одиннадцатое декабря этого года. В этот день Татуированный откинет копыта. За четыре дня до Жука. Блин, да что здесь такое творится?

Жука рядом не было, новое число прожигало мне мозги, так что я здорово завелась. Прибилась к этим новым приятелям Жука, но они не знали меня, а я – их. Закрыла глаза, сделала вид, что слушаю музыку, прикинула, сколько я здесь еще продержусь, заметит ли Жук, что я свалила, а если заметит, что об этом подумает.

А потом что-то заставило меня открыть глаза – шум стал каким-то другим или кто-то меня толкнул, не знаю. В другом конце комнаты обстановка накалялась. Несколько парней, в том числе и Татуированный, кого-то пихали. Руки, плечи, локти – все шло в ход. А в самой гуще возвышался Жук. Здоровенный, как каланча, но было понятно, что происходит. На него наезжали, над ним стебались. Он вскинул руки, будто хотел сказать: «Да ладно вам, ребята», – а они бесновались вокруг как гиены. Жук – он длинный, но при этом кожа да кости, и, когда я на него глянула, комок подкатил к горлу. Такой беззащитный.

Через пару минут из комнатухи вышел еще какой-то тип, в бейсболке и темных очках. На первый взгляд ничего особенного, но было в нем что-то такое, в осанке, что ли. Представлять его мне было не нужно: явно Баз, здешний главный. Он что-то сказал, и от Жука мигом отстали. Жук начал благодарить, было видно, что он просто рассыпается в благодарностях, голова трясется, как у фарфоровой собачки. Потом он вернулся ко мне.

– Давай, Джем, нам пора.

Он ухватил меня за плечо, а я, вместо того чтобы вывернуться, позволила ему довести меня до дверей: мне очень хотелось наружу, я давно пожалела, что пришла.

– У тебя все в порядке? – спросила я.

– А то, еще бы. Просто класс. Просто класс. Давай, сваливаем. – Пока мы пробирались сквозь толпу, он продолжал трясти головой и что-то бормотать. Теперь мне не пришлось прокладывать дорогу: перед нами расступались. Все ведь видели эту потасовку в углу, на Жуке теперь стояла особая печать.

После этой духовки, Базовой квартиры, воздух снаружи показался просто ледяным. Мы молча спустились по лестнице. Жук, похоже, не собирался мне ничего объяснять, пришлось спросить самой:

– Что там, блин, приключилось?

– Ничего.

– Не держи меня за дуру, Жук. У тебя вдруг – ни с того ни с сего – появляется новый музыкальный центр, заводятся деньги, тебя приглашают к Базу, а три недели назад он бы на тебя и не чихнул, даже если бы от этого зависела твоя жизнь. Видела я этих типов вокруг тебя. Ты во что вляпался? В какую хрень?

– Да нет, Джем, ничего такого. Вернее, ничего такого, с чем я не разберусь. Они... просто хотели убедиться, что я не сдрейфил. А я и не сдрейфлю. Все будет классно. Всех-то делов – отнести кое-куда один пакетик, принести другой обратно.

– Пакетик? – Сердце у меня упало. – Блин, Жук, на что это они тебя подрядили?

– Да я так, помогаю немножко. – Мы теперь шлепали по главной улице. Жук торопливо осмотрелся, потом метнулся к дверям какого-то магазина и поманил меня за собой. Такой, понимаешь, весь таинственный – просто умора. Если бы нужно было со всей улицы выбрать одного типа, у которого совесть нечиста, все бы дружно указали на него.

Я втиснулась с ним рядом. Жук распахнул куртку, выпустив в ночь облако знакомого запаха.

– Ты чего?

Он улыбнулся как человек, у которого есть тайна и которому просто не терпится ею поделиться. Сунул руку во внутренний карман, достал какой-то конверт. Наклонился ко мне и сказал почти шепотом:

– У меня тут две штуки.

Я выглянула из нашей щелки. Вроде поблизости никого, кто мог услышать.

– Рот закрой, – сказала я.

Жук фыркнул:

– Честное слово. Две тысячи. Видишь, Джем, мне доверяют. Вон чего доверили.

– А если тебя по дороге ограбят или еще чего?

Даже в темноте было видно, как он ослабился.

– Сейчас, ограбят. У меня вон какой охранник, еще и с ножом. Будешь моим телохранителем.

– Отвали, – сказала я. Я теперь чувствовала себя полной дурой, что притащила этот ножик. – Просто без ножа в темноте как-то неуютно.

– Да я ж тебя не ругаю, чел. Дело хорошее. У меня тоже есть.

– Убери ты этот чертов конверт, пока кто-нибудь не увидел, и пошли.

Он засунул конверт обратно, мы пошли. Жук так и пыжился, словно кот, объевшийся ворованной сметаны. Я не хотела портить ему настроение, но, с другой стороны, не хотелось, чтобы он вляпался во все это еще глубже.

– Жучила, он тебя просто использует. Не было бы это опасно – он бы сам все сделал; правда, я без понятия, чего ты там делаешь. Но арестуют-то тебя. В тюрьму захотелось, да?

– Да чего со мной случится? Я же не младенец. Потусуюсь с ними несколько месяцев, ну, пару лет, а потом завяжу. Когда у тебя деньги в кармане, тебе все дороги открыты.

И тут я подумала, похолодев: *Нет для тебя никаких дорог, дружище. Тебе осталась пара недель в этой дыре.* И мне стало грустно, невыносимо грустно. Дело в том, что между Жучилой и мной происходило что-то странное. Я впервые в жизни не просто наблюдала за человеком. Я переживала за него. Я вдруг начала надеяться, что не так прочла его число, что это просто выдумка, что оно – ненастоящее. Хотя прекрасно знала: настоящее. Хочешь не хочешь, а он через две недели умрет. А я – Господи, прости – так хотела ему помочь. Больше того – я хотела спасти его.

Когда я вернулась, Карен, разумеется, поджидала меня, и я получила обычную взбучку. После этого, чтобы ее немножко успокоить, я снова начала ходить в школу, но через неделю случилась новая заморочка, похуже первой. Не буду врать, одноклассники от меня отцепились по большей части. Кто-то засек меня на той вечеринке, и то, что меня приглашают к Базу, прибавило им почтительности. Хорошо иметь друзей в высших кругах. Кое-кто еще прохаживался про нас с Жуком и про наши с ним отношения, но теперь это был просто смех, не насмешки, причем не без некоторой почтительности.

– Ты Джем не трогай. Она теперь гангстерша. Подружка гангстера!

Я поняла, почему Жук так разважничался. Приятно чувствовать себя не последним человеком.

Но Джордан с его дружками все время маячили поблизости. В понедельник после вечеринки у База он снова появился в школе, держался от меня в стороне, но я чувствовала, что он за мной наблюдает. Ждет своего часа. Сидит за своей партой через три ряда от меня и прожигает мне череп взглядом.

Выдал он себя на одной утренней перемене. Я шла мимо кабинетов химии и биологии и вдруг почувствовала, что меня преследуют. Обернулась, увидела двух дружков Джордана. Подумала: «Ну нет, не побегу» – и продолжала идти шагом, повернула за угол и налетела на самого Джордана. Он вытянул руку и сильно толкнул меня в грудь.

– Ты куда, гангстерша?

– Не твое собачье дело. Дай пройти.

– Подожди, есть разговор.

– Не о чем мне с тобой говорить.

Тоном я этого не показывала, но чувствовала, что попалась; сердце колотилось как бешеное. Они затиснули меня в уголок, всего их было пятеро. Шансов не было, разве прибегнуть к помощи тайного

дружка. Я крепко сжала в кармане рукоятку ножа.

– Ты мне не нравишься, Джем, и твой дружок тоже.

– Он не мой...

– Заткнись. Сейчас я говорю.

Ему нравилось чувствовать свою власть. Меня это взбесило. Вот ведь козел, собрал целую банду, чтобы запугать меня. Я понимала: нужно опустить глаза и молчать, – ну, стукнут пару раз, на том все и кончится. Да вот только достал он меня, и соображала я уже плохо. Поэтому выхватила нож и вытянула перед собой:

– Нет, это ты заткнись. Не хочу я тебя слушать. Просто дай мне пройти и больше не приставай.

Они замерли. Все смотрели на нож. Воспользовавшись этим, я проскользнула мимо Джордана – он не удерживал. На долю секунды я почувствовала огромное облегчение, а потом впилилась прямым в Маккалти. Он тут же схватил меня за запястье и сжал так, что нож упал на пол. Не выпуская моей руки, он достал из кармана платок, нагнулся, подобрал в него нож – прямо как коп в телевизоре, когда собирает улики. Было сразу видно – он торжествует. Он поймал меня. С поличным. Сука.

– Сейчас прозвонит звонок. Ступайте на уроки, – рявкнул он. – А ты, – обратился он ко мне с тайным торжеством, – пойдешь со мной.

Не выпуская моей руки, он поволок меня в кабинет директора. Мы не стали, как обычно, ждать снаружи. Маккалти протащил меня мимо секретарши, сидевшей в своем кабинетике, стукнул в директорскую дверь и вошел, не дожидаясь ответа, просто лопааясь от самодовольства.

– Господин директор, у нас тут серьезная проблема. Джем Марш на моих глазах угрожала другому ученику ножом. Это произошло на территории школы.

Он положил нож на директорский стол.

Директор, который до того подписывал какие-то бумаги, аж отшатнулся, будто Макак сунул ему под нос бомбу с часовым механизмом.

– Понятно, – сказал он, быстро переводя взгляд с Макака на меня и обратно. Потом снял трубку: – Мисс Лестер, пожалуйста, позвоните

в полицию и попросите их приехать. У одной из учениц изъяли нож. Да. Спасибо. И позвоните к мисс Марш домой. Пусть придет ее опекунша.

И началось: вопросы, нравоучения, обвинения, нотации. Директор, полиция, потом вызвали еще Карен и мою соцработницу Сью. Когда они все собрались, в кабинете стало не повернуться.

– Ты, наверное, не понимаешь, насколько это серьезно – ношение холодного оружия, угрозы, и это помимо того, что ты вызывающе ведешь себя в классе, хамишь, задираешь одноклассников...

И понеслось, и понеслось. Я попросту отключилась, – говорите, сколько хотите. Надеюсь, что, если буду сидеть тихо, они рано или поздно выдохнутся и на этом все закончится, да только было понятно, что на сей раз так просто все не закончится. Нож лежал на столе у меня под носом – молчаливый свидетель. Зря я притащила его в школу, думала я не переставая, ох, зря. Вот и огребла. Вляпалась по самые уши.

Наконец было решено продолжить допрос в полицейском участке. Когда меня увозили в полицейской машине, по школе прошел гул возбуждения, – я это слышала. Ученики высовывались из окон, толпились в дверях. Когда меня выводили, я подумала: «Наверное, я здесь сегодня в последний раз». Но на школу да и на одноклассников мне было плевать. Только когда я подумала про Жука, у меня на миг скрутило живот. Если меня посадят под замок, увижу ли я его снова?

Всё раскрутили по полной программе: завели протокол, меня обыскали, взяли отпечатки пальцев. Наверное, они пытались меня напугать, но мне-то было по фиг. Я просто ушла в себя. Вроде как спряталась в панцирь – я тут, я все вижу, но ничего не чувствую.

Я молча терпела, не протестовала, но говорить отказывалась. Поначалу меня утешали:

– Ты пойми, ходить с ножом очень опасно. Его же могут использовать и против тебя. Давай выпьем чая, обсудим это.

Потом запугивали:

– Если дойдет до суда, ты получишь срок. Таких паршивцев надо перевоспитывать.

Они ничего не добились.

Карен и Сью подкатывались ко мне по очереди. Тоже пытались меня разговорить. Карен особенно старалась хоть что-нибудь из меня вытянуть – шансы, что именно она исправит мой характер, от нее стремительно ускользали. А она не привыкла сдаваться.

– Джем, очень важно, чтобы ты сказала все, как оно есть. Я ведь знаю, ты не драчунья. Дома ты никогда не дерешься. Что-то случилось, да? Расскажи, мы ведь должны понять.

Ее слова начали пробиваться через кирпичную стену и просачиваться мне в мозг. Она вроде как достучалась до меня, я почувствовала, что меня слушают, – только с чего начать? С Джордана, с Маккалти, с Жука и с той вечеринки, с мамы, с ощущения собственной незащитности – того, что все когда-нибудь закончится, сегодня, завтра, еще через день? Нет, не смогу, это как выколупывать мягкую плоть из улиточной раковины. Когда я все это выложу, я останусь совсем без защиты. Я опустила глаза в пол, пытаюсь больше не слышать ее голос, оставаться сильной.

Прошло пять бесконечных часов, и меня отправили домой к Карен, приказав через три дня снова явиться в участок: мне объявят, завели на меня дело или нет. Кроме того, меня на месяц отстранили от занятий. Социальная служба пошла думать, что со мной делать дальше, а меня пока запихали обратно к Карен. Мне оставалось только сидеть и ждать, зная, что впереди у меня новый переезд, очередное «начало», где-нибудь далеко отсюда, от Жука, от моего единственного друга.

Я сидела в своей комнате и бесилась. Ведь это несправедливо. Джордану-то все сошло с рук. Почему они привязались именно ко мне, я ведь только защищалась? Почему они думают, что в другом месте у меня все пойдет по-другому? Когда тебя передают новому опекуну, это ничего не решает, просто сваливают тебя с одной больной головы на другую.

Я врезала кулаком по кровати. Звука почти не было, кулак отскочил – жест получился жалкий. Я встала, провела рукой по крышке комода. Щетка для волос, сережки, пара книжек разлетелись по всей комнате. Этого оказалось мало. Я разодрала футболку. Чуть полегчало. Я переломала что смогла, остальное разбросала. В плеере орали «Чили пепперс». Я дотянулась до него, содрала со стены.

Вилка выскочила из розетки, и я со всех сил швырнула плейер в зеркало. Зеркало разлетелось на куски, а плейеру хоть бы что. Я подобрала его и метнула в стену. Осколки пластмассы брызнули во все стороны, но раскололся только корпус. Остатки разлетелись, когда я распахнула окно и швырнула плейер подальше. Упав на дорожку, он взорвался, точно бутылка с молоком.

В комнату влетела Карен. Увидела, что там творится, – вместо вспышки гнева в глазах ее я увидела ледяную ярость.

– Глупая ты, – сказала она. – И что теперь у тебя осталось?

После этого она вышла. Слушая ее тяжелые шаги на лестнице, я сползла по стене, обхватила руками колени. У меня и так-то было немного вещей, а теперь я и те разгрохала, остались только шмотки, что на мне, – считай, всё. Не так уж много.

Я устала от самой себя. Вся эта хрень, с которой я мирилась столько лет – бегая от людей, живя в одиночестве. Только хоть что-то начало налаживаться – и опять нате вам. Я сидела на полу, тугой комочек черной ярости. А потом в голову мне вдруг вползла неожиданно утешительная мысль: у меня больше ничего нет, значит, мне все позволено. Все что угодно. Мне нечего терять.

Я проснулась на полу, в окружении обломков моих бывших вещей. Та, последняя мысль, мелькнувшая в голове перед тем, как я заснула, так никуда и не ушла. Мне нечего терять. Что еще они мне сделают, кроме того, что уже решили сделать?

Я посмотрела на часы – идут, хотя стекло и разбито: без двадцати семь. Разогнула затекшие ноги, встала, пробралась к двери. Потом на площадку, потихонечку вниз. Налила апельсинового сока из пакета, сунула хлеб в тостер; когда он поджарился, намазала сверху арахисового масла и вышла, жуя на ходу.

Народу на улицах было немного, хотя все равно стоял тихий гул. В Лондоне он никогда не стихает. Я перелезла через изгородь, слямзила с чужого крыльца бутылку молока – запить хлеб.

Так хорошо мне уже давно не было. Я понимала: рано или поздно меня поймают – будут воспитывать, посадят под замок, переведут к другому опекуну, – но все это будет потом, а сейчас – свобода.

Я спустилась к каналу и выпила молоко, усевшись на шпалы, – там, где у нас с Жуком состоялся тот первый разговор. Краешек неба озарился светом. Свет становился все ярче, все вокруг посерело: здания, стены, вода, небо. Можно было сделать цветной снимок, и он показался бы черно-белым. Прямо как мое настроение – спокойное, приглушенное: я жила в «сейчас», не думая про «потом».

Я допила молоко – ну, почти допила, – поставила бутылку на край набережной, подобрала горсть камешков. Один за другим швыряла их в бутылку. Некоторые пролетали мимо, было слышно, как они плюхались в воду. Другие попадали в цель – бутылка качалась, накренилась, но не падала. Я поковыряла кроссовкой землю, отыскивая камни покрупнее. Нашла парочку, сосредоточилась. Первым я промазала, он шлепнулся в канал. Второй попал прямо в горлышко, и бутылка на раз рухнула с набережной, с плеском упала в воду. Я встала, подошла посмотреть. Бутылка лежала на боку, из горлышка все вытекали остатки молока, и ее постепенно относило влево, в сторону Темзы. Я подумала: «Нужно было положить в нее какое-нибудь послание». Мне это почему-то

показалось прикольно: а ну как какой мой ровесник во Франции или в Голландии выловит из моря мою бутылку, вытащит из нее бумажку и прочтет мое послание: «Да пошел ты!» С приветом из Англии.

Бутылка уже отплыла метров на двадцать. Мне вдруг стрельнуло: а не прыгнуть ли следом, поглядим, куда нас обеих снесет, вот только не хотелось тратить на это последние часы свободы, до того как меня поймают. Мне хотелось попрощаться со своим другом, поэтому я свернула на тропинку, вившуюся по задкам магазинов, и двинула к Жуку. Была половина восьмого, в доме никаких признаков жизни. Я подошла к дверям, поднесла палец к кнопке звонка, помедлила. Может, не стоит? Явлюсь вся такая несчастная, нуждающаяся в помощи, да еще в такую рань. Тихонько потянула дверь, так, на всякий случай. Она подалась, и в образовавшуюся щель выплыло облачко табачного дыма.

Я распахнула дверь и вошла, и нате вам – вот она, Вэл, сидит в кухне на своей обычной табуретке, в одной руке чашка с чаем, в другой, как всегда, сигарета. Блин, она что, и дрыхнет прямо здесь?

– Ты там как, лапа? – спросила она. Можно подумать, она меня ждала. – Давай, входи. – Я шагнула поближе. – Эк ты нынче рано. Стряслось чего? – Я кивнула. – Там в чайнике есть чай, возьми себе в раковине кружку, лапа, иди сюда и садись.

В таком виде Жучила нас и застал. Он поднялся ближе к девяти: мы с Вэл сидели рядышком у стойки, допивали второй чайник чаю, а в пепельнице было навалом окурков. Жук ввалился в кухню в семейных трусах и в старой заляпанной футболке; глаза как щелочки, можно подумать, он проспал пару сотен лет. Он и в лучшие-то времена выглядел неопрятно, а уж тут ну вообще, будто его как следует смяли и выбросили в мусорное ведро.

– Это вы чего? – осведомился он, когда до него наконец доперло, что бабка его в кухне не одна.

– Джем к тебе зашла. У нее неприятности, да, лапа?

Жук посмотрел на меня, и я сказала:

– Дела мои дерьмовые, Жук. Меня опять переселяют. – Сама не пойму отчего, но, когда я на него посмотрела, подбородок у меня задрожал. Я отвернулась, почувствовав себя ужасно глупо. А потом он, молодчага, сказал именно то, что нужно:

– Да наплюй ты на них, Джем. Пошли погуляем. У меня даже деньги есть. – При этих словах Вэл бросила на него проницательный взгляд. – Здесь тебя будут искать, так что поехали в центр. —

Тут он начал пританцовывать на носках, из него, как всегда, перла энергия. Хлопнул в ладоши. – Давай, двинули! Бабуль, сооруди мне чашку чаю, а я пойду кроссовки надену.

– Мне кажется, Терри, у тебя есть время помыться и переодеться в чистое. В шкафу полно выстиранного белья.

На лице у Жука появилось отвращение, приправленное испугом.

– Да и так хорошо, бабуль. Не приставай.

– Ничего хорошего, от тебя воняет, хоть топор вешай! – Она зажгла еще одну сигарету, потом повернулась ко мне: – Уж эти мне мальчишки! Что с ними поделаешь?

Жук хоть и возмутился, а куда-то слинял и потом вернулся в джинсах и в чистой футболке. Правда, что до помыться – фиг бы он так быстро это успел. Быстро высосал чай, нагнулся к бабушке, поцеловал.

– Мне, наверное, нужно бы отправить вас, раздолбаев, в школу, но раз уж вы оба отстранены от занятий, – тут Вэл подмигнула своим зорким ореховым глазом, – ступайте и повеселитесь как следует. Если сюда кто придет, я ничего не скажу.

Она посмотрела на меня без улыбки, но во взгляде была теплота, и я подумала: «Повезло же тебе, Жучила, что у тебя такая бабуля». Будь у меня кто-нибудь такой, жизнь бы точно сложилась по-другому.

Жук по пути прихватил в прихожей «кенгурушку», крикнул: «Пока, бабуль, мы скоро!» – и мы двинули.

Все уже проснулись и куда-то понеслись – поток машин, толпы людей. Раньше, утром, казалось, что город, со всей его тишиной и покоем, принадлежит только мне, мне одной. А теперь мы с Жуком оказались букашками в миллионном городе, всего-то. А еще взошло солнце. Похоже, нас ждал яркий, погожий зимний день.

– Сегодня можно ноги не сбивать, поедem на метро. А если хочешь, возьмем такси. Ну, попробуем.

– Сколько у тебя в кармане, Жук?

– Шестьдесят фунтов, мои собственные. – Жук ухмыльнулся. – Правда, к вечеру мне нужно вернуться. Опять дела. Зато весь день – наш, – добавил он, раскидывая руки и кружась. – Ты куда хочешь?

– Ну, не знаю. Давай на Оксфорд-стрит?

– Заметано.

Он выпрямился во весь рост, потом вытянул вперед руку, будто указывая мне путь, и совершенно идиотским, зато очень громким голосом проверещал:

– Мадам желает пройтись по магазинам? Так ведь?

На нас начали оглядываться.

– Заткнись, Жучила! – Он сразу сник. – Ну, ладно, балда, ты хорошо придумал. Двинули.

И я побежала к метро, а он бежал рядом, и, конечно, со своими длинными ногами запросто меня обогнал и первым оказался у кассы.

– Вот ведь обдираловка, чел. Шестнадцать фунтов, чтобы прокатиться на этой фигне?

Жук ткнул пальцем в колесо обозрения «Лондонский глаз», из всего его тела, до кончиков пальцев, брызгал праведный гнев. Почти все наличные мы потратили на Оксфорд-стрит на всякую фигню:

темные очки, шляпы, гамбургеры. В Лондоне спустить шестьдесят фунтов – раз плюнуть.

Прохожие таращились на Жука. Собственно, с непривычки там действительно есть на что потаращиться: негритос ростом метр девяносто пять отплясывает посреди улицы. Вся очередь пялилась на него, как на клоуна, можно подумать, он пришел их поразвлекать. Я подумала: «Еще минута – и ему начнут кидать деньги». А народ отпихивал друг друга локтями, переговаривался, смеялся. Хамы почище Джордана.

– Да ладно, – сказала я, чтобы выпутаться из этой ситуации. – Больно мне нужна эта фиговина. Пошли куда-нибудь еще.

Но Жук завелся – не остановишь.

– В этом поганом городе все для туристов. А как же мы? Что

делать нормальным людям, у которых нет шестнадцати фунтов, чтобы прокатиться на этой штуковине?

Зрителям, похоже, становилось неловко, они отступали, тревожно переглядывались. Вот это мне уже нравилось. Жук их достал.

Я пробежалась взглядом по очереди – да, им явно делалось не по себе. Парочка японцев в одинаковых голубых куртках, шерстяных шляпах и перчатках, глянули в нашу сторону. Доля секунды – глянули и снова отвели взгляд, – но я успела прочесть их числа, и меня будто ударило током. Числа были одинаковые. Странно, подумала я, умереть в один день – как это можно умудриться? А потом меня словно жажнули по башке. 8122009. Сегодняшнее число. Какого фига...

Я попробовала еще раз взглянуть им в глаза, но выходки Жука сделали свое дело: к нам повернулись спинами, в надежде, что мы все-таки слиняем. Ошиблась, наверное, подумала я. Нужно проверить. Я пошла вдоль очереди, решив, что зайду с другой стороны, взгляну еще раз. Жук и не заметил, что я ушла, было слышно, как он матерится вполголоса, точно запеленутый в свою злобищу.

Народ в очереди стоял плотно. Я просочилась в крошечную щель между каким-то парнем в спортивном костюме, с рюкзаком на спине, и старушенцией в плотном твидовом пальто и с плетеной сумкой из соломы.

– Простите, – сказала я, подходя к старушке. Могла бы и не трудиться, та всяко отступила. – Ничё, – сказала я, протискиваясь мимо. Она бледно улыбнулась, прижимая к себе свою сумку; я видела, какое у нее перепуганное лицо, – и тут глаза наши на миг встретились. Я прочла ее число и застыла. Против воли уставилась ей в лицо. 8122009.

Не может быть. Что же это такое? По всему телу, покалывая кожу, потек пот. Я стояла, будто приросла к месту, и таращилась на бабульку.

Та глубоко вдохнула. Глаза у нее округлились от страха.

– У меня мало денег, – сказала она тихонько, и голос ее чуть-чуть дрожал. Она так крепко прижимала к себе сумку, что костяшки пальцев побелели.

– Что? – не поняла я.

– У меня мало денег. Я долго копила с пенсии, хотела устроить себе праздник...

Тут я въехала: бедняжка решила, что я собираюсь ее ограбить.

– Что вы, – сказала я, делая шаг назад. – Не нужны мне ваши деньги. Не в том дело. Простите.

При этом я толкнула стоявшего впереди парня, он обернулся и въехал мне по спине краем своего рюкзака. *Блин, вся в синяках буду*, подумала я. Попяtilась в ту сторону, где ждал Жук.

– Прошу прощения, – выдавила я, не поднимая глаз, не вытаскивая рук из карманов. – Я не специально.

– Ничего. Никакой проблемы. – Он говорил с акцентом, и это привлекло мое внимание. Я глянула на него из-под капюшона. Странно, он выглядел таким же перепуганным, как и я, – лоб блестит от пота, темные волосы взмокли и прилипли к черепу. – Все хорошо, – добавил он и кивнул, явно для того, чтобы я это подтвердила.

– Да-да, все хорошо, – откликнулась я, сама поразившись, что могу говорить нормальным голосом. А внутри мой настоящий голос просто орал, внутри метался отчаянный вопль ужаса. Потому что в его глазах было то же самое. 8122009. Его число.

Со всеми этими людьми что-то случится.

Сегодня.

Здесь.

Я развернулась и, спотыкаясь, кинулась обратно к Жуку, который продолжал добросовестно материться.

– Жук, сваливаем. – Он меня и не заметил, слишком был увлечен своим делом. Я схватила его за рукав. – Эй, приятель, послушай меня. Нужно отсюда сваливать.

Он что, не слышит ужаса в моем голосе? Не чувствует, как дрожит моя рука?

– Никуда я не пойду, чел. Я тут еще не закончил.

– Закончил, Жук. На остальное наплюй. Давай, сваливаем.

С каждой секундой, пока мы пререкались, надвигалось то ужасное, что должно было унести жизни всех этих людей. Сердце стучало в груди как молоток, того и гляди выскочит из-под ребер.

– Не, я пойду поговорю со здешним начальником, с самым главным. Нужно же, чтобы кто-нибудь сказал им правду. Хватит уже с этим мириться. Мы...

Он ничего не слышал. И заставить его было невозможно.

– Сколько еще нас будут держать в этой стране за дерьмо? Мы как какие-то граждане второго сорта. Мы...

Не успев подумать, я вскинула руку и закатила ему крепкую пощечину. Действительно крепкую. Бамс! Он осекся на полуслове и замер в обалдении. Потом поднял руку, коснулся щеки.

– Ты это, блин, чего?

– Чтобы ты услышал. Нам нужно отсюда сваливать. Жук, ну пожалуйста, уведи меня отсюда. Пошли. – Я схватила его за вторую руку и тянула, пока наконец он не сдвинулся с места. Я перешла на бег, тащила его за собой, в конце концов он тоже пустился бегом. Войдя во вкус, выпустил мою руку и рванул вперед – руки работают в такт длинным ногам. Оторвавшись метров на пятьдесят, остановился, подождал меня, и дальше мы уже бежали рядом – по набережной Темзы, через мост Хангерфорд. Добежав до середины, перешли на шаг, потом встали и оглянулись туда, откуда пришли. Все там было в порядке, без проблем.

– Что случилось, Джем? Что с тобой?

– Да ничего. Просто ты достал всех в очереди. Еще пять минут – и кто-нибудь бы вызвал полицию.

Вполне похоже на правду, а? Но я еще и не договорила, а уже поняла, что звучит это фальшиво и Жука этим не проведешь.

– Лапшу мне не вешай. На себя посмотри – что-то явно случилось. Ты бледная, как привидение, чел. Даже бледнее обычного. Что с тобой такое?

Мы стояли на мосту, глядя на Темзу, вокруг шумел обычный городской день, и я вдруг почувствовала себя полной дурой. Слова, крутившиеся в голове, даже мне самой казались полным бредом – числа, даты смерти, катастрофа... Чушь, какая-то идиотская выдумка.

По всей видимости, так и есть, мозги у меня повредились, вот я и навоображала.

– Да ничего, Жук. Просто мне стало там не по себе, паника накатила. Теперь-то порядок – ну, не порядок, но уже лучше. – Я попыталась вернуться к разговору про него. – Прости, что ударила. – Я подняла руку к его лицу, подержала пару секунд. – Больно?

Он растерянно улыбнулся:

– Побаливает. Вот уж не подумал бы, что ты меня так треснешь. – Он фыркнул, потряс головой. – Повезло Майку Тайсону, ему с тобой не драться.

– Прости, – повторила я.

– Да ладно тебе, – сказал он все так же с улыбкой.

Так мы и стояли на мосту, облокотившись на перила, глядя на воду, когда раздался взрыв и «Лондонский глаз» взлетел на воздух.

Вы, наверное, раз сто смотрели все это по телевизору, так что сами знаете, что мы тогда увидели: ослепительная вспышка, обломки разлетаются во все стороны, густое облако дыма, одна кабинка полностью разрушена, остальные повреждены или покорежены. Люди вокруг все замерли и обернулись в сторону «Глаза». Над водой зазвучали крики.

Мы с Жуком сказали в один голос:

– Господи!

Слова эти повторили все, кто стоял рядом, для некоторых это, возможно, было призывом к Всевышнему, для большинства из нас просто возгласом изумления. Минуту-другую мы стояли и смотрели: облако пыли осело, взвыли сирены. Я будто онемела. Несколько минут назад я засомневалась в числах, понадеялась, что все это выдумка, дурацкая игра моего воображения. Теперь стало ясно: никакая это не игра. Числа – реальность, мне известно будущее других людей, будет известно всегда. Я вздрогнула.

– Пошли отсюда, Жук, – сказала я. – Двигаем к дому.

Чего бы там меня ни ждало у Карен, все лучше, чем смотреть, как из-под обломков достают мертвецов. Я повернулась и зашагала через мост, но Жук не двинулся с места.

– Давай! – окликнула я его. – Пошли.

Он все так же стоял, прислонившись к ограждению, глядел на меня, морща лоб. На лице было написано недоумение, но обвинения там не было. Я знала, что последует. Это было неизбежно. Глядя мне прямо в глаза, он выпалил:

– Ты знала. Ты знала, что будет.

Между нами было метров пять. Говорил он громко, так, что слышала не только я, но и несколько прохожих. Некоторые тут же обернулись и уставились на нас.

– Заткнись, Жучила, – прошипела я.

Он покачал головой:

– Вот и не заткнусь. Ты про это знала. Что за хрень, Джем?

Он выпрямился и пошел на меня.

– Ничего. Заткнись!

Жук подошел вплотную, попытался меня схватить. Я поднырнула ему под руку и бросилась бежать. На мосту было полно людей, приходилось прокладывать себе дорогу. Жук бегал куда быстрее меня, но он был здоровенный, неуклюжий, – я слышала, как на него орут те, на кого он натыкался. Я перебежала через мост и помчалась, не разбирая дороги, дальше. Жук быстро меня нагнал, схватил за руку, развернул к себе.

– Откуда ты узнала, что произойдет, Джем?

Оба мы тяжело дышали.

– Ниоткуда. Ничего я не знала.

– Брось, Джем, знала. Все ты знала. Да что же это такое?

Я попыталась вырваться, но он крепко сжимал мою руку. Высоченный, сильный, вонючий – казалось, он окружил меня со всех сторон, не удерешь. Я попыталась его стукнуть, но он схватил меня за обе руки. Попробовала боднуть, но он угадал мои намерения и отодвинул меня, не выпуская, подальше. Стало совсем хреново. Я лягнула его. Он поморщился, но рук не разжал.

– Ну, нет, чел, сперва ты мне все расскажешь.

На нас таращились. Я перестала брыкаться, обмякла. «Я больше не хочу оставаться с этим один на один, – пронеслось в голове. – Больше не могу быть одна».

– Ладно, – сказала я ему. – Только не здесь. Знаешь короткий путь к каналу?

Мы прошли по Эджвер-роуд и выбрались на задворки магазинов, а там и к каналу. Наконец-то вокруг никого. Силы у меня вдруг кончились, ноги задрожали.

– Дай присяду, – сказала я слабо и рухнула на сломанную скамью. Одна доска была выдрана, того и гляди провалишься. Жук уселся рядом.

– Цвет лица у тебя какой-то странный, чел. Опусть голову между колен или еще что.

Я наклонилась, в ушах раздался громкий шум. В голове полыхнуло красным, потом почернело.

– Эй, дружище, ты чего?

Голос Жука звучал будто издали, с другого конца туннеля. Когда я открыла глаза, все оказалось не на своих местах. Я не сразу сообразила, что просто лежу. Скамейка впивалась в тело – удивительно, что я не провалилась в эту дырку, но голова лежала на подушке; та была вонючей, но мягкой: а, это Жучилова куртка. Он вышагивал взад-вперед по дорожке, тряс головой, щелкал пальцами, что-то бормотал.

– Эй, – окликнула я почти беззвучно. Он перестал шагать, присел со мной рядом.

– Ты там как, чел? – спросил он.

– Нормально.

Он медленно помог мне сесть, сам уселся рядом. Меня трясло. Он схватил свою куртку, протянул мне:

– На, надень.

– Не надо, мне и так хорошо.

Еще не хватало, чтобы эта провонявшая тряпка касалась моей одежды, моей кожи. Я снова вздрогнула, он завел свою руку мне за спину. Я не сразу поняла, чего он затеял, хотела было послать его подальше, и только потом сообразила, что он набросил куртку мне на плечи. Завернул меня в нее. Я вспомнила, как мама кутала нас обеих в одеяло на диване, когда квартира совсем промерзала, как в ее светлые дни мы лежали там обнявшись. Что-то мне попало в глаза: острое, колкое, горячее. Перелилось через край, побежало по правой щеке. Блин, да я плачу. Я никогда не плачу. Не плачу, и всё. Я шмыгнула носом, вытерла лицо тыльной стороной ладони.

– Теперь ты мне скажешь?

Я уперлась взглядом в землю перед собой. Если и был у меня в жизни друг, так это Жучила. Могу я ему довериться? Я глубоко вдохнула.

– Да, – ответила я.

И все ему рассказала.

Между нами повисло молчание, только оно было не пустым, а полным мыслей и чувств, несказанных слов и странных ощущений. Мы сидели, в полумиле от нас гремел лондонский хаос: выли сирены, гудели машины, пролетали вертолеты. Меня будто оглушили и тем, что случилось на наших глазах, и тем, что я наконец открыла кому-то свою тайну. Тело и голова будто развалились на куски. Я так и не подняла глаз на Жука – смотрела в землю и говорила. Жутковатое ощущение, будто слышишь чужой голос.

Он сидел, подавшись вперед, опершись локтями о колени, и внимательно слушал. По-моему, так тихо он на моей памяти еще никогда не сидел. Наконец выдохнул – долгий выдох сквозь сжатые губы.

– Врешь ты, чел, врешь.

Казалось, он растерян, даже напуган.

– Не вру, Жук. Честное слово. Я знала: что-то случится, потому что у них у всех были одинаковые числа. Вот оно и случилось.

– Бред какой-то. Ты мне голову дуришь.

– Знаю, что бред. И живу с этим уже пятнадцать лет.

Опять эти чертовы слезы подступили к глазам.

Вдруг он хлопнул себя по лбу:

– А этот старикан, который попал под машину, – ты увидела его число, да? Поэтому и пошла за ним?

Я кивнула. Опять повисло молчание.

– А бабка моя тебя просекла, да? Вы с ней одного поля ягоды, верно? – Он потряс головой. – А я-то всегда думал, что она несет полную чушь, что у нее мозги не в порядке. Но она сразу вычислила, что ты не как все. Ведьмы вы! Блин!

Я распрямилась, попыталась выровнять дыхание. По каналу плыла пара уток – два коричневых комочка, безразличных к происходящему. Я смотрела, как они медленно поднимаются вверх против течения. Хорошо быть птицей или зверем: живешь

сегодняшним днем, понятия не имеешь, что когда-нибудь умрешь.

Жук вскочил и принялся расхаживать взад-вперед по плоским камням, которыми был выложен берег канала. Что-то бормотал – слов я не разбирала, – пытаюсь, надо думать, осмыслить мои слова. Набрал пригоршню гальки, начал бросать камешки в уток. Похоже, попал, потому что они внезапно взлетели, короткие коричневые крылышки рассекали воздух.

Жук развернулся ко мне:

– А ты у всех видишь числа?

Я снова опустила глаза в землю. Знала же, что без этого не обойдется.

– Да, если гляну в глаза.

– Значит, ты и мое знаешь, – произнес он тихо. Я промолчала. – И мое знаешь, – повторил он настойчивее.

– Да.

– Блин, чел, я сам не пойму, хочу я его знать или нет. – Он бухнулся на землю, скорчился, обхватил голову руками.

«Только не спрашивай, – взмолилась я про себя, – никогда не спрашивай, Жук».

– А я тебе и не скажу, – ответила я быстро. – Не могу. Это нечестно. Я никому не говорю.

– В смысле? – Он смотрел на меня в упор. И когда глаза наши встретились, число всплыло опять: 15122009. Мне захотелось выдрать его из головы, уничтожить, будто я его никогда и не видела.

– Если я тебе скажу, у тебя точно крыша съедет. Ни к чему это.

– А если кому осталось совсем недолго? Будет человек знать – успеет сделать то, что всегда хотел сделать.

Я с трудом сглотнула:

– Да, но это как жить под смертным приговором, верно? С каждым днем все ближе и ближе. Ну, нет, чел. Никого нельзя заставлять жить с таким.

Вот только все мы так и живем. Каждое утро просыпаемся – и знаем: мы на день ближе. Только сами дурим себя, что ничего такого

нет.

Жук вскочил, поскреб в затылке, столкнул еще пару камешков в воду.

– Мне нужно подумать. Ты меня совсем заморочила. – На соседней улице взвыла сирена. – Давай, сматываем отсюда.

Я протянула ему куртку, и мы зашагали вдоль канала. Под ногами хрустел гравий, мы проходили мимо изрисованных граффити стен. Дома вокруг были по большей части обшарпанные, но попадались и свежотремонтированные, в которых открыли офисы, рестораны и бары – островки блеска в море запустения. Чем дальше мы уходили, тем тише становился вой сирен, вокруг повисла странная тишина, будто бы весь мир взял и остановился.

Ближе к своему району мы выбрались на главную дорогу. У витрины магазина, где продавали телики, стояло несколько человек, мы тоже остановились. Дюжина экранов, на всех одно и то же.

«Лондонский глаз» не вращался. Один сектор был выломан, будто от колеса откусили кусок; одна кабинка разрушена полностью, соседние помяты и перекручены, на земле кучи мусора. Только это был не просто мусор, а погибшие люди и их вещи. Камера помедлила на куске голубой материи – остатках чьей-то куртки, что-то заколыхалось на ветру: краешек плетеной сумки, разодранной взрывом. По низу экрана бежали слова: «ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АТАКА НА „ЛОНДОНСКИЙ ГЛАЗ“... ЧИСЛО ПОГИБШИХ И ПОСТРАДАВШИХ ПОКА НЕ ИЗВЕСТНО... ПОЛИЦИЯ ПРОСИТ ПРОЯВЛЯТЬ БДИТЕЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНЫ НОВЫЕ ПРОВОКАЦИИ...»

Мы простояли там целую вечность. Жук все повторял у моего плеча:

– Охренеть, чел. Блин горелый!

Новости повторяли снова и снова, сопровождая все теми же кадрами. Я стояла и чувствовала, как в желудке что-то вздымается. Попыталась сопротивляться, но в конце концов пришлось уйти в темный уголок и освободиться: кисловатая масса хлынула изо рта на землю.

Жук разыскал меня:

– Ты нормально, чел?

Я откашлялась, сплюнула, пытаюсь прочистить рот.

– Да, – сказала я. Вытащила из кармана салфетку, утерлась. – Жучила?

– Ну?

– Я ведь могла что-то сделать. Знала ведь – что-то случится. Могла их предупредить, уговорить остановить эту фиговину. Ну, не знаю.

– Ну ладно, остановили бы, все ринулись бы к метро, а там бы рвануло?

Наверное, он прав. Так или иначе, сегодня был предначертанный им день: и японцам, и старушке, и парню с рюкзаком. Но меня придавливало к земле это чувство, чувство, что я могла что-то изменить.

– Пошли ко мне, – предложил Жук.

– Не знаю. Ладно.

Мне хотелось в какое-нибудь спокойное место. Тут бы сказать: «Ладно, я домой» – только у меня не было своего дома.

Вдруг я вспомнила про Сью, про полицейских – это еще большой вопрос, что меня ждет у Карен. Да, уж лучше сейчас к Жучиле.

Мы дотащились до Карлтон-Виллас, вошли. На обычной табуретке Вэл не было – она сидела в гостиной перед большим телевизором. Увидев нас в дверях, она приподнялась.

– Терри, ты? Ах!.. – Она рухнула обратно в кресло. – А я тут психую с тех самых пор, как сообщили о взрыве. Вы как, в порядке?

Жук нагнулся и, как обычно, чмокнул ее в щеку, потом облапил и, согнув ножищи, присел перед бабушкиным креслом. Крепко прижался.

– Вы ведь были там, да? – спросила Вэл. – Я знала. Знала. – Одну руку она положила ему на спину, другой притиснула к себе его голову, зарывшись желтыми от никотина пальцами в его курчавые волосы. – Ну ничего. Главное, ты, сынок, цел.

Я топталась у двери, понимая, что вообще-то сцена не для чужих глаз. Примерно через минуту Вэл посмотрела на меня:

– Иди поближе. Садись, лапа. Ты, похоже, перепугалась. – Я села с ней рядом, она взяла меня за руку. – Как же я рада вас обоих видеть.

Жук высвободился, сел на пятки. Потер запястьем глаза, но я успела заметить, что в них блестят слезы.

– Мы как раз перед тем там и были, баб. Я немножко распсиховался, потому что у нас не осталось денег прокатиться, а Джем... она... – Он замялся, бросил на меня быстрый взгляд. – Она сказала, что не до того, нужно сматывать. Мы были на Хангерфордском мосту, когда эта штука взорвалась. Мы всё видели. Всё видели, бабуль.

– Значит, ты его спасла. Ты спасла моего мальчика. – Она схватила обе мои руки, заглянула мне в глаза. – Спасибо. Спасибо, что привела его живым. Он, конечно, хулиган, но для меня – самая дорогая кровиночка. Спасибо.

Я не знала, что ответить.

– Нам просто повезло, – пробормотала я, но Жук на это не повелся.

– Ничего не повезло. Она меня спасла, бабуль, именно так, как ты говоришь. – Я бросила на него строгий взгляд, но шок и облегчение от того, что он опять дома, развязали ему язык. – Она как ты, баб. Она знала: что-то случится.

Я попыталась встать, но Вэл еще крепче вцепилась мне в руки.

– Ты что-то почувствовала? Что именно?

Я мотнула головой:

– Что-то такое, сама не знаю. Что случится какое-то несчастье. – Глаза ее так и сверлили меня, она сидела и ждала. Сердце у меня колотилось как бешеное, кровь била по ушам, оглушала. – Я знала, что многие погибнут.

Вэл тихо выпустила воздух, будто до того долго не дышала.

– Я знала, что в тебе что-то есть, – произнесла она негромко. – Знала, что у тебя дар. – Она так и держала мои руки, слегка встряхивая, точно пытаюсь меня успокоить. – Ты не просто так появилась здесь, Джем. Ты спасла моего Терри. Благодарю тебя.

Глаза ее сверкали, а я подумала: «Все ты не так поняла. Жук мог

никуда и не бегать – он бы все равно сегодня не умер. Может, был бы ранен, и от этого я его спасла, но он бы не умер. А спасти его я не могу. Очень хочу, но не могу, ему осталось недолго, а потом ты скажешь, что это моя вина».

Но я не могла сказать ничего такого, не могла открыть, что ждет Жука в будущем. Поэтому я перестала вырываться, мы все – Жук, Вэл и я – затихли, а диктор на телеэкране сообщил, что полиция разыскивает двух молодых людей: за несколько секунд до взрыва видели, как они убегают от колеса. На обоих джинсы и куртки с капюшонами, рослый чернокожий юноша и маленькая белая девушка.

У меня подвело живот. Вчерашние неприятности показались мне ерундой. Теперь мы с Жуком вляпались по самые уши. Мы все переглянулись, Вэл крепко сжала мою ладонь одной рукой, а другую протянула Жуку.

– Вы ничего не сделали. Против вас ничего нет, – сказала она твердо.

Только нам обоим и раньше приходилось иметь дело с полицией, там не станут слушать байки про сверхъестественные способности. Жук через бабушкину голову посмотрел на меня, и я прочла его мысли. Нельзя просто сидеть и ждать, когда нас заберут. Надо бежать.

– Так, слушай, я уйду ненадолго, по делам надо, я тебе уже говорил, а как вернусь – сразу сваливаем.

– Но...

Я попыталась возразить, но Жук не стал слушать:

– Нам нужны деньги, верно? Пока меня нет, собери жратвы на дорогу.

– Ладно, а если тебя остановят?

– Не остановят. – Он надел поверх флисовой куртки кожаную, натянул на курчавые волосы шапочку. – Ты не переживай, Джем. Кто меня тронет? – Он сжал кулак, вытянул руку в мою сторону, я сделала то же самое. Костяшки соприкоснулись. – Живем, Джем. Скоро вернусь. – И он хлопнул входной дверью.

Вэл все это время наблюдала за нами без единого слова. А теперь поднялась с кресла.

– Тут тебя не тронут, сама знаешь. Против тебя у них ничего нет. Ты ничего не сделала.

Я пожала плечами. Они и за нож-то меня вон сколько гнобили, а здесь совсем другое дело.

– Удерживать я вас не стану, не переживай. Поступайте так, как ты считаешь нужным. Прежде всего, – она сделала шаг к двери, – тебе нужно переодеться. Дай-ка посмотрю, что там у меня есть. А ты поройся в кухне по шкафам, бери, что приглянется.

Я прошла на кухню и стала одну за другой открывать дверцы шкафов. Там почти ничего не нашлось – несколько банок с горошком, фасоль, пакет сухого пюре. Пачку крекеров я прихватила.

– Шоколадное печенье нашла? У меня где-то было шоколадное печенье, – сказала Вэл, входя в кухню с целой охапкой шмоток. – Вот, – добавила она, протягивая их мне, – иди, примерь.

Я забрала шмотки в гостиную, перебрала, поняла, что скорее умру, чем надену такое. Вэл худая и маленькая, так что по размеру они подходили, но табачиной от них, понятное дело, несло будьте-

нате, а кроме того, врать не буду, они были страшно уродские.

– Чего рожи корчишь? Вашей светлости не подходит? – Вэл меня застучала. – Ладно, тебе всего-то нужно, что пару футболок и еще что-нибудь теплое. По ночам на улице такая холодина. Вот этот свитерок... – Она покопалась в куче и вытащила широченное розовое страхолюдство с висячим воротом, – и еще какое-нибудь пальтишко. Вот. – Она бросила мне светло-зеленый пуховик и какие-то перчатки.

– Я... пойду наверх, примерю.

Я влезла по ступеням, отыскала сортир, свалила шмотки на угол ванны, закрыла дверь на задвижку. Пописала, а потом целую вечность сидела и просто дышала, пытаюсь осмыслить произошедшее и происходившее. Казалось, мир вокруг куда-то ускользает, а я пытаюсь его ухватить, собрать обратно в кучу.

Посидев, я встала, сняла «кенгурушку». Хочешь не хочешь, придется примерять бабкины шмотки. Надела, повернулась к зеркалу. На вид – обычная я, но вырядившаяся как старушка. Умереть – не встать. Но делать-то что-то надо, верно? Этот вонючий коп, который допрашивал меня накануне, живо сообразит, что разыскивают именно меня, даже если Карен им и не позвонит, а ведь за ней не заржавеет. То есть у них будет мое описание, даже фотография. Карен пару раз щелкнула меня вместе с близнецами, когда я у нее только поселилась. И искать они будут маленькую тощую девчонку с длинными волосами мышиного цвета.

Я открыла шкафчик над раковиной. Среди болеутоляющих, тюбиков мази от геморроя и таблеток от несварения желудка валялись ножницы для ногтей. Я схватила их и, не размышляя, принялась отхватывать прядь за прядью. Ножницы были хреновые, резать удавалось, если только как следует натянуть волосы. Но я продолжала кромсать, отхваченные прядки уже не помещались в руку. Я бросила их на пол. На полдороге глянула в зеркало. Да уж, ну и видок. Что я, блин, натворила? Да чего теперь, раз начала – придется доделывать. Больше я в зеркало не смотрела, пока не состригла всё.

Видели вы этот фильм – «Английский пациент»? По-моему, дикая скукота. Карен однажды заставила меня его посмотреть; он длинный как я не знаю что, а она под конец редела будто последняя дурища. Ну, короче, там одна героиня, медсестра, отрезает себе

волосы и выглядит потом на все сто. Вот так – взяла, оттяпала, пригладила пятерней и стоит – ну прямо топ-модель. Я, считай, сделала то же самое. Только получилось – мама не горюй. В таком виде из дому-то не выйдешь, а уж тем более не сбежишь. Я посмотрела на разбросанные по полу прядки, к горлу подкатился ком. Может, удастся приставить их на место?

Вэл постучала в двери:

– Ты там как? Джем, ты в порядке?

Я отодвинула задвижку и распахнула дверь.

– Господи, Твоя воля! – Я не ошиблась, мама не горюй. – Ничего, вполне прилично, – быстро добавила Вэл, пытаюсь меня подбодрить, хотя мы обе прекрасно знали, что к чему. Что все просто ужасно. – Знаешь, лапа, лучше уж тогда состричь всё подчистую. У меня где-то валялась старая машинка. Дай-ка гляну под раковину.

Она посадила меня на табуретку посреди кухни. Я невольно жмурилась, когда машинка начинала жужжать в самое ухо, чувствовала себя призывником.

– Не дергайся, лапа, а то порежу.

В конце концов бабка отступила на шаг полюбоваться своей работой.

– Ну вот, так оно лучше.

Я подняла руку к голове. Пусто. Можно спокойно ощупывать череп.

– Я не слишком коротко, лапа. Под четвертый номер. Иди глянь.

Я вернулась в ванную, помедлила у двери, собираясь с духом. Уставилась на девицу в зеркале, она на меня. Я ее знаю? Я привыкла, что лицо мое занавешено волосами, наполовину скрыто, а теперь все было на виду: глаза, брови, нос, рот, скулы. Выглядела я лет на десять, десятилетним мальчишкой. Оскалилась, этот в зеркале оскалился в ответ. Хоть и мелковат, но лучше не связываться. Видна свирепость. Оказалось, у меня пристальный взгляд, крепкие скулы, по сторонам лица просматривались мышцы челюстей. Да, с меня будто содрали защитный слой, но под ним обнаружилась достаточно сильная личность. Ну ладно, похоже, можно жить. Я провела ладонью по волосам, и «ежик» показался мне приятным на ощупь.

Я пошла обратно в гостиную, Жук уже вернулся. У него отвалилась челюсть. В буквальном смысле.

– Блин, меня не было-то всего полчаса, ты чего натворила? – Он обошел меня вокруг, рассматривая со всех сторон. – Елки-метелки! – Тут он рассмеялся. – А прикольный видок! – Протянул руку, потрогал мои волосы.

– Отвали!

Я ему не общественная собственность, он отскочил, поднял обе руки, будто защищаясь.

– Ладно, ладно. – Еще посмеялся, потом вдруг посерьезнел. – Ну, нам надо двигать. Чем скорее, тем лучше.

– И куда вы, сынок? – спросила Вэл.

Жук потоптался на ковре, глядя в пол.

– Лучше бы тебе не знать, бабуль...

– Ну хорошо, но вы ведь мне позвоните? Скажете, что у вас все в порядке?

– Постараемся.

Вэл покидала в мешок всякого барахла: жратву, спальник, одеяло. Я пошла наверх, забрала свои «настоящие» шмотки и сунула в сумку, которую мне нашла Вэл. Минутку мы неловко постояли, потом Жук кашлянул:

– Ладно, пора.

Обернулся, обнял бабулю. Она прижала его к себе. Я пыталась не думать о том, что, скорее всего, они видятся в последний раз.

Жук взял вещи и двинул к дверям. Вэл схватила меня за руку:

– Ты уж последи за ним, Джем. – Ореховые глаза заглянули в самую глубину моих. Я переглотнула, но ничего не сказала. Ведь не могла же я ей ничего пообещать! – Последи за ним. – Я отвернулась, и она тут же впилась ногтями мне в плечо: – Ты что-то знаешь? Про Терри?

Я тихо зашипела: было действительно больно.

– Нет, – соврала я ей.

– Посмотри на меня, Джем. Ты что-то знаешь?

Я сжала губы, помотала головой.

– Господи Боже, – пробормотала она, и зрачки ее расширились от ужаса. – Ну, ты уж постарайся, Джем.

Она отцепилась от меня, мы вышли в прихожую. Жук чуть приоткрыл дверь и выглядывал наружу.

– Так, – сказал он, – будем считать, что никого. Пошли!

Он подскочил к красному автомобилю, припаркованному двумя колесами на тротуаре, открыл багажник, забросил туда вещи.

– Чего?.. Твоя, что ли? – изумилась я.

Жук посмотрел на меня, ухмыльнулся:

– Теперь моя. Давай садись.

Он оглядывал улицу в обе стороны и дергался как сумасшедший.

Вэл порылась в кармане, вытащила пятерку.

– На, – сказала она, пытаясь всучить ее Жуку. – Держи.

Он улыбнулся, всунул пятерку обратно ей в руку.

– Да ты не переживай, бабуль. Деньги у нас есть.

– А мне плевать, Терри. Это мои деньги, всё, что имеется. И я хочу отдать их тебе. Забирай. – Она запихала пятерку ему в карман.

– А ты как же?.. – Даже в такой момент он думал про бабушку.

– Не переживай, у меня завтра пенсия по инвалидности. Проживу. Забирай. Купите чипсов или еще чего.

– Спасибо, баб. – Он нагнулся и еще раз обнял ее. Она снова прижала его к себе, прикрыв глаза. – Жди вестей, и мы скоро увидимся, да?

– Увидимся, сынок.

Мы залезли в машину, Жук сунул руки куда-то под руль и копошился там, пока не заработал двигатель. Мы тронулись, и я оглянулась. Вэл стояла на тротуаре и смотрела нам вслед, приподняв одну руку. В голове у меня звенели ее слова: «Ты уж постарайся, Джем». Я подумала: возьму и прикажу Жуку остановить машину, прямо сейчас. Мне хотелось выскочить и убежать, бежать, пока сердце не разорвется или пока кто-нибудь меня не поймает и больше

от меня вообще ничего не будет зависеть. В глубине души я знала: что бы я ни делала, я не смогу уберечь Жука, его срок близок, остались уже не недели, а считанные дни.

– Включи радио, найди какую-нибудь музыку. – Голос его прервал мои мысли.

Я посмотрела на Жука. Энергия из него так и била, ему все это страшно нравилось – побег, поездка по Лондону. Будь он собакой, приспустил бы стекло и высунул голову так, чтобы уши хлопали на ветру. Я стала перебирать радиостанции. Сплошная чушь, так что я полезла в бардачок поискать диски. Наборчик оказался хоть плачь:

«Би-джиз», Элтон Джон, «Дайн стрейтс». Кроме того, там было полно всякого другого хлама – квитанции, старая расческа, какие-то бумаги. Я вытащила одну бумажку: фигня, какой-то счет. Хотела было бросить его на пол и тут заметила. Наверху стоял адрес получателя: мистер Д.-П. Маккалти, Кресент-Драйв, 24, Финсбери-парк, Лондон.

– Ни фиги себе, Жучила! Это же Макакова тачка! Ты что, сдурел?

Глаза у него так и блеснули.

– Не смог удержаться. Ловко, а?

– Ты что, был в школе?

– Ну вроде того. Там как раз последний урок. Возиться не пришлось – «астры» что запирай, что не запирай.

– Он наверняка уже сообщил в полицию. И нас уже ищут.

– Ну, я об этом подумал. Лучше нам не соваться на автострады, там копы со своими камерами. Выиграем время, а там бросим ее и добудем другую.

Меня это впечатлило – он обо всем подумал. А еще он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. И каждый раз машина при этом виляла.

– Ты чего делаешь?

– Проверяю, нет ли хвоста.

– Мы же услышим сирены, разве нет?

– Когда бы так просто, Джем. У них есть и обычные машины. Всякие...

– А куда мы вообще едем?

Раньше я не задавала этого вопроса, положила на Жука – он, похоже, знал, что делает.

– Пытаться сбежать за границу, по-моему, глупо. Во всех портах нас ждут. Так что будем двигаться вперед, пока не найдем какое-нибудь местечко, где можно отсидеться. Если не возражаешь, поехали на запад, может, доберемся до моря.

Меня озарило. «Лучший день моей жизни».

– До этого Вестона-как-его-там?

Он улыбнулся:

– Да. По крайней мере, поставим себе такую цель.

– А он, блин, где?

Врать не буду: в географии я полный ноль.

– На западе, где-то за Бристолем. Когда будем заправляться, куплю карту. Я в них не очень разбираюсь, но вряд ли это так уж трудно.

– Так у тебя есть деньги?

– Вот уж денег у меня хоть завались. – Он похлопал рукой по нагрудному карману. – Деньги есть, тачка есть, так что вперед!

Он издал какой-то идиотский вопль и громко заржал.

И вдруг я на минуту забыла про бомбу, про полицию, про то, что я сижу в краденной машине с чуваком, у которого полные карманы чужих денег. Мне показалось, что после пятнадцати лет непонятно чего наконец-то начинается моя жизнь. Впереди настоящее приключение, и мы так здорово едем.

Из Лондона мы выбирались по какой-то дороге – прямо из научно-фантастического фильма. Проехали по виадуку, через какие-то офисные здания из города будущего, поднятые метров на пятнадцать над землей. Сплошной бетон, стекло и небо. Мы двигались в потоке машин, выползавших из города. Глядя на длинную цепочку красных фар впереди, я подумала, что ведь во всех машинах сидят люди, каждый со своей историей. Они едут с работы, счастливы, что скоро будут далеко от этой бомбы, от сутолоки, что вернутся в пригород к своим детям, два целых четыре десятых на каждого. Только такой истории, как у нас, нет ни у кого, спорим? Два подростка в бегах, в краденной тачке. Я живу во сне, мы с Жучилой – кинозвезды. Захватывающее, опасное приключение – так классно, что даже не верится.

Жук перестроился, чтобы обогнать грузовик. Тут же оглушительно загудел гудок, и в правом ряду на нас чуть не навалилась какая-то громадина.

– Блин! – Жук крутанул руль, и мы вернулись в крайний ряд. Машина, ехавшая справа, поравнялась с нами, водитель размахивал руками и орал, сверля Жучилу взглядом.

– Пошел ты, козлина! – отозвался Жук. А тот действительно слетел с катушек.

– Да ладно тебе, Жучила. Не смотри на него. Смотри, говорю, на дорогу, а то мы куда-нибудь врежемся!

Вел Жук как сумасшедший, руль крутил непонятно как. В конце концов тот водила нажал на газ и уехал, все еще не успокоившись. Я облегченно вздохнула.

– Нельзя привлекать к себе внимание. Угомонись.

– Да я знаю, но он же полный придурок! Чуть меня не подрезал.

– Слушай, давай сваливать с этой дороги, найдем какую поспокойнее.

– Ладно, на следующем повороте. – Он все не мог утихомириться но, по крайней мере, держал руль обеими руками.

Скоро показался знак, обозначающий съезд. Мы свернули в рукав, завизжали тормоза – Жук попытался сбросить скорость и вписаться в крутой поворот. Мелькнул знак, предупреждавший, что впереди круговое движение, но мы ничего толком не рассмотрели. Застопорились, разглядывая указатели: «Хаунслоу... Сло... Хэрроу...» Блин, а нам куда? Сделали полный круг – уже решили, что останемся тут навеки, – а потом дернули в первом попавшем направлении: нам уже сигналили справа, слева и сзади. Мы поползли дальше в том же сплошном потоке.

– А они все так же крутились, Джем? Все ехали за нами?

– Мне-то почем знать?

– Да ты хоть в зеркала-то смотри! Для этого мозгов не надо!

По лбу у него катился пот. Я чувствовала, ему приходится нелегко, но это еще не повод.

– Рот заткни! – рявкнула я. – Я вижу одни фары, а они все одинаковые. Как я, блин, разберу, за нами они едут или нет?

Он утер ладонью лоб, провел ею же по волосам.

– А мы где?

– Без понятия, едем дальше. Там еще будут указатели.

– От них проку мало. Нам нужна карта.

– Мне лично без надобности, я в них не разбираюсь.

– Ничего, научимся. Слушай, мне надо передохнуть.

Жук свернул в «карман», остановился. Заглушил двигатель и как мог вытянулся на сиденье, потом потер ладонями лицо и шумно выдохнул сквозь пальцы.

– Блин! Нелегко, однако.

– Машину водить?

– Да, столько всего надо держать в голове, смотреть во все стороны. Уф.

Он снова вытер пот со лба, на сей раз рукавом. Запрокинул голову, закрыл глаза.

– Жучила, – сказала я, стараясь говорить спокойно, – ты ведь не в первый раз за рулем, а?

– Ну еще бы, – откликнулся он, не открывая глаз. – Спенсер мне как-то дал покататься по пустырю.

– А я думала, ты уже сто раз угонял машины, и...

– Угонял, Джем, только я отвечал за зажигание. А за руль меня не пускали.

Я строго посмотрела на него:

– Ничего себе... ну ты даешь! Мы тут катаемся по самым забитым дорогам в мире, а он за рулем в первый раз! Ни фиги себе!

Я поняла, что хохочу – облегчение грозило перерасти в истерику.

Жук открыл глаза.

– Чего? Ты чего ржешь? Я же досюда доехал!

Я сделала паузу, чтобы отдышаться.

– Да я не над тобой смеюсь. Честное слово. – Он, похоже, действительно обиделся. Я положила руку ему на плечо. – Сюда-то ты нас довез. Ты молодчина. Правда молодчина, Жук. Слушай, давай глянем, чего нам положила твоя бабуля. Перекусим.

Он вылез, пошел к багажнику, вытащил сумку и швырнул мне на колени. Я порылась там. Всякая хрень – крекеры, шоколадное печенье, какие-то консервные банки, а открывашки-то нет. Впрочем, там нашлась пачка сигарет, а на дне лежало что-то тяжелое. Я просунула руку ко дну, нащупала горлышко бутылки. Вытащила ее. Лицо у Жука просветлело.

– Ну уж нет, дружище, – сказала я, запихивая водку обратно. – Сейчас нам это совсем ни к чему.

– Очень пить хочется. Там есть что-нибудь еще?

Я порылась.

– Не-а.

– Паршивый куш, – заметил Жук и фыркнул от смеха.

– Чего?

– Ну так ведь говорят, когда тебе почти ничего не досталось? Так, смешно звучит.

Его почему-то эти слова действительно рассмешили, он просто зашелся хохотом. Это оказалось заразительно. Я плохо понимала, над чем он смеется, но тоже расхохоталась. И вот мы сидим и ржем как два идиота.

А когда мы отсмеялись, у нас будто совсем кончились все силы – ушли в хохот. В машине повисло молчание. До нас дошло, как обстоят дела: как вот глотнешь чего-то холодного – и оно медленно скатывается в горло и дальше. Я перестала понимать, на что мы рассчитываем. Премся неизвестно куда, не взяли с собой ничего полезного, а нас при этом ищут. Не хотелось мне этого говорить, но как-то само вырвалось:

– Может, вернемся? – спросила я. – Вернемся, сдадимся сами, наверное, нас не так сильно накажут.

Жук тряхнул головой:

– Я не вернусь. Не могу, Джем.

– Что значит «не могу»? Ну ладно, помучают нас – переживем. Допросят про этот взрыв; хорошо, мы еще и машину угнали – но что уж такого они с нами сделают? Посадят?

– Да нет, Джем, я не из-за полиции, хотя меня-то точно посадят, они давно ищут предлог. Только не в них дело. Вот, смотри. – Он сунул руку в карман куртки и вытащил бурый конверт, большой, сложенный пополам. Протянул его мне.

– Это еще что?

– Сама посмотри.

Я отогнула край, глянула внутрь. Там лежали деньги, толстая пачка денег. Я вытащила ее. Чтобы мне провалиться, в жизни не видела такой кучи.

– Это наше будущее, Джем. В смысле, на следующие несколько недель.

Я взяла деньги в одну руку, а другой перелистала, как вот перелистывают книгу. Сотни помятых пятерок и десятков. Сотни фунтов.

– Ты чего, банк ограбил?

Он погрыз ноготь, посмотрел на меня, промолчал.

– Что ты натворил, Жук? – спросила я негромко.

Он опустил глаза, взъерошил волосы.

– Не донес последнюю передачу.

– Так это деньги База? Ты его ограбил? Ты обалдел, Жук? Нас же замочат!

Он продолжал грызть ноготь.

– Не найдут – не замочат. Но возвращаться мне точно нельзя. Теперь только ты и я, Джем. У нас одна дорога. Найти новое место. Начать сначала.

Я закрыла глаза. Да, обратного пути не было. Почувствовала на плече его руку.

– Ты в порядке? – Я не ответила, не знала, что сказать. – Если хочешь, я тебя где-нибудь высажу. Я не могу вернуться, но ты-то можешь. Ты можешь вернуться, Джем.

Я дождалась, когда до меня дойдет смысл этих слов. Он говорит серьезно: если что, он поедет дальше без меня. А куда мне возвращаться? К полиции, к соцработникам, к Карен? Я открыла глаза – он смотрел на меня в упор, смотрел по-настоящему. Многие ли люди видели во мне хоть что-то, кроме странной зачуханной девчонки в надвинутом капюшоне? Многим ли я была интересна? А Жук был другой: веселый, дурковатый, непоседливый, безбашенный. Нормальный.

– Нет, – ответила я. – Порядок. Я еду с тобой. Очень хочется посмотреть на этот Вестон-как-его-там.

Жук ухмыльнулся, кивнул:

– Тогда едем дальше по этой дороге, найдем заправку, купим нормальной еды и карту, в общем, разберемся.

– Ладно, – согласилась я. – Заметано.

Мы выполнили разворот в двадцать три приема и вернулись на главную дорогу. Минут через десять показалась заправка, мы подъехали к колонке. Повозившись, Жук нашел, как открыть крышку бензобака, и заправился. Потом мы двинули в магазин, я сходила в туалет, а Жук набрал кучу всякой жратвы: кока-колу, чипсы, шоколад, несколько бутербродов. Хватит на несколько дней. На нас

поглядывали с недоумением. «Блин, – подумала я, – они запомнят: явились два подростка и накупили кучу жратвы».

Очередь ползла страшно медленно.

Мужик за прилавком слушал радио. Музыка оборвалась, начались новости.

– Лондон еще сотрясает после взрыва на колесе обозрения... семеро погибших, множество раненых... полиция разыскивает двух подростков, чернокожего юношу высокого роста и девушку пониже, худощавого телосложения.

Кожу покалывало. Мне казалось: над головой у меня светится огромная вывеска с указующей стрелкой: «ВОТ, ЭТО ОНИ». Я поняла, что Жук тоже слышал: он смотрел в пол, переминался с ноги на ногу, жевал губу. Я все ждала, что прозвучат страшные слова, что нас схватят. Ужасное чувство. Больше всего мне хотелось бросить покупки и рвануть прочь, но я перебарывала себя. «Спокойно, спокойно». Мы продвигались вперед. Новости кончились, снова заиграла музыка, мы подошли к кассе. Мужик на нас даже не взглянул, только спросил номер колонки и пробил наши покупки. Жук заплатил наличными, и мы выскочили вон.

По дороге к дверям я заметила, что в углу, под потолком, висит камера. Одну секунду я смотрела на нее в упор, а она смотрела на меня немигающим взглядом. «Ну, вот и конец», – подумала я. Теперь у них есть мое изображение, в дурацкой бабкиной куртке, со стриженными волосами. Прежде чем забраться в машину, я сняла эту паршивую куртку и бросила на заднее сиденье. Жук уже заводил двигатель.

– Давай, двинули. Вот, посмотри на карту, может, разберешься, где мы.

Он бросил мне на колени толстую книгу.

Я стала возражать, но он оборвал меня:

– Джем, нам надо сматывать. Вопрос жизни и смерти. Пожалуйста, разберись.

Я листала страницы, пока не нашла большую карту юга Англии. Сосредоточилась, пытаюсь разобраться в паутине каких-то линий, потом нашла Лондон, посмотрела левее. Страшно обрадовалась, обнаружив Бристоль. Между двумя городами тянулось множество

дорог, оставалось лишь отыскать одну из них.

– Поехали до следующего указателя, Жук. Там уж я разберусь.

И вот так, не без запинок, мы выбрались из города, время от времени останавливаясь, чтобы свериться с картой, иногда сбиваясь с пути и возвращаясь назад. А я все прислушивалась, не взвоят ли сирена, смотрела в зеркало, не появится ли сзади «хвост». В какой-то момент я определила по карте наше положение и потом держала на ней палец, отслеживая, куда мы едем.

В Бэзингстоке мы съехали с кольцевой и встали на тихой улочке. Жук вышел отлить, а потом мы устроили в машине небольшое пиршество: бутерброды, чипсы, кока-кола.

– Машину, пожалуй, пора бросать. Слишком заметная, ее уже небось только ленивый не ищет, – сказал Жучила с набитым ртом, из которого разлетались крошки от чипсов.

Мне стало жалко:

– А мне она нравится.

– Знаю, но, если мы ее не сменим, не сегодня завтра нас поймают. Давай-ка найдем какое тихое место, соснем, потом, рано утром, угоним другую. Я выдохся.

Мы немножко поехали по округе, потом отыскиали тихий проселок, где не было фонарей. Встали в какой-то тупичок, заглушились, погасили фары. Было темно, как в гробу, жутковато.

– Мне не по себе, Жучила. Больно темно. Давай найдем место, где есть фонари. А тут какая-то жуть.

– Нельзя, чел. При свете нас засекут. Ахнуть не успеешь. Ты закрой глаза, тогда не будет никакой разницы. Полезай-ка назад, ложись, ты там поместишься.

– А ты?

– А я тут подремлю. – Его длинные ноги едва помещались под рулем, голова упиралась в потолок.

– Мне и тут нормально, я откину сиденье. А ты лезь назад, там посвободнее.

На галантного рыцаря он не тянет. Сразу же согласился и перелез назад. Протянул руку, пошарил в багажнике, передал мне

одеяло.

Я завернулась, повозилась, пытаюсь устроиться. Закрывает глаза, но перед ними все мелькали телевизионные кадры: пустота там, где раньше на колесе была та кабинка, обрывки голубой куртки, разодранная плетеная сумка. Я снова увидела очередь, обращенные ко мне лица. Открыла глаза, но это не помогло: не на чем было сосредоточиться, только непроглядная тьма. Такая непроглядная, что в ней могло таиться что угодно. Какой-нибудь громила с ножом метра в двух от машины (мы его и не увидим, пока он не шагнет вперед, не прижмется лицом и руками к стеклу – морду от этого перекосит) не распахнет дверцу и...

– Жук, ты спишь?

– Нет. – Я слышала, как он ворочается. – Устал как собака, а заснуть не могу. Мозги не отключаются, будто нюхнул чего.

– Мне страшно. Мне здесь не нравится.

Я почувствовала, как он протянул сзади руку, похлопал меня по плечу. Я выпростала из одеяла ладонь, переплела пальцы с его пальцами. Ладонь у него была в два раза больше моей – длинные фаланги, узловатые суставы. Он ласково погладил мне кожу большим пальцем, будто успокаивая без слов. Я, похоже, отрубилась, потому что следующее, что я помню – машину заливает серо-серебристый свет, окна запотели, а Жук забирается на водительское сиденье.

– Пора, Джем. Найдем тачку покруче и двинем дальше, пока никто не проснулся.

Он развернулся, и мы покатали обратно в сонные пригороды. Внезапно Жук ударил по тормозам, меня швырнуло вперед. Дорогу прямо перед нами перебегала лисица, здоровенная, зараза. Она скрылась за изгородью, и Жук осклабился:

– Рад, что не сбил подлюку. Он – как мы с тобой, Джем. Воришка вышел на дело с утра пораньше. Респект, мистер Лис.

Мы поехали дальше и скоро оказались на тихих пригородных улочках, заставленных машинами. Рань была жуткая, но у Жука сна не было ни в одном глазу, он так и зыркал по рядам машин, высматривая подходящую. Через некоторое время остановился и указал на другую сторону улицы, где стоял здоровенный пикап.

– Берем вот эту, Джем. Распихай шмотье по сумкам. Давай

быстро и без шума.

Он прижал костлявый указательный палец к губам и подмигнул.
Ему все это явно нравилось.

– Подожди, пойду осмотрюсь.

Жук вылез из машины и перебежал через улицу. Быстренько обошел пикап по кругу и вернулся.

– Подходит. Никаких секреток и блокираторов. Забирай вещи, одеяла и все остальное.

– Подожди секунду.

Я открыла бардачок и вытащила одно из писем, адресованных мистеру Маккалти. Поискала ручку, нашла огрызок карандаша. Написала на уголке, так мелко, как смогла: «Все кончится 25122023». Держи подарочек на прощанье, козел бессердечный.

– Ты чего там возишься? – прошипел Жук. – Надо сматывать, а то народ начнет просыпаться! Давай!

Я бросила письмо на пол, собрала пожитки и вылезла из машины. Жук уже возился у водительской двери новой тачки, ковырял какой-то фиговиной в замке. Тот щелкнул, Жук залез внутрь и открыл мне пассажирскую дверь. Я забросила вещи на заднее сиденье, быстренько села и, стараясь не шуметь, захлопнула дверь. Жук копался под рулевой колонкой; скоро двигатель заработал, и мы двинулись, плавно скользя по спящим улицам, без шума, без задержек.

Выбирались мы из Бэзингстока целую вечность. Просто кошмарный город: улицы там специально проложены так, чтобы вы застряли навеки. Мы минут двадцать мотались кругами, как идиоты, пока я наконец не углядела указателя на Эндовер – я видела его на карте, это был следующий городок к западу. Мы рванули туда, Жук облегченно вздохнул.

– Они бы лучше разбомбили этот чертов Бэзингсток, а Лондон не трогали, – высказался он.

Даже в половине седьмого вокруг было много машин.

– Включи радио, выясни, что там происходит, – предложил Жук.

Мне не хотелось этого знать; пусть внешний мир живет своей

жизнью, а мы с Жуком будем сидеть в машине и двигаться дальше, но я все же включила радио и тыкала кнопки наугад, пока не нашла программу новостей.

– Количество жертв взрыва в Лондоне за ночь возросло до одиннадцати, еще двадцать шесть человек остаются в больницах, двое в критическом состоянии. Криминалисты обследуют место происшествия, разбирают завалы в поисках следов виновников, а также предметов, которые помогут установить личности погибших. Полиция снова обращается к двум молодым людям, которые, по свидетельствам очевидцев, убежали с места происшествия перед самым взрывом, с просьбой связаться с властями. Утром состоится пресс-конференция, на которой будут обнародованы их фотороботы.

– Выключай, Джем. А про машину ничего, да? Может, они нас пока и не вычислили.

– Ты думаешь, они будут рассказывать все, что знают? Они быстро управятся. Карен наверняка уже подала заявление, что я пропала, еще у них есть фотороботы...

– Нам нужно найти укрытие, пожить где-нибудь в лесу. Где люди, там и опасность.

Сердце у меня упало. Да мы ни черта не умеем жить в лесу. Мы же выросли в Лондоне.

– Жук, а ты когда-нибудь бывал в лесу?

– Не-а, только чего в этом такого? Наберем побольше воды и жрачки, да еще одеял, найдем, где укрыться. Поживем как партизаны, ага?

Я рассмеялась:

– Я не умею партизанить.

– Да это просто, балда, живешь себе на подножном корме. Охотишься, питаешься ягодами. Что, не справимся?

– Да мы завтра же загремим в больницу, если будем жрать в лесу что попало. Отравимся. Или замерзнем насмерть.

Я мрачно посмотрела в окно на незнакомый пейзаж, поля и изгороди. Приветливо, ну просто как на Марсе: ни магазинов, ни домов, ни людей, никакой жизни. Да, Лондон, конечно, дыра, но там все-таки есть какая-никакая цивилизация, а не эта бесконечная,

мокрая, тускло-зеленая пустошь.

– Может, останемся в машине? Поставим ее где-нибудь в тихом месте.

– Может, ты и права. Слушай, давай проедем еще с полчаса, а потом постоим на обочине, пока не стемнеет. В темноте нас вряд ли засекут.

Мы покатали дальше мимо бесконечных унылых холмов. То тут, то там мелькали фермы. Иногда возникали кучки домов и магазинчик-другой. У них были названия, но обозвать их населенными пунктами язык не поворачивался. Совершенно безликие. Попадались дома с соломенными крышами, будто ты в каком гробаном средневековье.

Я вспомнила сказку про трех поросят, которую мне когда-то читала мама. Придурочный третий поросенок построил себе дом из соломы, пришел злой серый волк, дунул на него – и нету. Волка, как вы помните, потом сварили в котле, а поросята остались жить-поживать в кирпичном домище. Не знаю, зачем малышам вешают на уши такую лапшу. Не нужно особого ума, чтобы понять: в реальной жизни побеждает всегда серый волк. У поросят вроде нас с Жуком шансов ноль.

– Ты о чем думаешь?

Я вздрогнула. Нет, я не спала, просто так ушла в свои мысли, что обо всем забыла.

– О поросятах.

– Ты их видела? – Он резко крутанул головой, отчего машину повело вправо.

– Нет. Смотри, куда едешь. Угробишь нас, чего доброго. Да и вообще, я думала не про настоящих поросят, а тех, что в книжке... ладно, проехали.

Показался указатель – на нем был нарисован стол для пикника. Мы свернули и обнаружили большую площадку, с дороги ее было не видно. На площадке стоял грузовик, мы пристроились за ним, поели печенья, глотнули коки. Вдоль грузовика прошел какой-то мужик. Остановился, закурил, проверил, хорошо ли затянута веревка на заднюю машину. Я заметила: он все время смотрит на нас. Делает вид, что не смотрит, но ведь всегда видно, когда человек вроде как смотрит на

одну вещь, а на деле уголком глаза разглядывает другую. Я инстинктивно вжалась в сиденье – он вернулся в кабину, залез на водительское место.

– Видел его?

Жук выковыривал из зубов крошки печенья.

– Кого, водилу?

– Да, ты видишь его в кабине?

– Ну, вижу, в его боковом зеркале. А чего?

– Что он делает?

– Курит и разговаривает по такой маленькой рации.

По коже у меня поползли мурашки.

– Он нас вычислил, Жучила. Звонит в полицию.

– Да ладно тебе. Дальнобойщики вечно треплются друг с другом по рации.

– А если вычислил? Что нам делать?

– Бросать тачку и добывать другую. В любом случае давай сматывать.

Он завел двигатель и, плавно переключая передачи, понесся, набирая скорость, обратно к шоссе. За рулем он чувствовал себя все увереннее.

Я оглянулась. Вдалеке трясся грузовик. Он явно нас преследовал.

Как поглядеть, грузовики были повсюду: один впереди, отделенный парой других машин, примерно раз в минуту какой-нибудь грузовик попадался навстречу. Если этот придурок нас вычислил и оповестил своих дружков, наше дело труба. За нами будут следить на каждом шагу. К нам приближался очередной грузовик, я взглянула в кабину: водитель на миг встретился со мной глазами и тут же их отвел. На голове у него была телефонная гарнитура, он в нее что-то вещал.

– Жук, надо сматывать. Нас засекли. Водила того грузовика поглядел на меня. Ты заметил?

– Не, чел, я смотрю, куда еду, как ты велела.

– На следующего обрати внимание.

Через пару минут показался очередной грузовик. Водитель нас явно приметил. Жук видел тоже.

Он выругался и резко свернул на следующую же отворотку. Мы покатали по узкому проселку. Одной рукой я цеплялась за дверцу, другой – за торпеду и молилась про себя, чтобы нам никто не попался навстречу. Жук притормозил, а потом и вовсе остановился там, где в сторону уводила дорожка, слишком узкая для машины.

На ней стоял зеленый указатель: «Пешеходная тропа». Сердце у меня упало.

– Хватай шмотки, дальше двинем пешком.

– Еще чего. Куда? Как?

– Заберем вещи, пройдем несколько миль по этой дорожке, найдем место для ночлега, а там я спроворю очередную тачку. Уведу с какой-нибудь фермы. Давай собирай шмотки.

Мы напихали чего могли в полиэтиленовые пакеты. Я лихорадочно перелистала атлас, выдрала те страницы, где была эта местность, и вообще все, что могли довести нас до Вестона.

– Это ты здорово сообразила, подруга.

Было видно, что адреналин из Жука опять так и прет. Со мной, видимо, было то же, но мы были как две стороны одной медали. Жук в восторге от предстоящего приключения, а меня грыз страх – погоня ведь все ближе.

Все в пакеты не поместилось. Я надела куртку – так проще, чем нести в руках, – а Жук намотал одеяло на плечи; потом, бросив последний взгляд на машину, мы зашагали по дорожке. Видок у нас, надо думать, бы еще тот – парочка придурков. Мы совсем были не похожи на туристов с рюкзаками, в походных ботинках, просто пара подростков с кучей пакетов и в прикиде из комиссионки.

С пакетами вышла куча заморочек. Один все бил меня по ноге, ну хоть плачь. Я попыталась его развернуть, перекинуть в другую руку, – никакого толку. Шлеп, шлеп, шлеп. Ручка врезалась в ладонь – резкая, противная боль. Ноги постоянно разъезжались во все стороны. Тропинка была вся в рытвинах: две колеи, выложенные камнями, большими и мелкими, а между ними – полоска травы, и все

это на разных уровнях. Поначалу я шла по колее, но нога то и дело подвертывалась на камнях, тогда я перебралась на траву. Там было получше, только иногда нога соскальзывала вниз или попадала в рытвину и опять же подворачивалась. И всю дорогу – шлеп, шлеп, шлеп, черт бы побрал этот пакет. Он быстро меня достал, точно по колену сбоку бьют кувалдой.

Мы тащились по этой дороге добрую половину утра, а потом я встала и бросила оба пакета. Поднесла руки к глазам, посмотрела на ладони: они были ярко-красными, исчерченными толстыми белыми полосами там, где ручки пакетов врезались в кожу. Жук шагал себе, ему было по фигу. Можно подумать, он слушает музыку: шлепает себе под какой-то свой внутренний ритм, трясет головой, подскакивает на каждом шаге – только никакой музыки он не слушал, разве что она звучала у него в голове. Через несколько секунд до него доперло, что я отстала, и он обернулся:

– Ты чего?

– Не могу больше. Выдохлась. Можно передохнуть?

Жук глянул на часы:

– Мы идем ровно шесть минут. Если вернуться вон к тому повороту, снова увидим машину.

Я пнула один из пакетов:

– Я не могу! Не люблю я ходить пешком!

– Мы же с тобой часами шлялись по Лондону, вдоль канала, по улицам. По много миль проходили, чел. Ты можешь.

– Ну, так то Лондон, цивилизация. Там тротуары, асфальт. А тут? Нога болит. И чертов пакет по колену колотит, а руки – вон, погляди!

Я протянула ему ладони.

– Послушай, – сказал Жук, не заводясь, – нам нужно как можно быстрее уйти как можно дальше от машины и где-нибудь спрятаться. Предлагаю пройти по этой дороге час, посмотреть, куда она ведет.

– Ты что, не слышал? Я НЕ МОГУ!!! – От ярости у меня вырвался вопль, возможно, я даже затопала ногами. Потом схватила один пакет обеими руками и отшвырнула прочь. Он описал в воздухе плавную дугу и приземлился прямо на живую изгородь, метрах в двух над землей.

Жук метнулся ко мне, зажал мне рот рукой.

– Ш-ш-ш! Балда, они же сейчас все сюда сбегутся!

В глазах у него плясали чертики, рот растянулся в улыбке. Он надо мной смеялся.

Смеялся.

Надо мной.

Он.

Я прямо с катушек слетела – замахала ногами и кулаками, заверещала как ненормальная:

– Только попробуй надо мной прикалываться! Только...

Вместо того чтобы отступить или дать мне сдачи, он обхватил меня сразу и руками и ногами, будто бы спеленал, и прижал к себе. Руки у меня оказались притиснуты к бокам, ногами было не пошевелить. Он держал меня крепко-крепко, лицом я уткнулась в его вонючую подмышку, и он будто бы выдавил из меня всю ярость. Я чувствовала, как она уходит, как тело мое обмякает. Жук положил подбородок мне на голову, и вот так мы и стояли, просто дыша.

– Успокоилась? – спросил он через некоторое время.

– Нет.

Хотя я успокоилась, по крайней мере, мне полегчало.

Жук выпустил меня и пошел снимать пакет с изгороди.

– Давай по дольке шоколада – и двигаем дальше. Я понесу твои мешки.

Этого я не могла ему позволить – у меня все-таки есть какая-никакая гордость.

– Пошел ты, я сама понесу.

– Ну давай.

В конце концов мы порешили на том, что он понесет неудобный пакет, и с этим двинулись дальше, а сквозь ветви и листья у нас над головой уже начал сочиться мягкий утренний свет, а со стороны шоссе долетел вой сирен.

Дорожка уперлась в калитку, запертую на деревянный засов. Мы поставили пакеты, перевесились через калитку, посмотрели вперед. Дорожка шла через какое-то поле. Дальше начинался уклон, там ничего не было видно, а за ним вздымались все новые поля, насколько хватало глаз. В жизни не видела столь унылой картины: полная пустота.

– И куда мы, блин? – спросила я.

Жук пожал плечами:

– Подальше от брошенной машины. Куда – не важно.

– Тут мы не пройдем, – я кивнула на эту безжизненную сельскую местность.

– Почему?

– Да ты сам погляди, придурок! Ни деревьев, ни изгородей. Нас будет видно, как на ладони.

– Ты предлагаешь вернуться? Сидеть в машине, пока нас не обнаружат, не вытащат оттуда и не бросят на землю лицом вниз, приставив пистолет к затылку?

– Какой еще пистолет?

– Они же думают, что мы террористы.

Я опустила лицо на руки и закрыла глаза. Я плохо себе представляла, каково это – быть в бегах, но представление у меня было совсем не такое. Я ужасно устала, мучительная тяжесть разливалась по рукам и ногам.

– Можно мы посидим тут немного? – спросила я, не поднимая головы; рукав заглушал мои слова.

Жук покачал головой:

– Мы слишком близко к машине. Нужно уйти подальше. – Он сделал паузу. – Смотри, вон там, на холме, кучка деревьев. Давай дойдем до них и спрячемся до темноты.

Я подняла глаза. На вершине холма милях в двадцати от нас

действительно что-то темнело.

– Чего? Дойдем вон туда?

Жук кивнул:

– Да, на это уйдет полчаса, максимум сорок минут. Это мы сможем.

Он подхватил все мешки, перекинул через калитку, потом и сам перешагнул – его длинным ногам это было нипочем.

Я вздохнула и полезла следом. Деревяшка закачалась у меня под ногой, я пискнула. Жук рассмеялся и поддержал меня одной рукой. Я ухватила за него, перекинула ногу, отпустила, покачнулась, ухватила за деревянный столбик, перебросила вторую ногу. Пока попа моя болталась в воздухе, деревянная опора так и норовила подломиться, а на ладони у меня вдруг оказалось что-то липкое. Отпустив столбик, я поняла, что вляпалась в птичье дерьмо.

– Блин! – Я слышала, что за спиной у меня Жук хохочет во все горло. – Ничего смешного, я теперь вся в дерьме! – Я опустила ногу, нащупывая землю. Оказавшись наконец на земле, развернулась и увидела, что Жучила аж пополам согнулся от смеха. – Ты чего?

– Ну просто умора, вообще! Ты прям звезда!

– Отвали!

Я попыталась вытереть об него руку, но он увернулся. Я немножко погналась за ним вокруг пакетов, а потом он ухватил меня за запястье, пригнул к земле и как следует оттер мне ладонь о траву. Большая часть дерьма осталась на ней, остальное я обтерла о брюки. Мы сели поодаль друг от друга. Я никак не могла отдышаться, легкие рывками втягивали воздух, но постепенно тело успокоилось, дыхание выровнялось.

Жук пошарил в одном из пакетов, вытащил коку, хлебнул, протянул ее мне. Кока была теплая, выдохшаяся, но мне показалась нектаром. Потом мы собрали наше барахло и зашагали по тропке в это безлюдье.

Вы себе просто не представляете, насколько не по себе было мне в этом поле. После всех этих рассуждений про пистолеты, я постоянно чувствовала точку у себя между лопаток, куда снайпер, того и гляди, всадит пулю. Чем дальше мы уходили от калитки, тем

беззащитнее я себя ощущала. Если бы я топала по этой тропинке голышом, мне и то не было бы так неловко. Вокруг не было ровным счетом ничего, только трава и небо. Я в жизни не видела столько неба, его было просто неприличное количество. В городе как-то не понимаешь, какую огромную часть пространства занимают здания. Убери их, и останется одно только небо, огромное и пустое. И нет ничего между твоим затылком и бесконечным пространством, одна лишь сила тяжести не дает взлететь ввысь, подальше от земли. Меня это страшно напрягало. Единственное, что оставалось, – смотреть на дорожку и ставить одну ногу строго перед другой.

А Жук шагал впереди своей обычной пружинистой походкой. Я поняла, что приглядываюсь к тому, как он идет: длинные ноги при каждом шаге практически достают до тощей задницы. В школе и на улице он всегда казался каким-то дерганным, словно вся его энергия не вмещалась в стены, улицы и здания. А здесь ноги его будто бы пожирали расстояние. Этот долговязый лондонский негритос здесь выглядел как дома. Тут все было как раз его масштабов.

Другое дело – я. Он подпрыгивал, а я ползла, и в голове крутились сплошные: «Не могу... не хочу... вот ведь блин». Стоило добраться до вершины холма и подумать, что мы уже почти на месте, как перед нами тут же вставал следующий холм. Они накатывали, как волны, и тянулись, насколько хватало глаз.

В конце концов мы оказались на краю поля. С одной стороны дороги тесным строем росли деревья. Где-то журчала вода. Жук остановился, поставил пакеты.

– Погоди минутку.

Он отбежал в сторону и перескочил через изгородь из колючей проволоки.

– Ты куда? – заорала я, но он не откликнулся, и я осталась в поле одна как дура. Я села, глядя в ту сторону, откуда мы пришли. Вот сейчас увижу преследователей – и что мне делать? Впрочем, ответа я так и не придумала, потому что передо мной возник Жучила, страшно довольный собой.

– Там спуск, Джем, а внизу речка. Как раз то, что нам надо. Пройдем немножко по воде. Тогда, если они с собаками, они нас не нагонят. Потеряют след. Я такое в кино видел.

Ну я тоже видела, а толку? Только его фиг остановишь:

– Давай, перекидывай мешки, а потом я помогу тебе перелезть.

Я бросила ему поклажу, потом посмотрела на изгородь:

– Ну не знаю... – сказала я с сомнением.

– Давай, ставь ногу на проволоку, руку на столб, потом подтягивайся. Я тебя поймаю.

Лучше я ничего не придумала и сделала так, как он сказал. Проволока прогнулась под моим весом, но я решила: «А, будь что будет» – и полезла дальше. Тут Жук протянул руки, ухватил меня под мышками, перетащил на другую сторону и в целости-сохранности поставил на землю. Мы улыбнулись друг другу, хлопнули ладонь в ладонь. Потом собрали вещи и зашагали между деревьями.

Уклон был довольно крутой. Внизу явно текла речка, шириной метра три-четыре, очень быстрая и мутная.

– Там глубоко? – спросила я.

– Без понятия, придется проверять. Давай перебросим вещи на тот берег, а потом я слазаю, проверю.

– Может, ты сперва проверишь? Если там слишком глубоко, мы же через нее не переберемся, верно? Толку нам тогда от вещей на том берегу.

– Джем, – сказал Жук очень серьезно, – мы должны перебраться. У нас просто нет выбора. Все будет хорошо, обещаю. – Он поднял первый пакет, связал ручки, раскачал его как следует, а потом, крикнув, метнул вперед. Пакет пролетел над водой и приземлился на другом берегу. Жук ухмыльнулся и взялся за следующий. Все перелетели благополучно, кроме последнего. Жук не рассчитал, пакет взлетел слишком высоко и бухнулся в воду.

– Блин горелый! – рявкнул Жук, быстро сел и начал лихорадочно стаскивать кроссовки и носки. Закатал джинсы и соскользнул с берега прямо в воду.

– Мамочки! – взвизгнул он, ну прямо как девчонка. – Холоднющая!

Пакет проплыл метров десять вниз по течению и застрял, зацепившись за что-то возле дальнего берега. Жук двинул к нему вброд. Вода едва доходила ему до колен.

– Кидай мои кроссовки на ту сторону, а потом свои. Можешь переходить, вода ледяная, а так порядок! – проорал он.

Я запихала его носки в его же кроссовки и один за другим перекинула их через речку. Жук приближался к пакету. Я нагнулась и тоже начала разуваться.

– Упс! – Жук дошел примерно до середины и внезапно взмахнул руками. – Скользко, так что ты поосторожнее!

– Ладно! – крикнула я в ответ, продолжая сражаться с затянувшимся узлом на шнурке. Жук бултыхался, поругивался, как и всегда, – я на него не смотрела. Наконец, сняв носки и кроссовки, я встала, чтобы кидать их через речку. Пакет лежал на прежнем месте, покачивался – вода пыталась унести его дальше. А Жука не было. Он исчез.

Я обшарила глазами противоположный берег. Никого. Оглядела поверхность воды – ни следа. Все это казалось совершенно нереальным. Я почувствовала, что в голове что-то соскользнуло, переместилось: я одна, Жука никогда не существовало, потому что если существовал, куда же он мог деться?

И тут я заметила, что слева от меня в воде образовалось какое-то странное завихрение. Что-то показалось над поверхностью – колено, локоть или еще что. Жук был уже метрах в тридцати, и течение уносило его все дальше. Я бросилась бежать по берегу. Вода вертела его, как тряпичную куклу, на поверхности показывалось то одно, то другое – рука, спина, затылок, только не лицо. Лицо оставалось под водой.

Я в полной панике неслась со всех ног. Ветки хлестали по лицу, хотя я и пыталась уклоняться и подныривать. Наконец я с ним поравнялась. Бегу и одновременно ору. Он не слышит. Я лихорадочно заозиралась в поисках хоть чего-нибудь, чем можно бы было его подцепить. Согнула длинную ветку, попыталась ее сломать – сил не хватило. Жука опять отнесло дальше. Я подумала, что он совсем беспомощен, что набирает в легкие все больше воды, и у меня у самой чуть не остановилось дыхание. Так ведь не должно быть! Его срок – 15122009, до него еще почти целая неделя! Что тут, блин, творится? Я понеслась дальше.

Забежала на десять – пятнадцать метров вперед. Вокруг – никого. Некому и нечему прийти на помощь. Выбора нет. Я прыгнула с берега в воду. Поразил меня даже не столько холод, сколько сила течения. Вода била по ногам с ошеломляющей силой. Она была разве что повыше колена, но мне с трудом удавалось удержаться на ногах. Кроме того, отсюда было гораздо труднее разглядеть Жука. Я отчаянно обшаривала воду глазами и наконец заприметила какое-то темное пятно, двигавшееся в мою сторону. Его пронесет от меня слева: нужно зайти подальше, иначе я его пропущу. Я сделала шаг, там оказалось глубже. Двигалась я медленно, покряхтывая от усилий. Теперь до Жука было всего несколько метров – блин, я ведь его упущу. Я рванулась вперед. Успела, но под ногами оказалась скользкая глина, и, когда тело Жука ударило мне по ногам,

я поскользнулась и тоже полетела в воду.

Теперь все смешалось: верх и низ, вода и воздух, Жук и я. Я билась в потоке, но при этом не выпускала его куртку. Что бы ни случилось дальше, это случится с нами обоими – я ни за что от него не отцеплюсь. Удалось выдернуть лицо на поверхность, глотнуть воздуха. Я отчаянно брыкалась, пытаюсь нащупать дно, но течение было неумолимо. Жук казался мертвым грузом – бился об меня, тянул вниз. Я хотела было поднять его повыше, чтобы голова оказалась над водой, но не вышло. Мне и самой-то с трудом удавалось сделать вдох. Не выпуская Жука, я перевернулась на спину, лицом вверх. Попыталась и его перевернуть, но не смогла. Нас несло дальше по течению, мы уже миновали два изгиба. Я подумала: мы, наверное, так и поплывем, пока не окажемся в море, но тут по спине что-то проскребло и я резко остановилась. От толчка на секунду выпустила Жука, но тут же снова схватила.

Больше мы оба не двигались. Река неслась дальше, а мы застряли на каком-то каменном гребне, который выдавался от одного берега в воду. Жук лежал лицом вниз, придавив мне ноги. Я перекатила его на спину, схватила за подмышки, проволокла по гребню, вытащила из воды. Он был тяжеленный и совершенно безжизненный. Я встала с ним рядом на колени, глядя на него с недоверием. Глаза закрыты. Как мертвый.

Все это не так, все это совсем не так. Не должно оно так быть.

– Жучила, очнись! – проорала я. – Очнись! – Никакой реакции. – Очнись, говорю! Не можешь ты, блин, меня бросить! Не имеешь права!

От отчаяния я врезала ему кулаком по груди. Рот у него открылся, оттуда потекла вода.

Я подобралась поближе, нагнулась над ним и обеими руками нажала ему на живот. Снова полилась вода. Я нажала еще. И еще. И еще. Вдруг изо рта у него хлынул целый поток, будто кит пустил фонтан, и Жук издал какой-то совершенно невероятный звук – втянул в свое напитанное водой тело Бог знает сколько воздуха.

Когда он пустил этот фонтан, я от неожиданности отскочила в сторону; некоторое время сидела на корточках, глядя, как грудь его поднимается и опускается. Он открыл глаза, похоже, пытался сосредоточиться. Потом спросил:

– Ты чего ревешь? Чего случилось?

Я и не заметила, что реву, но тут утерла лицо рукой, и на ней остались горячие слезы и сопли.

– Да так, – ответила я. – От счастья.

Жук закрыл глаза, потом снова открыл:

– Не врубаюсь. Что происходит-то?

– Ты упал в воду. Я тебя вытащила.

– Ага! – сообразил он. – Вот почему я мокрый и мне холодно. А я ничего не помню. Мне-то казалось, что мы всё идем по полю, и вдруг – бац! – я лежу на спине, весь мокрый, а ты ревешь, вернее, радуешься. – Он попытался сесть, озираясь с таким видом, будто только что прилетел с другой планеты. – Ничего себе, а ты тоже вся мокрая, – сказал он, а потом лицо его постепенно растянулось в широкой улыбке. – А ты мне делала искусственное дыхание? Губы в губы?

– Нет. Заткнись.

– Делала ведь, да?

– Нет! Я тебе тыкала кулаками в живот, пока из тебя не полилась вода, но уже начинаю об этом жалеть, придурок.

Жук протянул руку и провел по моим стриженным волосам, улыбка его выцветала, потому что он постепенно соображал, что произошло.

– Ты меня спасла. Спасла мне жизнь. Ни фиги себе, Джем! Я теперь твой должник.

Я сбросила его руку.

– Забудь ты об этом. Любой поступил бы так же.

– Да вот только здесь больше-то никого не было, верно? Одна ты. Только ты и могла меня спасти. И спасла.

– Закружи тему, ладно? Подумаешь, велика важность. Между прочим, мы теперь на правильном берегу. Пошли назад, к шмоткам. Переодеемся. Я лично замерзла как собака.

Что верно, то верно. Меня всю трясло, Жука тоже.

Мы помогли друг другу подняться, добрались до берега и

пошлепали обратно. Жук шел первым, как и всегда, но то и дело останавливался, оборачивался, улыбался, тряс головой и только потом двигал дальше. А у меня мозги кипели, как паровозный котел. Выходит, числа все же не врут. Сегодня не его день. Но не будь тут меня, он бы наверняка утонул. Когда я его вытащила на берег, в нем жизнь-то едва теплилась. И Жук все понял правильно: я его спасла. Он жив благодаря мне.

Голова пошла кругом: а что, если ему было предназначено умереть сегодня, но я сумела это изменить? Все последние две недели я терзалась виной за этого старого бомжа. Я же не хотела ему зла, но факт остается фактом: получается, это мы выгнали его на дорогу. Но, кто знает, может, числа – обоюдоострый меч? Может, я не только могу толкать на гибель, может, я могу и спасти? И если я спасла Жука сегодня, может, спасу и пятнадцатого?

Пакеты наши всё лежали на прежнем месте. Жук взял ветку и выудил тот, который упал в реку, мы достали сухие шмотки и, повернувшись друг к другу спинами, переоделись. Я слишком замерзла – зуб на зуб не попадал, – чтобы проверять, подглядывает он там или нет, и слишком торопилась одеться в сухое, чтобы подглядывать самой. Я в спешке не взяла у Вэл никакого нижнего белья – честно говоря, мне страшно было подумать, что она там носит под одеждой, – так что мокрые трусики и лифчик снимать не стала, передела только джинсы и футболку. Нацепила сверху все, что нашлось сухого, поверх – куртку Вэл, мокрые тряпки мы запихали в один из пакетов и двинули дальше, замерзшие, ошалевшие, трясущиеся.

Отошли от реки, там снова потянулись холмы. Они простирались как волны, до самого горизонта. После приключения в реке на меня навалилась жуткая усталость. Ноги, казалось, налились свинцом, я их с трудом переставляла. Неудивительно, что и Жук тоже стал менее прыгучим.

Нашей целью оставалась рощица на вершине холма. Я уже начала думать, что она – что-то вроде миража в пустыне, который исчезает, когда подойдешь к нему ближе, но вот наконец Жук взобрался на очередной холм и крикнул: «Эй, дошли!» – и действительно дошли. Мы спустились вниз, в последний раз вскарабкались по склону и очутились в относительно безопасном древесном укрытии.

Я опустилась на землю у первого дерева и оглянулась на пройденный путь. Какая невероятная даль.

– Гляди-ка, сколько мы прошли! Тут любой устанет.

Я откинулась назад, на что именно, мне было плевать.

– Если нам все это видно, значит, и нас видно тоже. Пойдем дальше.

Я вообще не понимала, что творится с Жуком. Будто ему сделали прививку здравого смысла.

Я со стоном поднялась на ноги и потащилась за ним дальше в

чащу. Жук собрал все пакеты и нашел удобное место между четырех стволов. Если встать, поля было видно по-прежнему, но, если сидеть, всё скрывали кусты и подлесок. Нам удалось спрятаться.

Земля была жесткой и бугристой. Жук снял с плеч одеяло и расстелил. Комья и бугорки все равно чувствовались, но стало помягче.

Жук сел, прислонившись к стволу дерева, а я легла на спину и стала смотреть вверх, на деревья. Странное дело. Я знала, что стволы прямые, а казалось, что они смыкаются у меня над головой, там, в небе. Листья казались черными на ярком фоне, сплетались в какой-то сложный узор, в нем невозможно было разобраться. Прямо гипноз какой-то. Стоит задуматься, и в голове все смещается, начинает казаться, что ты где-то высоко и смотришь вниз, на далекие листья. Ветер шуршал в ветках, звук был нездешний, удивительный – то ли ветер, то ли вода, то ли шуршание шин; меня он успокаивал.

– Я вообще не понимаю, как нам это удалось, – сказала я через некоторое время.

– Что?

– Протопать такое расстояние.

Жук фыркнул:

– Да, если надо, человек обалдеть на что способен. Может, мы дойдем пешком до самого Вестона.

– А туда далеко?

– Без понятия. Наверное, прилично.

Я снова застонала, прикрыла глаза и сосредоточилась на шорохе, на одном шорохе...

Когда я проснулась, голова раскалывалась, а вкус во рту был отвратный – сушняк, губы все липкие. Я с трудом сообразила, где я, потом села, огляделась и все равно не могла врубиться, утро сейчас или вечер. На часах было пять минут пятого, похоже, ближе к вечеру, но запросто могло быть и следующее утро, фиг его знает. Жук похрапывал, повернувшись ко мне спиной, свернувшись, как младенец. Мне был виден его профиль. Во сне он казался совсем маленьким – тихим, совершенно невинным. На минутку я прикинула на себя ощущение, каково это быть мамой. Мне сделалось страшно –

нет, это не для меня. Не потяну я такой ответственности, а кроме того, как же я смогу заглянуть в глаза ребенку – своему собственному ребенку – и увидеть там, когда закончится только что начавшаяся жизнь? Некоторые люди не созданы для таких вещей. Я из них. Ну и ладно.

Я потерла глаза, потом лоб, но боль не проходила. Протянула руку, пошарила по пакетам – искала какое-нибудь питье. Кока-кола, конечно, вещь, но я бы не отказалась от чего-нибудь горячего, от хорошей чашки чаю или горячего шоколада. От чего-нибудь успокаивающего. Жук, видимо, услышал, как я шуршу пакетами, потянулся и обернулся ко мне:

– Который час?

– Начало пятого.

– Блин, мы весь день проспали. – Он медленно сел. – У меня все болит.

Я передала ему бутылку с кока-колой:

– Мы сегодня ничего не ели и не пили.

Жук присосался к бутылке.

– Угу, уже лучше. Погони не видать?

– Не знаю. Ничего не слышно, это уж точно.

– Сейчас поглядим. Только сперва давай пожуюем чего-нибудь.

Мы снова полезли в пакеты и перекусили чипсами, крекерами, печеньем и шоколадом.

Жук ел стоя. Он осмотрел нашу рожицу: дошел до одного конца, потом вернулся в середину еще за печеньем, потом до другого конца.

– Я ничего не вижу, – проговорил он с полным ртом. – По-хорошему, надо бы уйти подальше, но ведь скоро стемнеет. Наверное, стоит здесь переночевать, а завтра двинуть с утра пораньше.

Возражать я не стала. Я бы не отказалась вообще больше никогда никуда не ходить.

Итак, мы приняли решение остаться, и вдруг оказалось, что впереди у нас двенадцать часов, а занять их решительно нечем. Нам

почему-то было не присесть, не расслабиться, а о сне даже и речь не шла. Мы немножко побродили среди деревьев, посмотрели, какой там вид с разных сторон. Я долго стояла и смотрела на плывущие облака. Казалось, они движутся совсем медленно, но если некоторое время смотреть на облако, а потом ненадолго отвести глаза, оно окажется дальше, чем тебе казалось. Прямо как мы. Мы тоже шли через эти поля и двигались совсем медленно, будто две букашки, ползущих по телу планеты, а потом обернулись и увидели, что преодолели огромное расстояние.

– Я никогда не видела столько неба, – сказала я. – Просто обалдела, пока мы шли по полям, а над головой всё небо и небо.

– Как привыкнешь, тебе понравится. Тут столько воздуха – сколько ни вдыхай, все мало. – Жук широко раскинул руки. – Вот и на море так же. Огромный плоский пляж, море и небо. Тебе понравится, Джем. – Он повернулся ко мне лицом. – Найдем какой-нибудь пансион, будем каждое утро есть рыбу с жареной картошкой. А еще гулять по пирсу, писать всякие слова на песке, просто смеяться.

Он попытался влезть по стволу, но довольно быстро ноги у него начали скользить. Попробовал еще – то же самое. Небо постепенно гасло, из него по одному уходили цвета. Становилось все холоднее.

– Скоро стемнеет, – сказала я, передернувшись. – И что мы тогда будем делать?

– Да просто ляжем спать.

– Сейчас только половина пятого.

– Знаю, чел, а ты чего предлагаешь? Посмотреть телик?

Тут на меня навалилось понимание происходящего. Я подумала о холоде, о темноте. Не хотела я оставаться тут на ночь. И в машине-то было хреново, но там по крайней мере были четыре металлические стены и крыша.

– Не будем здесь ночевать, Жучила. Пойдем поищем что-нибудь другое.

– Поздновато уже будет. Ты чего-нибудь видишь? Искать придется не один час, идти-то надо будет в темноте. А у нас даже фонарика нет.

Мир вокруг превращался из цветного в черно-белый. Скоро останется одна чернота. Я понятия не имела, что происходит в сельской местности по ночам. Дикие звери? Охотники с ружьями? И выяснять у меня не было ни малейшего желания. Тут меня понесло:

– А почему это у нас нет фонарика? Почему? Это же вообще тупизм – припереться сюда без фонарика.

– Это я, по-твоему, без мозгов? А ты? На себя посмотри, Джем. Нас тут двое, и ни один не догадался захватить фонарик. Не я во всем виноват!

Мы стояли лицом к лицу и орали друг на друга. Слюна его брызгала мне на щеки, в глаза, но мне даже на это было плевать. Мне хотелось его убить за то, что он притащил меня сюда, довел до такого.

– Как это я должна на себя посмотреть? Тут даже зеркала нет, блин. Вообще, блин, ничего нет!

– Так, послушай: уж что есть, то есть. Завтра я попробую добыть машину, а сегодня мы здесь, и точка.

– А я не хочу здесь быть, до тебя это не доходит, придурок? Не хочу здесь быть. Мы вообще не знаем, что делаем! Вообще без понятия!

– Да блин же! Ты меня сейчас доведешь. – Он стоял почти вплотную и грозил мне длинным пальцем. – Хватит тут младенца разыгрывать. Ты уже взрослая, чел! Что на тебя нашло? В Лондоне ты была нормальной девчонкой. Знаешь, пошел-ка я отсюда, а то сейчас скажу или сделаю что-нибудь не то.

Он зашагал прочь, трясая головой и размахивая руками.

– Правильно, вали, козлина!

– Сама козлина! – рявкнул он, не оборачиваясь.

Понятное дело, идти ему было некуда. Мы застряли на этом крошечном островке. Мне его было видно – такой непоседливый персонаж из мультика на фоне чернильного неба. Хотелось крикнуть: «Только попробуй бросить меня тут одну!» – но я прикусила губу и попыталась успокоиться, распутать в голове накопившуюся злость и посмотреть на вещи здраво. Только как ни смотри – мы вляпались по самые уши. Я вернулась в наш лагерь, улеглась на прежнее место,

набросила куртку, закуталась в одеяло.

Закроешь глаза и сразу видишь тела и предметы: старый бомж летит по воздуху, обрывки голубой болоньи на земле, мама. Поэтому глаза я решила держать открытыми, таращилась на то, что было прямо перед ними – на причудливый узор из веток, сучков и листьев. Смотрела, как какая-то букашка карабкается по стеблю травы, раскачивается на кончике – крошечные листочки прогибаются под ее весом. При мысли о том, что ночью по мне начнут ползать всякие жуки и пауки, закололо кожу. Блин, как же мерзко в этом лесу.

Я услышала, как Жук ломится обратно через подлесок. Он хлопнулся на землю и полез рыться по мешкам. Похоже, выудил еще одно одеяло. Было слышно, как он копошится на одном месте, пытаюсь устроиться поуютнее; потом опять шорох пакетов и какой-то скребущий металлический звук.

Я сказала себе: «Не буду я с ним разговаривать, пусть делает что хочет, пошел он подальше», но теперь каждый мой нерв прислушивался к нему, пытаюсь понять, что он там затеял. Через некоторое время щелкнула зажигалка, во мраке вспыхнул огонек. Чуть слышный треск подожженной сигареты, потом долгий вдох и удовлетворенный выдох.

Я села, голос Жука произнес:

– Я так и думал, что ты не спишь. Хочешь затынуться?

Мерцающий кончик сигареты придвинулся ближе, Жук протянул ко мне руку. Я взяла, затынулась. Дым подействовал успокаивающе: было в нем что-то нормальное, привычное, уютное.

– Здорово, – сказала я, имея в виду не сигарету, хотя и она пришлась кстати: здорово было снова чувствовать его рядом. Я уже успела понять: мы сейчас не можем позволить себе скандалы.

Мы посидели, затягиваясь по очереди, почти не говоря, просто проживая миг за миг. Потом Жук спросил:

– Как ты думаешь, а бывают фермеры-негры?

– Не знаю, но, по-моему, вряд ли. А чего?

– Нравится мне тут. Нравится то, что у меня под ногами. И то, что видно вокруг на много миль.

Это он вывел из всего одного дня блуждания по полям?

– Брось, Жучила, ничего из этого не выйдет.

– А почему? Фермеру что, нужно высшее образование? Или аттестат? И ему обязательно быть белым?

– Ну не знаю, не знаю. Вот деньги-то ему точно нужны. Много денег.

– Да необязательно покупать свою ферму, можно и на чужой работать. По-моему, быть на побегушках у База или еще у кого – не слишком завидная работа. Не хочу я этого. Нужно придумать что-то другое. – Голос его в темноте зазвучал истово: – Вот я сбежал оттуда. Мы оба сбежали. И теперь я хочу начать новую жизнь, без возврата к старому.

Меня тронули эти слова. Он говорил от всего сердца.

– Макак, между прочим, был прав, – продолжал Жук.

– Да ладно чушь пороть.

– А вот и был. Для таких, как я и ты, будущее прописано с самого рождения. Очереди за пособием, место за кассой или на стройке, жизнь на улице. То есть никакого будущего. А я так не хочу.

– Решил вернуться в школу, получить аттестат? – спросила я, совершенно в это не веря.

– Нет, с этим я, пожалуй, опоздал. И все же я хочу что-нибудь сделать. Стать другим. А не обыкновенным среднестатистическим молодым негром.

Пока он говорил, внутри у меня все сжималось в комок, а теперь комок дернулся и скрутил меня физической болью. Когда он начинал говорить про будущее, мне делалось непереносимо. Как я могу сидеть и слушать его, мальчишку, которому осталось жить всего неделю? В том, что он говорил, был смысл, была надежда. Только он опоздал. Если числа не врут. Если...

Я поняла, что еще немного – и проговорюсь. Мне хотелось рассказать ему все. Вот поделюсь, и, может, вместе мы придумаем, как это можно изменить. Только ведь нельзя, совсем нельзя. Я никому не должна открывать их числа, кроме подонков вроде Макака. Да у него, скорее всего, не хватит мозгов сообразить, о чем там речь. Я с трудом сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Сменить тему, заполнить пустоту словами.

– А как так вышло, что ты живешь с бабулей? Ничего, что я спрашиваю?

– Да чего там, чел. Какие тайны? Мама свалила с каким-то типом, когда я был еще совсем мелким. Я ее и не помню. И вряд ли много потерял: бабуля-то всегда была рядом.

– Бабуля у тебя просто супер.

– А то. Старая ведьма.

– Слушай, может, стоит ей позвонить? Сказать, что у тебя все в порядке?

– Не, звонить опасно. Ты же знаешь, звонок могут отследить. С бабулей ничего не будет. Честное слово.

Перед глазами мелькнула картинка: Вэл стоит у обочины и смотрит нам вслед. Неужели это было только вчера?

– Я слышал, как ты рассказывала бабуле про свою маму, – тихо сказал Жук. – Я тебе сочувствую и все такое.

– Ты-то тут ни при чем.

– Знаю, но...

– Пожалуй, без нее даже и лучше. Она была... непростая.

Я осеклась. Это было враньем, и я прекрасно это знала. Как бы там мы с ней ни жили, лучше уж так, лучше иметь какой-никакой дом, чем мотаться с места на место, как я моталась после ее смерти. Ничейный ребенок.

Так мы и говорили, час за часом. В безбрежном пространстве голоса звучали совсем слабо, но пока мы не молчали, неведомые призраки и чудища, затаившиеся в темноте, в бесконечности, протянувшейся во все стороны, не решались приблизиться. Постепенно паузы становились все длиннее – мы по очереди уплывали в сон.

Видимо, я уже совсем задремала, когда меня разбудил жуткий вопль. Я открыла глаза, да только от этого мало что изменилось: непроглядная тьма, хоть открой, хоть закрой.

– Слышал? – прошептала я.

– Тут и покойник бы услышал. – Вопль прозвучал еще раз,

надрывный, пронзительный крик, разорвавший ночь, такой громкий, что, казалось, он доносится сразу со всех сторон, сверху, даже изнутри. Сон пропал, я боялась пошевелиться. Жук придвинулся ближе, я слышала, как он перекачивается по сухим веткам и листьям; запах его тоже приблизился.

– Что это такое, по-твоему? – спросил он очень тихо возле самого моего уха.

– Не знаю.

– Ты веришь в ведьм?

– Заткнись!

Ну да, я верю в ведьм. А еще в призраков, в оборотней и всю прочую ночную нечисть.

Новый леденящий кровь вопль, за ним на сей раз последовало громкое уханье.

– Да это сова, Джем. Я ее раньше живьем не слышал. Вот ведь расшумелась, а? Нет там какого-нибудь каменюки?

Он сел, пошарил вокруг, потом встал, метнул что-то в крону соседнего дерева. Я слышала, как посыпались сучки и листья. Через несколько секунд вопли зазвучали снова, но постепенно начали стихать. Сова, видимо, решила поискать себе убежище поспокойнее.

– Ну прям настоящий сельский житель. Кидает камни в сову.

– Это верно, сельские жители всегда кого-нибудь стреляют или натравливают собак, а те потом рвут на клочки. Это как раз по мне.

Сова продолжала протестовать, но теперь где-то далеко. Голос ее точно усиливал наше одиночество, безграничность окружавшей нас пустоты. Мы прислушивались, и тут я почувствовала, что замерзаю. Одну ночь мы тут как-нибудь перекантуемся, а завтра придется искать что-нибудь другое.

Сна у меня теперь не было ни в одном глазу. Оставалось лежать, вслушиваться и по мере сил поменьше думать.

Я решила, что Жук уснул, но через некоторое время вдруг почувствовала, как рука его пробирается под мое одеяло, ищет мою руку. И потом мы лежали так, рука в руке, и ждали, пока в небе затеплится утренний свет. Ни он, ни я не спали, когда в тяжелом

ночном воздухе раздался еще один звук – гул вертолета.

– Слышал? – спросила я. Идиотский вопрос.

– Угу.

– Думаешь, это просто вертолет?

Он прекрасно понял, что я имею в виду. Просто вертолет, который летит и везет кого-то из точки А в точку Б.

– Не знаю.

Жук отодвинулся, пополз куда-то сквозь подлесок. Было еще темно, но, оглянувшись туда, откуда вчера пришли, мы увидели в небе первую просинь. Именно оттуда и доносился гул.

– Он завис на одном месте, Джем. Светит вниз прожектором. И еще там другие огни. – Я слышала, как он на ощупь пробирается обратно, и вот он оказался рядом и принялся складывать одеяло. – Пошли, Джем. Нужно двигать отсюда. Похоже, нас настигли.

– Жук, темно же еще. А у нас нет фонарика, помнишь?

– Придется идти так. Да по темноте оно и лучше.

– Да, но...

Я хотела напомнить ему про лужи, про изгороди, колючую проволоку, но тут послышался другой звук. Собачий лай. Он тоже доносился сзади. Прожекторы, вертолеты, собаки. У меня скрутило желудок. Настоящая травля. Я заткнулась и начала собирать вещи.

Мы на ощупь вылезли из рощицы и побрели вниз по склону холма. Нogu приходилось ставить наугад, а земля была такой неровной, что мы оба то и дело спотыкались и поскользывались. Я попала правой ногой в какую-то яму, взмахнула руками, пытаясь поймать равновесие. Что-то попало под правую руку, я уцепилась, но опора подалась, одновременно что-то впилося мне в ладонь, и я, не удержавшись, полетела лицом вперед. Расцарапав щеки, рухнула на землю и выдала полный набор подходящих слов.

– Ты где? – долетел из темноты голос Жука.

– Здесь! Откуда мне, блин, знать, где я?

– Не двигайся. Я иду.

Он начал пробираться ко мне. Сначала на темном фоне замаячила какая-то черная масса. Когда он подошел ближе, я увидела, что лицо его пошло морщинами от тревоги:

– Господи, Джем, ты вляпалась прямо в колючую проволоку. Давай. – Он протянул руки и помог мне подняться.

Я вскрикнула и снова выругалась, когда он сжал мою расцарапанную правую ладонь.

– У тебя есть платок или чего в таком роде? – спросил он.

Я пошарила в кармане и нашла мятую салфетку. Жук взял ее и аккуратно обтер мне лицо. Боль была жуткая. Ладонь тоже горела огнем. Жук порылся в пакете, вытащил одну из своих футболок, оторвал от нее лоскут. Обвязал мне руку, затянул узлом. Он снова взял руководство на себя и старался как мог, и тем не менее меня покидало последнее мужество.

– Нам конец, да, Жучила?

– Это ты о чем?

– Нас сейчас поймают. Теперь уж и подавно. Собаки учуют мою кровь, верно?

– Этого я не знаю. Мне казалось, кровь чуют только акулы. И вообще, у нас отрыв, да еще мы на другом берегу реки. Давай пошли дальше, найдем укрытие. Лучше какую-нибудь постройку, чтобы нас не заметили с вертолета. У них же там специальные камеры, да? Вычисляют человека по его теплу. Только вряд ли они видят сквозь стены. Так, – он поднял мои пакеты, – дальше я сам понесу. Сможешь пройти еще немного?

– Вроде да.

Жук двинул дальше, я теперь пыталась держаться с ним рядом. Свет прибывал по капле, потому что небо заволокли тучи. Я оглянулась, но вершина холма по-прежнему заслоняла вид. Хотя толку оглядываться? Чтобы увидеть преследователей? Я в очередной раз нагнала Жука, и мы побрели дальше через поле.

Вчера я тоже чувствовала, что мы на виду, а сегодня чувство это стало в десять раз сильнее. Если вертолет прилетит до того, как мы отыщем какое-нибудь укрытие, тут-то все и закончится. Кожу на

загравке покалывало, я все ждала услышать рокот вертолетных лопастей, все ближе и ближе. Мы, не присаживаясь, прошагали все утро, обливаясь потом в теплых одежках, хотя дул пронизывающий ветер, не обменявшись ни словом – сказать нам было нечего. Нам попалась парочка ферм, но все постройки там стояли в одной куче: дом, сарай, амбары. Обыскать их займет пару минут. Нужно найти что-нибудь понадежнее.

Только через несколько часов нам попался какой-то коровник. Он стоял на краю поля и был построен из металла: высокие опоры, гремучая металлическая крыша, а стен вообще нет. Но он стоял сам по себе, рядом с еще одной рощицей, и поблизости не было никакого жилья. Собственно, вместо стен высились груды сена, такие лохматые желтые кирпичи, только стен было не четыре, а две. Когда мы подошли ближе, увидели кое-что еще: покосившийся металлический забор, а за ним – коров. Те, увидев нас, задрали головы, зафыркали, стали принюхиваться. Я в жизни не подходила близко к корове и вообще видела их только по телику. Так вот, они оказались здоровенными.

– Ни за что, – сказала я Жуку. – Не сюда. Не к этим зверюгам.

– Они же за забором, – сказал он без особой уверенности. Я видела – он боится их не меньше моего.

– Ты сам посмотри, он держится на одной веревке.

Коровы продолжали таращиться, как будто ждали от нас чего-то. А потом ни с того ни с сего одна вдруг взбрыкнула, пнула соседку – по всему стаду будто волна побежала, коровы разбрелись, снова собрались в кучу.

С меня этого хватило.

– Мы здесь не останемся. Нас затопчут.

– Да разве у нас есть выбор, Джем? Тут, по крайней мере, есть где спрятаться. Ну смотри, если они вылезут из-за забора, мы вскарабкаемся на сено. Коровы же не умеют лазать.

– Без понятия.

Мы уселись на сено и стали смотреть на коров. Парочка все еще таранилась на нас, остальные принялись снова жевать сено. Одна, не переставая жевать, задрала хвост, из-под него вылетела струя коричневатой жижи. В жизни не видела ничего противнее. Я

инстинктивно зажала рот ладонью – пустой желудок выворачивался наизнанку. Я отвернулась, а Жук разинул рот и в ужасе таращился на корову, будто зачарованный.

– По-моему, у нее понос, – заключил он, не отводя взгляда. – Или ее сдуру накормили карри. Когда я последний раз ел карри, блин...

– Заткнись! – успела выдать я, и меня опять стало выворачивать. Я согнулась пополам, выбралась из коровника, встала в сторонке и, упершись руками в колени, попыталась успокоить желудок и вдохнуть свежего воздуха. Через некоторое время рядом раздались шаги Жука:

– Ты там в порядке?

– Нет.

Я почувствовала, как он положил ладонь мне на спину. Она чуть полежала, потом задвигалась вверх-вниз – он меня успокаивал. Я сосредоточилась на его прикосновении, и спазмы понемногу утихли. Но, несмотря на это, распрямилась я не сразу: мне не хотелось сбрасывать его руку. Я не большая охотница до чужих прикосновений, но от его руки шли тепло и покой. Когда я выпрямилась, оказалось, что Жук стоит рядом, не глядя на меня, взгляд его устремлен куда-то вдаль. Он уронил руку с моей спины. В поле свистел ветер, слегка завывая.

– Лучше? – спросил он, не поворачиваясь.

– Нет, то есть да. – Я хотела сказать ему «спасибо» за то, что он мне помог, успокоил и утешил, но это ведь было бы слюнтяйством. Вместо этого я посмотрела туда же, куда и он, – в ту сторону, откуда мы пришли. – Как ты думаешь, сколько у нас времени? Когда они нас нагонят?

– Не знаю. Вертолета больше не слышать.

Мы постояли еще немного, пытаюсь расслышать низкий раскатистый гул. Может, просто ветер разгулялся и погасил далекие звуки, но, похоже, гул затих. Меня затрясло, Жук обнял меня рукой за плечи.

– Пошли. Поищем, куда спрятаться. Полезли подальше, прямо в сено.

Перед Жуком опять стояла конкретная задача, и он рьяно взялся за ее исполнение. Энергия, блин, так и брызжет. Он раскидывал тюки сена, складывал в кучи, выкрикивал мне указания. Похоже, он сооружал какой-то туннель: то исчезал, уползал куда-то на четвереньках, то снова появлялся, волоча очередной тюк. Наконец вылез окончательно – на физиономии широкая дурацкая ухмылка.

– Давай залезай. – Я, видимо, скорчила рожу, потому что он добавил: – Да порядок. Лезь, а то я сам тебя затащу.

Я встала на четвереньки, пригляделась и полезла внутрь. Ставить больную руку на землю было больно, так что на правой я опиралась только на кончики пальцев, так понемногу и продвигалась. Внутри было темно, но не то чтобы полная темнота, да и сам туннель оказался не особо длинным. Пять-шесть метров – и я уже в комнатухе, а точнее говоря, в пещерке. Места было – только нам с Жуком усесться бок о бок. Видеть я его толком не видела, а носом чувала. Он ведь потрудился, перетаскивая тюки, до того отшагал много часов, а кроме того, уже хрен знает сколько не мылся – если не считать падения в грязную речку, – словом, его обычная вонь превратилась в настоящую вонищу.

– Ну, как тебе? Класс, да? Осталось только заложить еще одним тюком вход, и порядок. Хочешь, я прямо сейчас заложу – увидишь, как это просто?

От мысли, что мы окажемся с ним заперты в тесном пространстве, мне снова поплохело, и я опять полезла в туннель.

– Пока не стоит. Потом заложим, если понадобится.

Я выбралась на воздух. Глубоко вдохнула. Даже коровье дерьмо пахло не так ужасно, как Жук.

Он тоже вылез из туннеля – прямо какой-то двухголовый пес. Не хотела я его обижать, но рука совсем разболелась, к этому добавились испуг и усталость. Я и выпалила то, что крутилось в голове, выпалила, не подумав:

– Жук, если нас тут найдут, это конец, да?

Выражение его лица тут же переменялось, будто внутри погасили свет. Мне стало стыдно своих слов.

– Да, Джем. Если нас найдут, мы окажемся в западне. Как крысы в бочке. – Он поднялся на ноги, подошел, уселся на сено. Нагнулся

вперед, уперся локтями в ноги, свесил голову. Говорил тихо, напряженно: – Я так просто не сдамся, Джем. Я буду драться, Джем. Буду драться.

Я знала: у него при себе нож. Из его слов поняла – он пустит его в ход.

Кровь запульсировала в жилах.

– Оно того не стоит, Жучила. Если нас поймают, будем сдаваться. Что у них, в конце концов, против нас есть? По колесу обозрения мы чистенькие. Тут на нас ничего не повесишь. Да, ты свистнул чужие деньги, но вряд ли об этом заявили в полицию. Ну угнали пару тачек. Подумаешь. А вот если ты полезешь в драку и кого-нибудь поранишь – дело другое. Тут-то тебя и упекут.

– Джем, как бы оно там ни вышло, меня все равно посадят. Тебе, может, все и сойдет с рук, ты же машин не угоняла. Ну была эта история с ножиком, но ты же белая девчонка, Карен и социалка на твоей стороне, на учете не состоишь, к тебе вязаться не станут. А на меня только глянут – и готово дело: типичный несовершеннолетний правонарушитель, тяну по всем статьям. И думать не станут, сразу упекут на несколько месяцев или там на год. Против системы не попрешь. – Он провел пятерней по волосам. – А я не могу, Джем. Не хочу за решетку. Не хочу стать очередным парнем, сломанным этой гребаной системой. – Он жахнул кулаком по соломе. Я уже один раз видела, как его сносит с катушек, если он себя накрутит, но тут посмотрела ему в лицо и увидела: он сморщился, того и гляди заплачет. Злитесь – да, но, кроме того, ему очень страшно. – Не пойдет, Джем. Лучше драться и умереть.

– Не говори такого, дружище. Никогда не говори.

А сама я все время думала: «Неужели так оно и случится?» Положила руку ему на спину, поводила вверх-вниз, как он раньше. Какой тощий, сквозь одежду прощупываются все косточки на узловатой спине.

Жук шмыгнул носом, утерся рукавом. Потом выпрямился и посмотрел мне в лицо:

– Сегодня, да, Джем?

Я тупо уставилась на него, делая вид, что не врубаюсь.

– Что?

– Сегодня все должно для меня кончиться? Ты ведь знаешь, да? Нас поймают? Всадят в меня пулю, как в того чувака в подземке?

В глазах защипало от слез.

– Не спрашивай, Жук. Ты же знаешь – я не могу сказать.

– Господи, – прошептал он.

Приложил обе ладони к губам, будто молился. Дыхание отяжелело, взгляд прыгал туда-сюда, в глазах откровенная паника. Невыносимо было на это смотреть. Я не могла так это оставить и нарушила обычное правило.

– Не сегодня, – сказала я тихо. – Жук, ты меня слышишь? Не сегодня.

Он уронил руки, глянул на меня. Глаза были красными.

– Спасибо, – сказал он, потом кивнул. – Я не должен был спрашивать и больше не стану. Честное слово.

Он сказал это как маленький мальчик, серьезно, торжественно.

Мне хотелось обнять его и сказать, что все будет хорошо. Тут я вдруг подумала про Вэл, про ту, что вот так же утешала его, когда он был маленьким, и слова, которые она сказала мне – неужели всего два дня назад? – колоколом зазвенели в голове: «Ты уж последи за ним, Джем». Слишком глубоко я во всем этом увязла, мне такого не потянуть.

Мы доели то, что у нас оставалось, примостившись на тюках сена. Я повернулась спиной к коровам, чтобы они не портили мне аппетит. Поделили последний пакет чипсов, съели по шоколадке, допили кока-колу. Ели медленно, пытаюсь сделать вид, что это не перекус, а настоящий обед. Проглотили последнюю крошку, и тут поняли. Всё. Еда кончилась. Выбора у нас больше нет. Завтра придется действовать. Это единственный путь.

Поели, и заняться опять стало нечем. Немного поболтали, но темы как-то иссякли. Мы понимали, что дело дрянь, и на нас это давило. Через некоторое время заползли в пещеру, которую соорудил Жук, расстелили одеяла и свернулись калачиком чуть поодаль друг от друга.

Стемнело, совсем стемнело, хотя времени было, наверное, около пяти. Мы лежали, иногда переговаривались, прислушивались к

коровам. Если отогнать мысль о том, какие они здоровенные и отвратительные, слушать их становится довольно приятно: как они выдувают воздух сквозь большущие волосатые ноздри, ворочаются, непрерывно жуют. Каждый раз, как одна из них пукала, Жук прыскал от смеха. Некоторым только палец покажи.

Не знаю, сколько мы там провалялись. Я никак не могла устроиться поудобнее. Тюки были совсем жесткие, сухие травинки кололись даже сквозь одеяло. Кожа, покрытая двухдневным слоем грязи, страшно чесалась, голова тоже. Я была вся липкая, просто кошмар.

– Сейчас бы в ванну или хотя бы в душ, – сказала я, ерзая, пытаюсь почесать спину о землю.

– А мне оно фиолетово, – высказался Жук.

– Понятное дело, – ответила я.

– В каком смысле?

– От тебя воняет, Жучила. Не обижайся, только так и есть. И от меня теперь тоже воняет, только мне это не нравится.

Пока мы вели этот разговор, снаружи набирал силу какой-то звук. Теперь, в наступившем молчании, я услышала, как что-то барабанит по жестяной крыше. Пошел дождь. Звук был оглушительный, вода грохотала по металлу. Я снова пролезла по туннелю, уселась на тюк, стянула через голову футболку, расстегнула джинсы.

– Ты чего? – Жук тоже вылез наружу.

Кроссовки застряли в джинсах; я принялась дергать за шнурки.

– Я хочу помыться. Пошли, пошли наружу.

Я осталась только в трусиках и в лифчике. Босиком.

Выскочила на улицу. Дождь так и хлестал. Капли ударялись о землю, на ноги летела мокрая земля и всякая дрянь. И плевать. Было так здорово. Ледяные уколы свежести на открытой коже. Я задрала лицо к небу, потерла руками щеки, потом ежик на голове. Зуд прекратился. Я втирала дождь в кожу, в каждый ее сантиметр, потом встала, подняв лицо, открыв рот, ловя языком капли.

Оглянулась на коровник. Различила в темноте силуэт Жука. Он

привалился к металлической подпорке; улыбался, тряс головой.

– Ты окончательно спятила, чел! – проорал он. – Однозначно спятила!

– Не-а! – заорала я в ответ. – Тут здорово! Давай ко мне!

– Ну нет. Только не я. Мне вчерашнего купания хватило.

Я побежала к нему смеясь, поскользнулась в грязи, чуть не упала. Он отшатнулся, но я схватила его за рукав, потом за обе руки, вытащила под дождь. Он понял, что так и так промокнет, перестал сопротивляться, сбросил одежды, покидал их под крышу.

– Какого фига нам это нужно? Дурь какая-то!

Я снова выскочила наружу, закружилась, раскинув руки, растворилась в толще тьмы и дождя. Жук, в одних трусах, опасливо подобрался ко мне, согнувшись пополам, втянув живот, пытаюсь собственным телом защитить себя от холода. Какой же он тощий! Все мышцы видны, не потому, что они такие уж прокачанные, а потому, что их не скрывает никакой жир. Он стоял, заслоняясь руками. В глаза мне не смотрел. Мне было уже не до стеснения – восторг не оставил для него места, – Жук же прямо остоленел от стыда.

– Холодрыга, блин! – пискнул он.

Я расхохоталась:

– Освежает!

– Как иголки колются!

– А ты разотри кожу. Вотри в нее воду, и будет хорошо.

Он неловко потер предплечье, потом плечо.

– А и верно, ты права.

Он вошел во вкус, ерошил пятерней волосы, задирает голову, как и я, прикрывал глаза. Что-то радостно проорал, а я смотрела, как он вытирает лицо, плечи, грудь – и тут до меня вдруг доперло: он красив.

От этого озарения у меня будто огонь вспыхнул в теле. Можно подумать, я увидела его впервые, увидела не только то, что видят все: дерганого, невоспитанного, агрессивного, нескладного подростка.

Я поняла, что и он смотрит на меня.

– Чего? – спросил он.

– Ничего.

– Замерзла?

– Да не, порядок.

– Двигайся, а то окоченеешь! – Он внезапно сорвался с места, заскакал как ненормальный, издавая громкие вопли. Я не отставала – пританцовывала, подпрыгивала, смеялась до полного изнеможения. Он схватил меня за руку, закрутил, потом притянул к себе, обнял за талию, и мы пустились в вальс, как два полных идиота. А дождь лил не переставая. Все это было безумием, настоящим безумием.

– Кто-то там наверху тебя любит! – проорал он мне в ухо.

– Ты это о чем?

– Ну, ты захотела душ – и тебе его сразу устроили. Что, нет?

– Это просто дождь. Никого там нет наверху.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, последние пятнадцать лет никто оттуда обо мне не заботился, с чего бы теперь?

Мы остановились, но руки с моей талии он не убрал.

– А я всегда буду о тебе заботиться, – сказал он.

Эти слова пронзили меня до самого нутра. Желудок скрутило. Защищало глаза. Для этого пацана не существует никакого «всегда». Я отвернулась, чтобы он не заметил моих слез.

– Я не вру, Джем.

– Я знаю, – ответила я, и голос сорвался.

Он поднял руку, взял меня за подбородок, мягко повернул, чтобы снова оказаться лицом к лицу. Ростом мы, мягко говоря, не совпадали, глаза мои оказались на уровне его груди. Он приподнял мое лицо, нагнулся ближе.

Я едва успела подумать: «Этого не может быть» – и тут же почувствовала, как его губы мягко коснулись моих. Я закрыла глаза. Он слегка шевельнул губами, ткнулся носом в мой нос. Я почувствовала, что он отстраняется, открыла глаза. Лицо его было совсем близко, даже искажено этой близостью, но число стояло там

же, на своем месте. Когда он отодвинулся, лицо снова обрело знакомые черты, черты Жука, которого я так хорошо знала. Он нахмурился, выпустил меня, поднял обе руки.

– Прости, – сказал он. – Прости меня.

– Ничего, – сказала я быстро. – Ничего страшного.

Подняла руку, положила ему на затылок, притянула к себе, и мы поцеловались снова. Растворились друг в друге, в нежности, в чертах лица, которые, как нам раньше казалось, мы так хорошо знали. Стоя под дождем, в темноте, в каком-то совсем ином измерении.

Я откинулась на одеяло, инстинктивно прикрыла грудь руками. Он пытался туда добраться – потрогать, поцеловать. Я знала, что руками вроде как отталкиваю его, на самом деле я не хотела его отталкивать, но было себя не пересилить. Если мы сейчас это сделаем, твердила я себе, придется ему довериться, пустить его к себе в душу. Я заставила себя убрать руки, поднять их над головой, ладони легли на сено. Это был совершенно сознательный жест – я полностью раскрывалась перед ним. Он тут же накинудся на меня: целовал, покусывал, сосал. Замечательные ощущения. И ошеломительные. Слишком новые, слишком странные. Я чувствовала, как здравый смысл отступает в сторону. Я превратилась в стороннего наблюдателя, и абсурдность происходившего: мы вдвоем, голые, в вонючем коровнике, незнакомые ощущения на коже и внутри, общее напряжение – все это вылилось в приступ истерического смеха.

Жук оторвался от своего занятия и посмотрел на меня. Его лицо было абсолютно серьезным. Я еще не видела его таким серьезным.

– Ты смеешься.

– Нет.

Но мне никак было не унять нервного хихиканья.

– Я что-то сделал не так?

– Нет, что ты. Просто... я... пока не привыкла. Прости.

Смех затих, и я поняла, как сильно его обидела.

– Всё в порядке, – сказала я. – Понимаешь, я никогда раньше этого не делала. Вот и психую. Ничего страшного. Иди сюда.

Я уже готова была разрыдаться – все чувства взяли и вылезли на поверхность. Притянула его к себе, нежно поцеловала, заставляя губами вернуть мне поцелуй. Когда мы целовались, становилось лучше. Мягкая влажность губ как бы распускала внутреннее напряжение. Она вернула меня в мое тело. Я опять была рядом с Жуком.

Он ласкал меня, гладил, из кончиков пальцев так и била нервная

энергия. Потом покопошился в темноте, и мы это сделали. По-настоящему – на колючем одеяле, среди сенной трухи и запаха навоза. Тюки сена, наверное, немного покачались, а земля не стронулась с места. Вышло все неловко, механически, да и длилось-то всего какую-нибудь минуту: было бы из-за чего переживать. Но после этого мы стали другими. И изменил нас не секс, а новая близость, интимность. Мы как могли укрылись двумя одеялами и старой зеленой курткой, прижались друг к другу. Дождь смыл кисловатый запах Жука, осталась лишь легкая, уютная терпкость. Я устроилась с ним рядом, положив ему голову на грудь.

– А ты раньше уже пробовал? – спросила я.

– А то. Миллион раз. – Ложь была слишком откровенной. – Ну, вернее, однажды. – Я ждала. – В общем, было один раз. С тобой.

Я улыбнулась, прижалась теснее.

И даже после всего этого энергия из него так и была, он не мог успокоить руки. Одной ерошил мои стриженные волосы, другой гладил мне плечо, живот, бок. Передвинулся так, что теперь мы лежали лицом к лицу, нежно водил пальцем по моей скуле.

– Вот интересно, а стриженная ты больше похожа на девочку. Лицо можно рассмотреть. – Он поцеловал меня в лоб, в нос, в подбородок – опускаясь сверху вниз. – И оно такое красивое.

Меня еще никто никогда не называл красивой. И я уверена – никто никогда так не думал.

– Я же просила не говорить про меня ничего хорошего.

– Ну конечно, и я тебе пообещал. Только это не считается.

– С какого перепуга? Обещание есть обещание.

– Да, только то было до того, как я в тебя влюбился.

Это было слишком. Слишком неожиданно. Я отреагировала как всегда. Сказала то, что всегда говорила:

– Да иди ты!

– Ладно, проехали.

Обида его была столь сильна, что ощущалась почти физически, будто черная луна нависла над нашим ложем.

Господи, что же я наделала?

– Прости, прости. Я просто не знала, что ответить.

– Да ладно, Джем.

Но руки он отнял, а сам отодвинулся.

– Ничего не ладно. Я просто дура.

Если бы я сказала в ответ, прямо тогда, если бы сказала, что люблю его. Если бы... если бы... если бы.

Без его тепла под одеялом сразу сделалось зябко, холод, до того таившийся в руках и ногах, расползся по всему телу, и меня затрясло. Я села и принялась нащаривать одежду, снова ругаясь по поводу отсутствия фонарика. Напаялила все, что отыскала – ни лифчика, ни трусов, всего один носок, да и тот, кажется, был Жучилин, свитер, свои джинсы. Остальное подождет, пока не станет светлее. Примерно в метре от меня Жук проделывал то же самое. Похоже, что-то сломалось в наших отношениях. Я все убила своим длинным языком.

Я свернулась калачиком, но даже в одежде мгновенно окоченела. Впрочем, если подумать – потанцуйте-ка голышом под дождичком в середине декабря, а потом покатайтесь в коровнике по соломе с голым задом, – тут любой замерзнет, верно? Да еще и в животе было пусто. Я слышала, как Жук возится примерно в метре от меня, пытаюсь устроиться поудобнее. Он вздохнул. Может, просто выдохнул, но я услышала в этом вздохе растерянность, гнев и печаль. Мне захотелось протянуть к нему руку, но стало страшно, что он ее оттолкнет.

Мы лежали в молчании. Даже коровы попритихли. Улеглись в сено и в собственное дерьмо, чуть слышно жевали и дышали. Холод не давал заснуть, да и не удалось бы, пока между нами стоит эта стена молчания. Я не могла без него.

– Ты не спишь? – прошептала я. Голос почти полностью затерялся во тьме огромного сарая.

– Не.

– Жутко холодно.

– Знаю. Мне тоже. – Пауза. Очень длинная пауза. – Давай иди сюда.

Я придвинулась ближе, он повернулся. Закинул длинную руку мне за плечо, я прижалась к нему.

– Прости, – сказала я. – За те слова.

– Да ладно, Джем, забей. Забыли.

– Да, но... я этого не имела в виду. Не хотела тебя обижать.

– Знаю. Порядок. Все хорошо. Милые бранятся – только тешатся. Так ведь?

Он поцеловал меня в кончик носа, нашел губами мои губы, и вдруг все опять сделалось хорошо.

Мы вдыхали дыхание друг друга, я запустила руки в его кучерявые волосы и подумала: «Милые. Да, мы теперь – милые». Мы всплыли, чтобы отдышаться, лежали, тесно прижавшись. Руки у меня так и не согрелись, он взял их и засунул себе под одежду, прямо к коже на груди и на животе, поделился своим теплом.

– Правда, было бы здорово, если бы можно было начать все сначала? – спросила я. – А то мне кажется, что жизнь еще и не начиналась, а уже пошла черт знает как.

– Кому ты рассказываешь? – Он снова повернулся ко мне лицом, я передвинула руки, обхватила его. – Только мы ведь и начинаем сначала, Джем. Потому что если бы я не встретил тебя, что бы меня ждало? Травка и колеса, косячки и игла. Тюрьма. Больница. Так вот все бы и было, но ты меня от этого спасла. И теперь все будет по-другому.

Я впилась ногтями ему в спину, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Ай! Ты чего? Решила пометить меня своим клеймом?

– Нет, просто держу покрепче.

Он тоже прижал меня покрепче, и мы сделали это снова, только на сей раз это была не игра, а настоящая любовь, нежная и неспешная. И я не просто лежала, я принимала участие: двигалась, целовала, поглаживала, постанывала. Как будто это была не я, хотя – неправда. Это как раз была я, настоящая я, а Жук был единственным человеком, который сумел отыскать, увидеть меня настоящую. И я тоже его увидела. Увидела в нем красоту.

Потом я лежала на сгибе его локтя, опустив ладонь ему на грудь, и он был абсолютно неподвижен – не подпрыгивал, не дергался. Нам было тепло и спокойно вместе, и я заснула, чувствуя на лице его теплое дыхание, а рядом биение его сердца.

Просыпалась я медленно, досматривая сон, с трудом разбираясь, где явь, а где нет. Я слышала теплые утробные звуки – это переговаривались между собой коровы. В ноздри бил запах земли и навоза – запах овощей и животных. Я, как всегда, лежала на боку, свернувшись калачиком, но спине было тепло, сверху на мне лежало что-то тяжелое, я чувствовала, что заключена внутри чего-то. Я открыла глаза и увидела сплошное сено. Посмотрела ниже – Жучилина рука обнимала меня за талию. Он тоже лежал на боку, повторяя своим телом изгибы моего.

Светало. Коровы поднимались на ноги, разбрасывали сено, видимо, это меня и разбудило. Я положила ладонь на Жучилину руку и прижала ее покрепче. Это движение его и разбудило, он ткнулся носом мне в затылок, поцеловал.

– Пора вставать, уже утро, – прошептала я.

Жук застонал.

– Ладно, – сказал он. – Еще пять минуток – и подъем.

И мы еще немного полежали рядом. Я уже совсем проснулась, в голове закрутились события прошлой ночи. Неужели это было наяву? Неужели я стала другой? Жук снова уснул, я поняла это по тому, как отяжелела его рука, каким ровным и глубоким стало его дыхание.

Я начала волноваться – вдруг нас здесь застукают. Ведь придет же кто-нибудь заняться коровами. Разве их оставляют без присмотра на несколько дней? Я перевернулась под рукой Жука, потерла ему грудь, чтобы он проснулся.

– Давай, пора двигать.

Он лениво приоткрыл глаз:

– Чё спешить-та?

– Пора сматывать. Уже светает.

Я вывернулась из-под его руки, села. Спали мы не в нашей пещерке, а просто на тюках. Одежда была разбросана повсюду, носки втоптаны в грязь. Да уж, это точно явь.

Я собрала свои шмотки, оттерла, как могла, от грязищи, потом разделась, чтобы одеться как следует. В холодном свете дня я опять стала стесняться – быстро натянула футболку, а уже потом стала под ней напяливать лифчик.

– Ты это зачем? – осведомился сонный голос. – Я теперь все видел. Незачем прятаться.

– Знаю, – ответила я. – Просто очень холодно. Ладно, вставай. Вот... – Я скомкала его носок, в котором спала, и швырнула ему.

– Да, да.

Мы оделись, и больше делать было нечего, только двигать дальше. Никакого завтрака, даже попить нечего. Коровы выстроились вдоль загородки и разглядывали нас с любопытством, от их дыхания в студеном воздухе поднимался пар. Мы запихали одеяла в пакеты и зашагали прочь. Планы на день даже не обсуждались – нужно отыскать какую-никакую цивилизацию, – и мы зашагали по тропинке обратно к шоссе. Жук тащил все пакеты. Когда мы двинулись, он перебросил всё в одну руку, а в свободную нежно взял мою ладонь. Так мы и шли рядышком не разговаривая. Когда дорожка сужалась, он перемещался вперед, но руку мою не выпускал, и мы продолжали идти, я – вытянув руку вперед, он – назад. Звучит слюняво, да, будто мы впали в такое «мальчик с девочкой дружил»? Не было ничего подобного. Просто мы были вместе. По-настоящему вместе.

Мы шли вдоль шоссе, голосуя всякий раз, когда сзади раздавался шум мотора. Мы дошли до точки, когда приходилось рискнуть: признают – и ладно. Только никто не останавливался. Все торопились, неслись по узкой лесной шоссейке, будто это гоночная трасса, только виляли от неожиданности, завидев нас. Пару раз нам погудели – мол, нечего вам делать на проезжей части. А где, скажите, нам топать? По канаве? Придурки.

Дождь перестал, но земля была совсем мокрая, по краям дороги на асфальте стояли лужи. Джинсы мои становились все тяжелее – в них впитывалась вода. Переставлять ноги на пустой желудок было нелегко. Они у меня и так-то устали, капитально устали, и тело бунтовало против того, к чему я его принуждала. У меня началась изжога, но в ней не было привкуса вчерашней еды – одна едкая, кисловатая пустота.

В двадцать минут девятого мы остановились. Присесть было

негде – слишком мокро, – так что мы встали в нескольких метрах от шоссе, на дорожке, ведущей к ферме. Жук поставил на землю пакеты и зажег чуть не последнюю оставшуюся сигарету. Мы молча выкурили ее, с деревьев на нас падали капли.

– Невесело, да? – наконец спросил Жук. Я только кивнула. – Может, рискнем, позвоним? Вызовем такси?

– Не выйдет, нас засекут. И все будет кончено, Жучила.

– А что нам еще делать? Не помирать же в этой глуши.

– Не знаю, но они ведь только и ждут, чтобы мы куда-нибудь позвонили, разве нет?

Жук бросил окурок, затоптал каблуком.

– Жрать хочется, Джем. И я замерз.

– Знаю. Я тоже.

Мы зажгли еще одну сигарету и затягивались по очереди, хоть какое утешение в этом беспросветном мире. Через пару минут мы услышали, что по дорожке едет машина. Переглянулись. Удрать не успеем, да и бессмысленно. Из-за поворота показался огромный джип. Увидев нас, водитель ударил по тормозам, потом опасно объехал. Я успела разглядеть, кто за рулем, – женщина, лет тридцать с небольшим, с виду ничего, волосы завязаны в хвост, во рту, точно клюв, торчит кусок поджаренного хлеба. На заднем сиденье двое ребятешек. В огромной машине они казались куклами.

Женщина глянула на нас удивленно, сердито, кажется, даже слегка испуганно, потом доехала до перекрестка и свернула влево по главной дороге. Через несколько метров остановилась, сдала назад, вновь поравнялась с нами. Опустилось переднее стекло, она вытащила хлеб изо рта и перевесилась наружу:

– Вы кого-нибудь ждете? – Голос резкий, точно мы в чем-то провинились. Ты чужак – и в этом твоя вина. Ты молод – и в этом твоя вина.

Жук вскинул руки:

– Ждем, когда подвезут. До города.

Это был блеф – ни он, ни я не знали, есть ли поблизости город и далеко ли до него.

Она оглядела нас с подозрением, плотно, сурово поджав губы.

– Ясно. Простите. Ничем не могу помочь.

Стекло опустилось, машина отъехала.

– Сука, – сказала я.

Жук кивнул и еще раз затянулся.

Метрах в трех машина снова остановилась, еще раз дала задний ход. На сей раз ее нагнала другая – водитель оголтело загудел. Тетка снова опустила стекло.

– Залезайте, – сказала она неприветливо. – Я еду в город. Вещи в багажник. Кому-то из вас придется сесть сзади, посередине.

Мы с Жуком переглянулись, потом он открыл багажник и закинул туда шмотки. Я распахнула заднюю дверь. У детишек глаза стали как шары, они решили, что мамаша рехнулась. Я пыталась не смотреть им в лицо – нет хуже, чем видеть в детских глазах числа. Пробирает до печенок. На них была такая вся из себя школьная форма – блейзеры, рубашки и галстучки, понимаете, о чем я, – и смотрели они на меня как на инопланетянку.

– Гм... простите... можно?..

Мальчик, сидевший ближе, поджал ноги и откинулся назад. Я пробралась мимо него и устроилась посередине. Девочка, сидевшая дальше, отшатнулась.

Жук захлопнул багажник и уселся спереди.

– Вот уж спасибо, никогда не забудем. Классно, классно. Машина – супер. Класс. Прикол. – Он отчаянно тряс головой. Хотелось сказать ему: заткнись, не корчи идиота. – Очень хорошо, что вы нас подобрали. Такая, блин, холодрыга.

Я услышала, как мальчик испуганно втянул воздух. Видела его боковым зрением – глаза как блюдца, рот разинут. Тетка заговорила, очень медленно и отчетливо:

– Послушайте, я с удовольствием вас подвезу, но попрошу выбирать выражения. В этой машине ругаться не принято.

Жук зажал рот ладонью.

– Господи! Я извиняюсь. Извиняюсь. Ничего такого не имел в

виду, леди. Всё ведь в порядке, ребята? – Он обернулся к малышам, улыбнулся от уха до уха. – Такие слова употребляют только козлы. Только козлы.

Девочка, кажется, пискнула. Я посмотрела на нее. Она жутко перепугалась. Возможно, даже трусики намочила. Скорее всего, она еще никогда не видела негра, тем более двухметрового чернокожего придурка, который ругается нехорошими словами. У Жука и в лучшие-то времена видок еще тот, а после пары ночевок черт знает где он вообще превратился в страшилу.

Жуку, похоже, было не унять разгулявшиеся нервы. Его понесло:

– Какая вы молодец, что подобрали нас. Просто молодчина.

– Всегда пожалуйста. – Было понятно, что она уже давно раскаялась в своем добром порыве и больше никогда не даст такого маху. – Вам куда надо?

Желудок у меня дернулся: мы же не сговорились, что будем врать. После двух дней вдвоем мы снова оказались среди людей. Жук, не задумываясь, понес что придется:

– Мы едем в Бристоль, у меня там тетя. Да, она в этом, в Бристоле.

– Как же вас занесло в Уайтуэйз?

– Ну, мы ехали автостопом. Высадили нас на шоссе, а потом мы пару дней шли пешком.

Пока он говорил, я заметила, что рядом с теткой лежит недоеденный кусок поджаренного хлеба. Она положила ее возле ручки переключения передач и забыла о нем. Рот наполнился слюной. Мне было не оторвать от этого куска глаз. Черт. Что же. Это. Я не выдержала, наклонилась вперед, протянула руку, схватила хлеб, выпрямилась и запихала его в рот, сложив пополам, чтобы все влезло. Хлеб был холодный, раскисший и вкусный как я не знаю что. От солоноватого масла слюна хлынула с новой силой, потекла по подбородку. Я продолжала жевать.

Мальчишка этого не вынес.

– Мама, – пискнул он, – он съел твой хлеб!

Он?

– Да? – отозвалась мамаша. – Ничего страшного, Фредди. Я больше не хочу.

Я вытерла подбородок рукавом, неохотно сглотнула. Хотелось держать хлеб во рту целую вечность.

– Простите, – сказала я. – Я просто... проголодалась.

– Ничего страшного, – ровным тоном ответила тетка. Девочка заплакала, тихо всхлипывая со мной рядом. – Ничего, дети. Мы сейчас приедем. Сейчас приедем. – Ей необязательно было добавлять «слава Богу» – это и так было понятно.

Мы въехали на окраину города. Слов нет, чтобы выразить, как здорово было опять увидеть дома, осознать, что где-то поблизости есть кафе и магазины.

Тетка остановилась у тротуара.

– Нам к школе, вон туда. Я высажу вас здесь. До центра пять минут ходьбы. И там есть железнодорожная станция.

– Угу, вот уж спасибо, спасибо. Вы нам очень помогли. – Я пролезла мимо Фредди, который так распластался на сиденье, что стал как лист картона. Мы выудили из багажника свои вещи и остались на тротуаре, а машина влилась в поток движения.

– Вот ведь повезло, – прокомментировал Жук.

– Больше она в жизни никого не подберет.

– Это еще почему?

– Да так. Вроде как мы с ней совсем разные люди.

– Это верно. – Он рассмеялся. – А мелкие, похоже, приняли тебя за пацана. Нужно им зрение проверить.

– Жук, думаешь, она нас опознала?

– Не, если бы опознала, не стала бы подвозить, верно?

Мимо неся поток машин, и я почувствовала себя еще беззащитнее, чем когда мы шли через поля. Мы два дня прожили в отрыве от цивилизации. Что за это время про нас успели наплести? Что люди видели по телевизору, что прочли в газетах? Может быть, водитель одной из этих машин прямо сейчас тянется к телефону, чтобы позвонить в полицию? Мне стало не по себе, совсем не по

себе.

– Пойдем найдем какой-нибудь магазин, а потом валим отсюда, Жук. Нельзя тут болтаться.

– Сам знаю.

Он подхватил пакеты и зашагал вперед, стремительно переставляя длинные ноги. Мне пришлось бежать за ним следом. Мы дошли до ближайших магазинов – высматривали какой-нибудь киоск, маленькую продуктовую лавку или что-нибудь в этом духе, и вдруг увидели рекламную доску с надписью: «Кафе „У Риты“ – готовим завтраки целый день».

Жук остановился. Таращил глаза на доску и облизывался. Я прочла его мысли и заранее поняла, что он мне скажет:

– Я знаю, нужно отсюда сматывать, но, черт возьми, Джем, очень уж хочется жрать. Ты чего думаешь?

Мы оба знали, что нужно держаться основного плана – зайти в какой-нибудь киоск, прикупить бутербродов, шоколадок, воды, всякой такой дряни, а потом отыскать сарай, гараж или что в таком духе и там перекусить, – но ни у одного из нас не хватило духу пройти мимо этого кафе.

– А, хрен с ним, – сказала я. – Даже приговоренному напоследок дают поесть, верно?

Жук снова осклабился – и клянусь, по подбородку у него потекли слюнки.

– Правильно мыслишь, – сказал он, подхватил шмотки и рванул к Рите.

Не бывала я в Африке, не видела, как гиена вгрызается в труп антилопы, но, полагаю, с виду это похоже на то, как Жучила уписывал горячий завтрак. Вилкой он работал как лопатой, даже на вдох-выдох не давал себе передышки, просто подхватил-закинул, подхватил-закинул. Посмотрел на меня. Я еще и кусочка не проглотила.

– Да ты чего? Только не говори, что не проголодалась!

Из уголка его рта потек яичный желток.

– Проголодалась. Просто смотрю и радуюсь – красота-то какая.

Оно и верно, красота. Мы ведь столько проболтались черт-те где, питаюсь чипсами и шоколадом, так что на стол было просто смотреть больно: парочка пухлых сарделек, блестящих от жира; идеальная яичница – белый белок и желтый желток; хрустящие полоски поджаренного бекона; горка фасоли – подливка постепенно растекается по тарелке.

Жук фыркнул, яичный пузырь лопнул и потек по подбородку.

– Ненормальная. Давай лопай. – Он махнул вилкой тетеньке за прилавком – судя по всему, это и была Рита, – и крикнул: – Простите, а можно нам еще поджаренного хлеба?

– Иду! – откликнулась она с готовностью (явно из тех женщин, которые радуются, когда их стряпню едят с аппетитом).

Я отрезала кусочек сардельки, против воли замычала от удовольствия, когда он коснулся языка, а потом принялась методично опустошать тарелку. Рита вперевалочку вышла из-за стойки, принесла горку поджаренного хлеба. Она была поперек себя шире, огромная грудь, едва помещавшаяся в клетчатую мужскую рубашку, выпирала над фартуком. Ноги под квадратной юбкой из джинсухи были голыми, обута она была в пушистые шлепанцы – кое-где искусственный розовый мех слипся, видимо, на него попал жир от бекона.

– Долить вам? – Она кивнула на наши кружки с чаем.

– А то! – сказал Жук, пододвигая кружку к краю стола. Рита

дотрюхала до стойки и приволокла серебристый чайник. В кружки, дымясь, хлынула золотистая жидкость. Кроме нас в кафе никого не было, так что Рита, похоже, не спешила вернуться за стойку.

– Спали где попало? – спросила она. В тоне не было упрека, скорее дружеская заинтересованность.

– Ага, – ответили мы хором.

Рита опустилась на стул за столиком через проход.

– Вам, ребята, никому не надо позвонить? Можете с моего телефона, денег не возьму.

Жук положил вилку на край тарелки:

– Да не, у нас мобильники есть.

А я сразу подумала о Вэл, как она сидит на своей кухонной табуретке, в пепельнице гора окурков, а в глазах то же выражение, что и когда мы уезжали.

– Если где-то кто-то ждет от вас известий, уж вы позвоните. Просто скажите: всё в порядке. Уж поверьте мне, ребята. Я знаю, каково это – сидеть и смотреть на телефон и ждать, когда же он зазвонит. От такого и сердце может разорваться.

Она больше не смотрела на нас с Жуком; взгляд переместился на одну из картинок на стене, но мне казалось, что она и ее не видит. Она была где-то в другом месте – месте, где много боли.

Я смолкла и сделала вид, что читаю газету, лежавшую рядом со мной на столе. Терпеть не могу слушать чужие плаксивые истории. Жук был слишком занят – возил по тарелке ломтем поджаренного хлеба и кусками отправлял его в рот, от него тоже не последовало вопросов, но Рита приняла наше молчание за желание ее выслушать:

– Со мной именно так и вышло. С моим Шони. Мы, конечно, поругивались – с кем не бывает? Случалось, он уйдет из дому на несколько часов, а потом поостынет да вернется. Кто же мог подумать, что он сбежит навсегда? – Лицо ее все взмокло, то ли от кухонного жара, то ли от того, каких усилий ей стоило рассказывать нам о своем сыне. Она утерла лоб краем фартука. – Короче, так и случилось. Мы с ним как-то повздорили, я теперь уж и не припомню из-за чего, и он шаст за дверь. Я даже и не встревожилась – думаю, скоро вернется. Приготовила ему ужин, поставила в духовку, чтобы

не простыл. Утром смотрю, а он там и стоит, все пересохло и пристало к тарелке. Мясная запеканка и овощи. Я ему это обычно и готовила. Любил он мясную запеканку. Ну, позвонила в полицию. Они и не почесались. Мол, семнадцать лет. В семнадцать лет и не такое вытворяют. Позвонила его друзьям, во все места, где он мог быть.

Ничего. Пропал – и всё тут. Больше я его и не видела. Даже не знаю, жив ли. – Голос ее задрожал, она умолкла и сидела, глубоко дыша.

Мне было за нее неловко, я не отводила глаз от стола, от этой самой газеты, и тут наконец в глаза мне бросился огромный заголовок: «ТЕРАКТ В ЛОНДОНЕ: ПОЧЕМУ ОНИ УБЕЖАЛИ?». А под ним – размазанная экранная картинка, очередь в магазине. Камера, похоже, висела под самым потолком, потому что вид получился сверху, лиц не разглядишь, только один человек поднял голову и глядит прямо в камеру. Это, понятное дело, я. На той заправке. На первой газетной полосе.

Жучила положил последний кусочек хлеба на тарелку.

– Ужас, – сказал он. – Я вам очень сочувствую.

Рита кивнула, будто благодаря.

– Вот. – Он протянул ей измызганную салфетку.

– Спасибо, не надо. У меня где-то платок был. – Она порылась в кармане фартука, выудила здоровенный белый мужской платок и шумно высморкалась.

– От такого и не хочешь, а жизнь переменится, – продолжала она тихо. – На улицу больше не хочется выходить – вдруг телефон зазвонит. Спать толком не спишь, всё прислушиваешься, не скрипнет ли ключ в замке. Иногда и вовсе дуреешь: увидишь со спины кого похожего, услышишь, как кто-то сзади смеется, словно его голосом, поворачиваешься – а это и не он. – На лбу у нее опять показались капли пота, она задрала фартук, на секунду полностью закрыв лицо, утерлась. – Так вот, ежели где-то кто-то из ваших терпит такое, чего я натерпелась, позвоните домой.

Я почувствовала, что не только на лбу, но и под мышками скапливается пот, но по другой причине. Ее слова влетели в одно ухо и вылетели в другое, я прочитала под заголовком:

«Это первые фотографии двух молодых людей, которые, по свидетельству очевидцев, во вторник убежали от „Лондонского глаза“ за несколько минут до взрыва, устроенного террористами. Источник в полиции подчеркивает: на данный момент они являются главными свидетелями и могут располагать крайне важной информацией. Полиция настоятельно просит их выйти на связь».

Рита умолкла и сидела, тиская фартук в мокрых ладонях. Повисла тишина.

– Дело-то вот в чем, – сказал Жук. – Ведь можно вычислить, откуда звонят, верно?

– А, вы не хотите, чтобы вас нашли. – Она быстро взглянула на нас по очереди, без всякого осуждения, и я подумала, что ее Шон – полный идиот, если сбежал от такой мамы.

Прочла ее число. Еще пятнадцать-шестнадцать лет жизни. Увидит ли она сына, или ее ждет пятнадцать неотпразднованных дней рождения, пятнадцать одиноких сочельников? Я решила об этом не думать – мое-то какое дело?

– Вот что: если вы оставите номер телефона, я позвоню, когда вы уйдете, – сказала Рита. – Могу через пару часов, могу и вовсе завтра, как скажете. Просто передам, что видела вас и у вас всё в порядке.

Жук кивнул:

– Да-да, это было бы клево. Дайте нам время свинтить.

– Пойду принесу бумагу и ручку. – Рита, кряхтя, поднялась.

Я перегнулась через пластмассовый столик и прошипела:

– Ты че, обалдел?

– А чего?

– Хочешь дать ей бабулин номер?

– Ну, она же сказала: позвонит завтра, мы будем уже далеко. Нормально.

Я ничего не ответила, просто подтолкнула к нему газету.

– Что?.. – начал было он, потом увидел фотографию. – Блин.

Мы посмотрели на стойку. Рита стояла к нам спиной, на шаривая ручку под толстой стопкой бумаг. Я сунула газету в карман куртки,

мы молча и как можно тише собрали наши пакеты, встали со стульев, стараясь не скрипнуть ножками по полу.

Я оглянулась уже у двери. Жук все торчал у стола. Ему тут что, игрушки? Полез в карман, вытащил из своего конверта пару пятерок. «Блин горелый! – чуть не заорала я. – Нет у нас на это времени!» Нажала на дверную ручку, потянула дверь на себя – только бы там не было какого-нибудь колокольчика, который нас выдаст. Все прошло гладко, я выскользнула на улицу, Жук тут же оказался рядом.

– Не беги, Джем. Идем шагом. Спокойно.

Мы отошли всего на несколько метров, когда вслед нам полетел Ритин голос:

– Да что же?.. Эй, вернитесь!

Мы ускорили шаг.

– Не оглядывайся, Джем. Шагай.

Мне и не надо было оглядываться. Я прекрасно видела ее мысленным взором, как она постояла на пороге, глядя нам вслед, как повернулась, взяла деньги со стола и, зажав их в потной ладони, опустилась на стул. Тяжело дыша, думая о нас, думая о Шоне... а потом заметила, что газеты на столе больше нет, смекнула, что к чему, и потянулась к телефону.

На главной улице полицейских шпионов было как грязи. У каждого прохожего имелись пара глаз и мобильник. Пока мы сидели в глуши, мне казалось, что это просто заворот наших мозгов, паранойя такая – беги и прячься. Но когда мы увидели мое фото на первой полосе, стало ясно, что не в завороте дело. Все это по-настоящему. Нас ловят. Мы шли по тротуару и чувствовали, что далеко не уйдем. Даже в крохотном захолустном городке, где всего-то и есть, что базар на центральной площади, вокруг шляются сотни людей, и эти люди смотрят новости, лазают в Интернет, читают газеты.

У меня была еще одна неприятность. Я старалась не смотреть людям в глаза, но ведь хочешь не хочешь, а иногда взглянешь, и вот они вам снова – числа. Рассказывают про всяких посторонних людей, суют под нос смертные приговоры. Мне хотелось идти с зажмуренными глазами, чтобы от этого избавиться. Зачем напоминать мне каждую минуту, что всем им суждено умереть? А главная причина шла рядом, взяв меня за руку. Жук. Впервые в жизни рядом оказался человек, с которым не хотелось расставаться. Дата в газете словно хлестнула меня по лицу: одиннадцатое декабря. Осталось всего четыре дня.

– Слушай, – сказал Жук настойчивым тоном, – давай затаримся жарочкой и смоемся куда-нибудь. Тут мы у всех на виду.

И он не врал. Может, и были какие люди, которые проходили или проезжали мимо, погрузившись в свои мысли и не обращая на нас внимания, но по большей части все только и делали, что глазели. Собственно, зрелище, конечно, было еще то: двое оборванцев, один длинный, как жердь, другой рядом – просто гномик. Ну и потом, я тогда в машине сообразила верно: большинству из них вряд ли доводилось хотя бы раз в год видеть негра. Других черных лиц нам не попадалось, это уж точно. Было похоже на передачу, какие показывают по телику, только наоборот: ну, про белого, который приезжает в африканскую деревушку, к нему сбегаются ребятишки, дотрагиваются до белой кожи, щупают его волосы. К нам, впрочем, никто не сбегался. Обращали на нас взгляд, потом отводили. Одна тетка, которая шла навстречу, заметила нас и велела своему

малышу взять ее за другую руку, от нас подальше. Я подумала: «Да пошла ты, сука, мы, блин, не заразные».

Мы отыскивали газетный киоск. Жук вытянул из конверта несколько десятков и послал меня внутрь. Я хватала продукты как можно быстрее – несколько шоколадок и пакетиков с чипсами, а кроме того, на сей раз и кое-чего попрacticalнее: воды, соков, зерновых батончиков.

В киоске, затиснутом между антикварной лавкой и овощным магазином, воняло пылью. Помещение было до самого потолка набито пакетами, бутылками, газетами и журналами – каждый второй порнуха. Как будто отрезали кусочек Лондона и зафигачили в эту глушь. Пока я выбирала, мужик за кассой читал газету. Было видно, что он за мной следит.

Я сложила еду на кассу. Курево располагалось у него за спиной, я попросила шесть пачек, и тут заметила еще кое-что: три-четыре фонарика, затиснутых на полку. Я купила два, а к ним батарейки. Мужик сложил мои покупки в пару пакетов, внимательно следил, пока я перебирала купюры. «Все знает, – пронеслось у меня в голове, – он все знает».

Мужик взял у меня деньги.

– М-да, – произнес он хрипло, наверное, голосовые связки ссохлись от пятидесяти лет курения. Я повернулась к дверям, и тут он вдруг выкрикнул: – Эй!

Тут я поняла: игра окончена. И что он теперь с нами сделает? Вряд ли эта старая развалина сумеет меня догнать. Я не стала останавливаться.

– Эй, ты! – выкрикнул он еще громче. Я повернулась. – Сдачу-то возьми.

Я вернулась к кассе и молча сгребла монетки.

Выйдя на улицу, я отдала один пакет Жуку, пусть несет. Второй рукой он схватил мою руку.

– Двинули, – сказал он. – Сматываем отсюда.

Мы нырнули в какой-то проулок между двумя магазинами. Он извивался по задворкам, между пустых участков, а потом вывел нас к каналу. Мы пошли по тропинке вдоль берега. Сбоку выросла стена, за

ней прогрохотал поезд. Мы подошли к туннелю. Тропинка стала совсем узкой: с одной стороны влажная, холодная стена, с другой – ограждение, мешающее упасть в воду.

Жук выпустил мою руку:

– Шагай вперед. Я сзади.

Было темно, ставить ноги приходилось вслепую, у меня то и дело подвертывалась лодыжка.

Примерно на полдороге меня начал пробирать страх. В дальнем конце появилась какая-то фигура – большой темный силуэт, почти полностью заслонивший доступ свету. Я оглянулась через плечо, не появился ли кто-нибудь и сзади: самое что ни на есть подходящее место для западни – сбежать некуда, криков никто не услышит.

Да нет, порядок, сзади никого, кроме Жучилы. Так что никакая это не западня, просто какой-то мужик решил погулять вдоль канала.

Мы сошлись в темноте. Похоже, он меня даже не заметил, так и шел напролом по самой середине, будто сейчас возьмет и просто сметет меня в сторону. Силуэт его обрисовывался на фоне дальнего выхода, но черты лица было не разглядеть. Когда он подошел ближе, я подумала: «Черный – поэтому физиономию его и не видно». А когда он оказался метрах в шести, я вдруг с ужасом поняла, что лицо у него не черное, а синее.

Синее, все изрисованное татуировками.

Я отшатнулась.

– Жук, бежим! Давай, давай, давай!

Он расслышал ужас в моем голосе и не стал задавать вопросов, развернулся, и мы оба побежали. Я слышала за спиной шорох шагов Татуированного по гравию, слышала его тяжелое дыхание. Туннель был совсем узкий, пакеты задевали за стену и за ограждение.

Жук чуть замедлил бег, я нагнала его.

– Бросай мешки, Джем! Бросай!

Я бросила поклажу, и Жук пропустил меня вперед, а потом швырнул свои мешки в глубину туннеля, прямо в Татуированного. Я услышала на бегу, как тот закричал, подминая под себя полиэтилен и жестяные банки. Мы выскочили из туннеля и понеслись по дорожке –

тем же путем, которым пришли лишь несколько минут назад. С помощью мешков преследователя удалось задержать, но ненадолго. Был он здоровущий, но проворный. Оглядываться не хотелось, но и удержаться я не могла: как ни погляжу – он прет за нами по пятам, точно регбист-нападающий.

– Сюда! – Жук схватил меня за руку и дернул влево. Мы скатились вниз по какому-то склону, оказались на другой тропинке, которая отходила от главной. Вела она к пешеходному мосту через железнодорожные пути – мрачной темной конструкции из ржавого металла, исписанного граффити. – Давай!

Мы рванули вверх по ступеням. Пока перебежали через мост, под нами пронесся поезд, видимо, экспресс, потому что он буквально промелькнул мимо, только в ушах остался звон металла. Шаги Татуированного потонули в шуме, но, когда мы начали спускаться с другой стороны, я почувствовала дрожь моста – преследователь был близко. Совсем рядом.

Мост вывел нас на улицу: с одной стороны длинный одноэтажный дом, с другой – железная дорога. Где дом, там и люди – не станет же он убивать нас при свидетелях? Или станет? Не останавливаясь, я закричала:

– Помогите! На помощь! Позвоните в полицию! Помогите!

Никакой реакции. То ли в домах было пусто, то ли их обитатели, услышав мои вопли, только поудобнее развалились на диванах и прибавили звук в телевизорах.

Жук развернулся:

– Ты че? Замолчи! На фиг нам полиция? Нужно сбежать. Давай!

– Он нас убьет, Жук! Нам нужна помощь!

Дрогнула занавеска – или показалось? На нас все-таки смотрят?

– Не собираюсь я вас убивать! – Голос Татуированного раскатился по всей улице. – Просто есть один разговор, ребятки, и всё.

Я обернулась через плечо. Громила остановился. Застыл посреди улицы, наклонившись вперед, но при этом глядя на нас, упершись ладонями в ляжки, пыхтя. Пытался, видимо, отдышаться, но глаз не сводил. Я, понятное дело, разглядела его номер. Да я его и раньше

видела, на той вечеринке. 11122009. За четыре дня до Жука. Та самая дата, которую я увидела в газете. То есть – сегодня.

Теперь в крови у меня бушевал не только адреналин – страшное озарение пробежало по жилам, как первая доза самого что ни на есть сильного наркотика. Что же это значит?

Что бы ни произошло дальше, Жук выйдет из этого живым, а Татуированный – нет. Ну про саму себя я, разумеется, не знаю. Может быть, выживет только Жучила...

Мы с Жуком тоже остановились. Одновременно посмотрели на преследователя, потом друг на друга, понятия не имея, что делать дальше.

– Чего надо? – выкрикнул Жук.

– Уж ты-то прекрасно знаешь, чего мне надо. Отдай то, что тебе не принадлежит. Мой друг попросил вернуть это обратно. Деньги. Давай обсудим без психа, по-культурному. Спектакли устраивать, приятель, ни к чему.

Он теперь шел нам навстречу, очень медленно. Он приближался, а я чувствовала, как в ушах стучит кровь. И тут, справа, открылась дверь. Дядечка средних лет, держит за ошейник здорового пса.

– Что там происходит? – выкрикнул дядечка.

Татуированный остановился, развернулся к нему, вскинул обе руки:

– Ничего такого. Семейное дело. Сынишка мой набедокурил. Вот я и помогаю ему выпутаться. Дети! Сами знаете, что это такое.

Дядечка вглядывался в него, пытаясь просечь, что к чему:

– Полицию вызвать?

Татуированный улыбнулся:

– Нет, приятель. Не настолько все плохо. Сами разберемся.

Пока они говорили, Жук нагнулся ко мне и прошептал:

– Отходим.

Мы осторожно сделали несколько шагов назад. А когда стало ясно, что разговор подходит к концу, развернулись и снова побежали, быстро, на сей раз совсем быстро, со всех ног.

– Эй!

Он снова гнался за нами, но мы ушли в хороший отрыв. Прямо летели по улице. Жук на ходу стягивал куртку.

– Ты чего?

– А вот.

Он перебросил куртку через остроконечный забор слева от нас, подставил ладони, чтобы я могла опереться ногой, и почти перебросил меня на другую сторону. Приземлилась я неловко, подвернув колено. Жук подтянулся, взгромоздился на забор, спрыгнул. Сграбастал куртку, помог мне встать:

– Порядок?

Я кивнула: не хотела говорить, как мне больно.

– Тогда давай дальше, – сказал он и рванул вперед по набережной.

Я пыталась бежать с ним вровень, но боль была адская. Я встала на четвереньки и передвигалась так, чтобы поменьше веса приходилось на ногу. Жук оглянулся:

– Ты чего?

Он был уже у подножия холма, у самой железной дороги.

– Ушиблась. Колено, – сказала я, попыталась встать и ойкнула.

– Чего ж ты молчала?

Он пошел в мою сторону, и тут я услышала сзади глухой удар. Татуированный переплюхнулся через забор.

Запаниковав, я поползла к Жуку. Он рванул вперед – и в тот же миг я почувствовала, что лечу по воздуху: меня крепко схватила за талию чья-то сильная рука. А к горлу прижалось что-то холодное и твердое. Этот подлец вытащил нож.

Жук дернулся ко мне, а потом замер, будто спринтер, дожидющийся выстрела стартового пистолета.

– Не-не, чел. Вот этого не надо. Убери нож. Давай поговорим. Сможем же договориться.

– Больше нам говорить не о чем. Давай деньги, и я отпущу твою подружку.

Жук выпрямился. Татуированный стиснул меня еще крепче. Я едва могла дышать. Собственно говоря, когда он меня схватил, я так перепугалась, что висела у него в руках как тряпичная кукла; теперь же я начала вырываться, в ответ он только крепче притиснул лезвие к моему горлу.

– Не подходи.

– Ладно, ладно, порядок. – Жук отступил. Теперь он стоял на рельсах.

– Жук, отдай ему деньги. – Голос показался мне чужим.

Жук глянул на меня – на лице отражалась отчаянная мука.

– Не могу, Джем. Это же наше будущее. Наше с тобой. Номер в гостинице, большая двуспальная кровать. Пинта пива в баре, рыба с жареной картошкой на причале. Как же мы, где же мы все это возьмем без денег?

В горле у меня застрял комок. Он уже все это себе представил, все, чего хотел для нас. Господи, ведь не так уж много, верно? Только ничего этого не будет. Даже такой малости у нас никогда не будет. Я заплакала. То были горячие слезы отчаяния и тоски, слезы ненависти к беспощадно тикающим часам.

– Прости, – сказал он. – Прости меня. Я ничего этого не хотел. Не хотел, чтобы тебя пугали. Ты права, Джем. Это всего лишь деньги. Найдем другие. Отпусти ее, – обратился он к Татуированному, – и деньги твои.

– Ага, рассказывай, сосунок. Думаешь, я вчера родился? Давай деньги – тогда отпущу.

– Тогда одновременно, да?

– Нет, сперва давай деньги, – сказал Татуированный ровным голосом, – а потом я ее отпущу.

Я хорошо знала Жука и догадалась, что будет дальше. Будто проиграла всю сцену в голове, как в замедленной съемке, но Татуированный ни хрена не понял. Он отчаянно вскрикнул, когда Жук вытащил деньги из конверта, снял резинку, завел руку назад и швырнул всю пачку вперед и вверх – купюры взметнулись в небо.

Хватка Татуированного ослабла. Он выронил нож, выпустил меня и рванул по набережной к железной дороге.

Я бросилась к Жуку, он подхватил меня на полдороге. Прижал к себе, вдавив лицом в грудь, вцепился в волосы.

– Порядок, ты здесь. Ты здесь, Джем. – Голос звучал глухо, он и сам готов был разрыдаться. – Давай, уходим. Пусть сам разбирается.

В воздухе кружились купюры. Они продолжали падать, когда мы зашагали по набережной. Я оглянулась – Татуированный, согнувшись пополам, подбирал купюру за купюрой. Было видно, что он зол, страшно зол: бормочет что-то себе под нос, пыхтит, топчется, опустив лицо в землю.

Жук обнял меня обеими руками. Когда мы забрались на холм, он помог мне снова перелезть через забор. Я ждала, когда он перелезет тоже, но он застрял, положив на забор одну руку.

– Давай, валим отсюда, – сказала я.

Он оглянулся через плечо. Я застонала:

– Слушай, не надо. Это всего лишь деньги.

– Ну, я только сотню, Джем. Только подумай, на что нам этого хватит.

Я просунула между прутьями руку и ухватила его за рукав:

– Жук, не смей.

Он вырвался, потом поцеловал мои пальцы.

– Я сию секунду вернусь, – пообещал он и рванул обратно.

– Жук, не смей! Не смей! – закричала я.

Он уже бежал по тропинке. Татуированный поднял на него глаза:

– Тебе чего, добавки захотелось?

– Дай мне немножко. Мою долю, мне же полагается.

– Ничего тебе не полагается, засранец. Вали к своей подружке и не зли меня, а то мало не покажется.

Жук выпрямился:

– Меня не запугаешь.

– Надо же, именно это твоя бабка и сказала, когда я к ней наведалься.

– Что?

– Просто хотел выяснить, куда ты подевался. Пришел, так сказать, за информацией. Бабка твоя не очень рвалась мне помочь. Даже хамила, прямо как ты. Правда, когда я уходил, разговорчивости у нее поубавилось...

– Сука! Что ты с ней сделал?

Жук бросился на Татуированного, въехав головой тому в живот. Татуированный упал, и они покатались по набережной в сторону железнодорожного полотна. Они перекатывались, боролись, били друг друга всерьез – жуткий звук ударов тела о тело. И на фоне их звериного рычания и воя нарастал другой звук: стук колес далекого поезда, а еще – сирены, много сирен, и они звучали все ближе и ближе.

– Жук! – крикнула я. – Отпусти его! Сматываем!

Не знаю, услышал он или нет.

И тут вдруг все начало происходить разом. На дороге вылетели две полицейские машины и фургон, встали, визгнули тормозами, из них посыпались люди в форме. Они начали прыгать через забор. А в пятидесяти метрах показался поезд, он приближался, неотвратно.

– Жук, беги! – В этом звуковом хаосе мой голос звучал совсем пискляво. Жук не услышал, потому что не слушал. Я не могла больше смотреть. Отвернулась и опустилась на землю, поджав колени, крепко зажмутив глаза.

Вокруг раздавались крики, вопли. Страшный визг ударил по ушам – машинист отчаянно давил на тормоз. Казалось, он звучал несколько часов. Я дождалась, пока он не стихнет. Теперь придется посмотреть: должна же я знать, что случилось. Я попыталась успокоиться – три глубоких вдоха, три выдоха, – а потом обернулась.

Сквозь прутья забора было видно поезд. Он остановился, последний вагон стоял как раз напротив меня. Полицейским удалось обездвигнуть Татуированного. Тот еще дергался, хотя на него навалились трое, пытаюсь утихомирить. Жука не было видно, я непроизвольно опустила глаза на рельсы, под вагоны. Полицейские, видимо, мыслили в том же направлении: некоторые шагали вдоль вагонов, заглядывали под них. Во рту у меня пересохло. «Нет, только не это», – выдохнула я.

А в дальнем конце набережной что-то двигалось, перекатывалось от куста к кусту. Сперва я подумала, что это какой-то зверек, потом пригляделась: человек на четвереньках. Жук.

Он уходил вверх по склону, вправо. Когда кусты кончились, распластался на животе и пополз по-пластунски. Я поднялась и зашагала по дороге в том же направлении. Прихрамывала, но боли даже не замечала. Не сводила глаз с Жука и вскоре поняла, что он тоже на меня смотрит. Я подняла два больших пальца, он сделал то же. Добравшись до конца набережной, он поднялся и перепрыгнул через забор.

Кто-то заорал издалека:

– Эй! А вон и второй! Держи его!

Жук бросился бежать, я тоже – ну, если только это можно было назвать бегом. Некоторое время мы бежали рядом, потом он исчез из виду, скрылся за деревянным забором. Мы снова поравнялись на переходе через пути, в нескольких сотнях метров. Он схватил меня за руку, и мы понеслись дальше, вслепую, куда глаза глядят.

Багажа у нас больше не было, ничто не мешало, а адреналин так и бил. Несколько изгибов и поворотов дороги, и мы оказались в городском парке. Самое то: вокруг почти никого, разве что несколько старушенций с собачками. Мы пошли по дорожке, подыскивая, где бы спрятаться. Жук постоянно гонял меня в просветы между кустами:

– Слазай посмотри, чего там!

– Сам лезь!

– Не торгуйся. Ты меньше меня. Иди, разведай.

Я раздвинула ветки и начала протискиваться внутрь.

– Такие, как ты, сто лет назад гоняли таких, как я, чистить трубы. Только потому, что я мелкая, – сказала я напоследок.

– Не, чел, сто лет назад какая-нибудь фифа, вроде той, которая нас подвозила, наняла бы нас обоих мыть ей полы, или чистить обувь, или подтирать задницу. Особенно меня. Я был бы чьим-нибудь рабом.

Я врубилась.

Тот просвет нам не подошел, но через пару минут мы обнаружили другой. Наклоняешься, подползаешь под куст с плотными, будто резиновыми листьями, а там прогалинка возле какой-то старой стены. Места достаточно, чтобы нам обоим усесться, земля сухая. Никто нас не видит. Можно передохнуть.

Мы сели рядом, прислонились спинами к стене. Только я опустила задницу на землю, как все силы куда-то ушли. Устала жутко. Я закрыла глаза.

– Курнешь?

– Не, не хочу.

Мне не хотелось ни думать, ни чувствовать, ни видеть. Не хотелось бежать и скрываться.

– Ты как там? – Голос долетел из какого-то густого тумана. Я, похоже, задремала, вот так вот, в одну минуту. А теперь открыла глаза.

– Просто устала.

Он обнял меня, притянул поближе.

– Слышала, что сказал этот гад?

– Про твою бабулю?

– Да. Я должен был его убить, Джем, возможность-то была. А я так озверел, что кинулся на него как попало. Просто забыл, что у меня есть нож, надо было вытащить и покончить с этим придурком.

– И какой бы от этого был прок? Убил бы – и что? Только вляпался бы еще сильнее.

– А плевать. Он, гад, ничего другого не заслуживает. Какое он имел право...

– Знаю. А только я рада, что ты его не убил. В любом случае...

Я чуть не сказала: «В любом случае он сегодня умрет», но вовремя остановилась. Уж всяко если Татуированному суждено умереть, он должен умереть: Жук ли пырнет его ножом, разmozжат ли ему голову во время драки с полицией, попадет ли он под поезд. Я ведь помню его число, помню, что это сегодня. Нет, до конца я все равно не врубаюсь. Как оно на самом-то деле – числа все-таки моя выдумка или они реальны? Если я сама их придумала, тогда класс: можно не обращать на них внимания, менять их как захочется. Я могу остановить часы, прекратить обратный отсчет жизни Жука. С другой стороны, если они реальны, значит, с бабулей его все в порядке – ей еще жить да жить. В голове у меня все перемешалось. Ладно, как бы там ни было, успокоить Жука я могу только одним способом:

– Бабуля твоя в порядке, Жучила.

– Ты так думаешь? А я даже не знаю, жива ли она.

Я повернулась к нему лицом:

– Жук, я знаю, что она в порядке.

– Число, да?

– Да.

– А если не ты одна видишь числа? Если кто-то тоже видит, но совсем другие? Если ее число взяло и поменялось?

– Числа не меняются. – Я помедлила, еще раз проверила число

Жука – да, на месте и то же самое. – Они не меняются.

– Выходит, день твоей смерти определяется в день твоего рождения. Ты это хочешь сказать?

Он пытается сбить меня с толку. Я-то хотела его немножко утешить, а он лезет с дурацкими вопросами. На которые у меня нет ответа.

– Ничего я не хочу сказать. – В голосе, помимо воли, звучала злость. – Это ты что-то такое несешь.

– Я хочу услышать это от тебя, потому что, на мой взгляд, это полная чухня.

– Что именно?

– То, что все определено заранее. Получается, что бы я ни делал, это не имеет значения, конец все равно один.

– Может, так и есть. Хрен его разберет.

Я хотела замять разговор, но ничего не вышло.

– Так все известно заранее? Будет так, как будет?

– Не знаю.

– Бомба должна была взорваться. Этот подонок должен был избить бабулю. Но как же так, Джем? Это же несправедливо. – Он почти кричал. Снял руку с моего плеча и принялся ею размахивать. В тесном закутке он, казалось, стал еще больше.

– Конечно несправедливо.

– Все это какая-то чушь. – Его слюна попала мне на лицо. Эк он разошелся.

– Так я то же самое и говорю.

– Что?

– Вся наша жизнь – полная чушь. Полная бессмыслица. Родился, пожил, умер.

Вся моя философия в трех словах.

Это ненадолго заткнуло ему рот. Мы сидели плечом к плечу, упершись спинами в стену, скрестив руки. Правда, я сидела неподвижно, а Жук без остановки мотал головой из стороны в

сторону, от этого все его тело сотрясалось, и он подталкивал меня плечом. А я ведь теперь знала, каким спокойным он может быть, когда счастлив и безмятежен, и видеть его возбуждение было мучительно. Чувствовалось – он сам не свой от волнения. И мне показалось: вина за это на мне. Захотелось достучаться до него, как-нибудь снять этот стресс.

– Жук, послушай. Может, я и не права.

Мне самой было страшно от того, что я собиралась произнести. Слова выползали изо рта, как тихие мышки.

Он продолжал дергаться, погрузившись в свой собственный темный, безумный мир. Я встала на колени, лицом к нему, положила руки ему на плечи.

– Жук.

Он меня не слышал. Я дотянулась до его лица, крепко взяла обеими руками, замедлив, но не прекратив тряску.

– То, что я сказала. Это тоже неправда.

Наконец он, похоже, услышал. Лицо застыло, он поднял на меня глаза – затравленные, горестные.

– Почему?

– Не может все быть полной бессмыслицей. – Я глубоко вздохнула. – Потому что было же мне суждено встретить тебя, а тебе – меня.

Глаза его наполнились слезами. Без единого слова он отцепил руки от своей грудной клетки и опустил мне на талию, зарывшись лицом мне в плечо. Стоя на коленях, я прижимала его к себе и гладила – спину, волосы, – и мы вместе плакали. Не было таких слов, чтобы высказать наши чувства, слезы всё выразили за нас: ужас, облегчение, любовь, печаль, всё вперемешку с солью.

Прошло время – очень долгое время, – прежде чем мы расцепились и сели прямо. Смеркалось, в нашей затененной листвою пещерке Жук теперь стал лишь смутным силуэтом.

– Нужно сматывать, Джем, – сказал он. – Это же постараться надо привлечь к себе столько внимания.

– Да, знаю.

У меня совсем не осталось сил. Болело колено, болела рука. Мне совсем не хотелось, чтобы нас поймали, но было бы так просто сейчас свернуться у Жука в объятиях и просто дожидаться неизбежного.

– Лучший способ свалить отсюда по-быстрому – добыть еще одну машину.

– И что потом?

– Поедем в Вестон. Мы, наверное, уже от него в двух шагах. Тебе там понравится.

Хотя и было темно, я поняла, что он опять улыбается. Я хотела разделить его радость, честно хотела, но не могла. В груди были холод, затравленность, испуг.

– А что мы будем делать в Вестоне, Жук? Там, вообрази себе, тоже есть и телевизоры, и газеты, а кроме того – полицейские, собаки-ищейки и...

Он прижал длинный палец к моим губам.

– Я тебе уже говорил. Будем есть мороженое, рыбу с жареной картошкой и гулять по взморью.

Он говорил это так, будто верил. А может, и правда верил.

Я мягко отвела руку, прижатую к моим губам, положила на раскрытую левую ладонь и принялась поглаживать его худые пальцы.

– Ты чего делаешь?

– Ничего. У тебя руки красивые.

– Ладно, хватит сопли разводить. – Он наклонился и нежно поцеловал меня. – Так, – добавил он, похоже, приняв какое-то решение. – Я знаю, ты устала, так что посиди здесь, а вот когда я за тобой приду, будь готова еще побегать. Тачку я добуду, не переживай. Скоро вернусь.

Он полез наружу.

– Жучила.

– Ну?

– Будь осторожен.

– А то. А ты будь готова, ладно? Я живо – одна нога здесь,

другая там.

Он исчез. Там, где он проталкивался между ветками, они немного покачались. Я смотрела, как они движутся все медленнее, замирают. А потом осталась сидеть в сгущающейся темноте и ждать.

Я сидела, вслушиваясь; все во мне было готово снова сорваться с места и бежать. Я ждала его шагов, шороха листвы, произнесенных шепотом инструкций. Фоновый шум внезапно исполнился глубокого смысла – гул машин, какой-то крик вдалеке, вой сирены. Что там, блин, происходит? Где он?

Две минуты обернулись десятью. Десять – двадцатью. Время шло, и я постепенно будто окаменела в одной позе: колени у подбородка, голова на руках. Я заставила себя дышать медленнее, чуть ли не загнала себя в транс, пытаюсь выключиться из жизни, пока Жук меня не позовет.

Сколько времени прошло, прежде чем я поняла, что он не вернется? Не знаю, но постепенно понимание это впиталось в меня, как холодный дождь, который закапал с ветвей и потянул сыростью от земли. С ним что-то случилось. Случилось не на моих глазах, поэтому шока я не испытала – по крайней мере, в тот момент; просто вокруг и внутри образовалась тьма, еще непрогляднее, чем ночь, и холод заполз в самые кости. Я не двигалась, не издавала ни звука, просто сидела, свернувшись комочком, только слегка покачивалась взад-вперед.

А потом я, наверное, заснула, потому что очнулась, лежа на земле и с единственной мыслью в голове: *его больше нет*. Я лежала в грязи, промокшая, окоченевшая. Подняла руки к лицу, закрыла ими рот и нос. Лицо согрелось от дыхания, а я всё повторяла: «Господи, господи». Я понятия не имела, что теперь делать, даже заплакать не могла от испуга.

Мой собственный шепот заполнил уши до краев, но вдруг до меня долетели еще какие-то голоса, а с ними какой-то непонятный звук – хлещущий, шуршащий. Кто-то прочесывал кусты.

- Одного поймали, второй вряд ли далеко.
- Не каждый день удастся словить террориста, а?
- Ты правда так думаешь? Он террорист? Такой-то пацан?
- А кто его знает, их теперь, говорят, и таких вербуют.

– Когда его вели в участок, мне показалось, умом он не особо вышел.

– А на что террористу ум? Без него даже и лучше. Забивают им головы всякой дрянью – эти чернокожие парнишки, они во что хочешь поверят. Ты пойди пойми, чего там у них в мозгах происходит.

Вот оно как. Похоже, Жука схватили. Я почувствовала, как что-то поднимается к горлу. Сглотнула. Голоса приближались. А еще показался свет. Свет фонарей метался во все стороны.

– Сейчас закончим в парке, потом на пустырь за школой на Мэнор-Роуд.

– Идет.

Я вытянулась в струнку и попыталась распластаться вдоль стены. Хлещут ветки, шуршат листья теперь всего в нескольких метрах. Я задержала дыхание – глупость, конечно, но, когда тебя загнали в угол, трудно соображать.

И тут что-то скользнуло по листьям в тридцати – сорока сантиметрах от моего лица, на меня посыпались дождевые капли. Палка – они шарят палкой по кустам.

– Пониже еще попробуй, по самой земле.

– Сейчас.

Палка высунулась опять, теперь у самой земли. Появилась она довольно далеко, но постепенно приближалась, вычерчивая полукружья. Я как можно сильнее втянула живот. Палка прошла в сантиметре от меня, потом скрылась. Воздух внутри и так-то уже был сжат до предела, а тут я еще надавила животом. Мне казалось, я сейчас лопну. Не раскрывая рта, я выдохнула через нос, стараясь делать это постепенно, – и все же без легкого шмыганья не обошлось. В моих ушах оно прозвучало точно взрыв атомной бомбы, но на фоне шелеста листьев и голосов этих придурков, видимо, прошло незаметно. Они и ухом не повели. Я слышала, как они пошли дальше.

Я не то чтобы расслабилась, но дышать стало легче. Впрочем, в мозгах не утихла паника: я теперь одна, по-настоящему одна. Наши с Жуком отношения, наше общее приключение – все это длилось каких-то три дня, а мне казалось, что мы всю жизнь вместе. За эти несколько дней мы пережили столько, сколько другие переживают за

весь свой век. Более того, я привыкла полагаться на него – ведь, чего там скрывать, с того самого момента, как мы пустились в бега, именно он обдумывал ситуацию и принимал решения. А теперь мне придется жить своей головой.

Я медленно села, по-прежнему стараясь не шуметь. Эта парочка с палкой, может, уже далеко, но кто же поручится, что за ними не придут другие? Я знала – сейчас я в безопасном месте, или в относительно безопасном. Здесь можно переждать, сколько потребуется. Только чего переждать-то? Жук уже не вернется.

Я попыталась представить: а как бы он хотел, чтобы я поступила? Только вот стоило его представить, и я видела одно: драка, руки и ноги, мелькающие в воздухе. Я видела, как его хватают, швыряют на землю, я видела его, избитого, скорчившегося в углу тюремной камеры. Мне не хотелось думать о нем так – хотелось видеть, как он шагает по бесконечным полям, хотелось видеть его рядом со мной, кожа к коже, – но Жук израненный, Жук пойманный и заточенный снова и снова вставал у меня перед глазами. Нет уж, если я здесь останусь, у меня съедет крыша. Надо двигать отсюда, двигаться дальше.

Чтобы его не подвести, я должна продолжать наш общий путь. Он говорил о Вестоне как о каком-то Священном Граале. Он верил в него – верил, что там оба мы будем счастливы. А раз он верил, то и я должна. Пойду дальше, уцеплюсь за надежду, что там мы еще встретимся. Он уж как-нибудь поймет, где я, и мы там обязательно встретимся. Как это произойдет, я не имела понятия, а вот когда, знала точно: раньше пятнадцатого числа; мы увидимся перед тем, как все будет кончено.

Я дождалась, когда стихли все звуки, кроме гула дорожного движения – никаких шагов, никаких низких голосов, никаких вертолетов или собачьего лая. Усталость и отчаяние отступили, мне опять не сиделось на месте. Я уже не могла дождаться того момента, когда вылезу из кустов, пыталась вообразить, каково это будет – выползти в пустой темный парк. Одна часть моего существа кричала – поскорее, другая – тряслась от страха.

Я поползла вперед на четвереньках, осторожно раздвигая листья лбом, стараясь не думать про то, что на эти кусты многие годы писали все здешние собаки. Темень стояла почти непроглядная; горка и качели на детской площадке казались какими-то призраками на

краю лужайки. Никого, но я все же помедлила немного. Грустно было покидать наше убежище – последнее место, где мы еще были рядом. Мне это кажется или его едкий запах еще остался на листьях?

– Пока, Жучила, – проговорила я, не раскрывая губ. – Увидимся в Вестоне.

Я как можно быстрее зашагала по дорожке к центру города. Вглядывалась в темноту перед собой, не таится ли там опасность. Даже не заметила, что по мокрой траве кто-то идет, а когда заметила, было уже поздно.

– Ой! Тут тебя только ленивый не ищет. В том числе и мой папенька, – прозвучал голос слева от меня. Девчоночий голос с интонацией, какую слышишь только по телику – у всяких дурищ из сериалов. Я встала как вкопанная и развернулась в ту сторону.

– И что?

Покажи, что ты не из слабаков, не выказывай страха. Теперь я их видела – из темноты шагнули три девчонки. Примерно моего возраста, и одеты так же – джинсы, «кенгурушки».

– И заработает сверхурочных будь здоров. Надо будет на этой неделе страсти с него пару лишних фунтов.

Обе ее приятельницы рассмеялись. Две девчонки с проколотыми носами и колечками в губе. Подошли поближе, смерили меня взглядом.

Случись это раньше, я бы, наверное, попыталась удрать или, может, сгорбилась бы и уставилась в землю, но сейчас я и не сморгнула – смотрела на них в упор, и все. Понятное дело, тут же всплыли их числа. У всех было впереди по шестьдесят – семьдесят лет, так что пирсинг – это лишь знак подросткового бунта против сытой жизни, этих девчонок ждет комфортная жизнь и, наверное, по мужу и два целых четыре десятых ребенка на каждую.

– А ты не похожа на террористку, – снова заговорила первая. – Ты правда взорвала эту бомбу?

– Конечно нет.

– Чего же тогда скрываешься?

– Копов не люблю. Прости, без обид, – добавила я, вспомнив про ее папашу.

– Какие там обиды. – Она почти что улыбнулась. – Но ты

сбежала же после взрыва.

– Ну да, так уж вышло, сама понимаешь.

– Не понимаю. Как вышло?

Сил на вранье у меня не осталось.

– Да так... в общем... я почувствовала, что случится беда.

– Она и случилась.

– Ага.

– Ты, что ли, часто чувствуешь, что должно случиться?

– Ну, вроде того.

– Так, выходит, ты знаешь, зложим мы тебя или нет?

Я помолчала. Не собираюсь я ничего у них вымаливать.

– Вроде как не зложите, – сказала я ровным голосом.

– А чего бы и нет?

– Не похожи вы как-то на падл.

Это был комплимент, рассчитанный на то, чтобы подольститься. И он сработал.

– Да, я не падла. Тут ты права. – Пауза. – Только если ты пойдешь в эту сторону, через пять минут тебя сцапают. Через центр тебе не пройти. Там слишком людно. Да и куда ты, кстати, намылилась?

– Мне вообще-то к западу, в сторону Бристоля.

Говорить про Вестон не хотелось: это только наш секрет, мой и Жука.

– Автобусом?

– Пешком.

– Пешком? Ни фигя себе! Голодная?

Питались мы в последние дни так странно, что я уже и сама не понимала, голодна я или нет. Потом припомнила: после завтрака я ничего, по сути, и не ела, а с завтрака прошло лет сто.

– Есть немного.

– Ладно, у меня мысль. Давай попробуем по задворкам к моему дому.

Подруги посмотрели на нее как на ненормальную.

– Слушай, по-моему, это не самая хорошая идея, – наконец произнесла одна из них.

– Заткнись, идея просто отличная. Уж там-то точно не станут искать.

– А если станут? Мало тебе не будет.

– Да не станут. Все будет клёво. – Она оборвала разговор, резко развернувшись и зашагав назад через лужайку. – Догоняй! – прошипела она.

Я двинула следом, две ее приятельницы шли за мной. Я так и не поняла, можно ли ей доверять; впрочем, особого выбора у меня не было. Шагали мы быстро, в полном молчании. Она вела нас по каким-то задворкам и закоулкам, между заборами и игровыми площадками. Потом вдруг остановилась, подождала, пока мы нагоним.

– Пойду разведую, что там и как. А вы ждите. – Свернула за угол и исчезла. Мы остались втроем, сказать друг другу нам было решительно нечего. Девчонки явно относились ко мне с опаской, а я так устала, что мне было на них наплевать.

– Порядок, – сказала, возвращаясь, первая. – Папа еще не вернулся, а мама приклеилась к телику. Пошли с заднего хода.

Приятельницы ее переглянулись.

– Бритни, ты, похоже, с дерева упала. Мы по домам.

– Бросаете меня? – Девицы кивнули. – Ладно, дело ваше, только слушайте сюда. Никому ни слова. То есть вообще никому.

– Это-то понятно.

– Ладно, завтра увидимся.

– Давай.

Они зашагали прочь.

– Им можно доверять? – спросила я.

– А то, они люди надежные. А кроме того, знают: проболтаются

– я их урою. Так что у них порошу не хватит. Вперед.

Мы обогнули угол дома и вошли через заднюю дверь, пробрались через кухню, поднялись наверх. На дверях спальни висела табличка – рамочка из роз, а в середине слова: «Комната Бритни». Ниже имелась свежая приписка: череп и перекрещенные кости и крупная надпись: «Не соваться». Внутри стены были выкрашены в темно-красный цвет и густо увешаны плакатами и вырезками из журналов – Курт Кобейн, «Фу файтерс», «Гэллоуз». На кровати лежали груды подушек и не то одеяло, не то покрывало, черное, пушистое. В принципе довольно клевая комната. Я вспомнила свою последнюю комнату, у Карен, свои немногочисленные вещички, которые истребила.

– Хочешь – садись на кровать, хочешь – на бин-бег.

Я неловко примостилась на краешке кровати. Бритни села рядом.

– Ну? – сказала она. – Я – Бритни, а ты... Джемма?

– Джем, – ответила я.

Вот теперь, когда мы оказались в ее комнате, понт с нее маленько слетел. Собственно, было видно, что она нервничает, а значит, тот фасад, которым она ко мне повернулась в парке, был всего лишь фасадом. А на деле она трусит не меньше любой другой. Мы просидели в молчании целую вечность, а потом она поставила какую-то музыку и пошла раздобыть еды, а я осталась одна.

Сидела, осматривалась. Клевая комната. Кроме всех этих плакатов, был там настоящий туалетный столик с косметикой и коробочками для всяких побрякушек, а еще – куча фотографий в рамочках: родственники, домашние животные. На парочке фотографий Бритни была с мальчишкой, явно младше нее, – на одной у него были густые кудряшки, а на другой он оказался совсем лысым, только улыбка осталась той же, от уха до уха. Выходит, у нее где-то есть еще и брат?

После нескольких дней на свежем воздухе в комнате с центральным отоплением оказалось нечем дышать. Я начала потеть и сообразила, что несет от меня будь здоров. Сняла зеленую куртку, но сильно уютнее не стало. Стянула «кенгурушку», положила ее на куртку сверху. Теперь они лежали одинокой кучкой на ковре – то еще безобразие. Грязнущие – будьте-нате; впрочем (я посмотрела вниз) джинсы и кроссовки не лучше. Нельзя сказать, чтобы в комнате у

Бритни было так уж чисто, но я все равно почувствовала себя не на месте, как кусок дерьма на ковре.

Бритни вернулась с большой пиццей на тарелке, бутылкой кока-колы и стаканами. Запах пищи одновременно пробудил и голод, и тошноту. Она протянула мне тарелку:

– Простая, только сыр и помидоры, ничего?

– Да нормально.

Я взяла кусок, все еще не решив, стоит мне есть или нет. Бритни уже жевала, поглядывая на меня и в то же время стараясь не поглядывать. Я откусила маленький кусочек, медленно разжевала, проглотила. Вроде ничего, скользнул в желудок, да там и остался, тогда я доела свой ломоть и потянулась за вторым. Так мы и сидели, жевали и пили. Просто сюр какой-то. Вроде бы подростки как подростки – сидят у себя в комнате, лопают пиццу, запивают кока-колой. Вот только мы не хихикали, не болтали про мальчишек и про косметику. Мы сидели, остро ощущая установившееся молчание, подыскивая, что бы сказать.

Где-то на самом доньшке моих мыслей оставался страх, что все это может быть западней. И тогда я спросила ее напрямик:

– Зачем ты это делаешь? С какой радости мне помогаешь?

Она положила свой кусок на тарелку:

– Так я в жизни не общалась со знаменитостями. Ну, если не считать этой актрисы из «Истэндерс», которая пару лет назад приезжала зажигать рождественскую елку; только она стерва.

– Знаменитость? – повторила я. – Ты это о чем?

– Ну, может, ты не знаменитость. Но про тебя все знают. Весь город только о тебе и говорит. Да и вся страна. В Интернете о тебе ходят всякие сплетни, вывешивают фотографии, рассказывают, что якобы видели тебя в наших краях, кстати, довольно многие. Вот я и подумала, что ты, наверное, тут объявишься. «Главный свидетель» – вот кто ты такая.

– Я обычная девчонка. Я ничего не сделала.

– Да, но они-то этого не знают, верно? Может, ты ничего и не сделала, зато что-то видела. Можешь выступить свидетелем. – Бритни откусила еще кусок пиццы. – А ты действительно что-то

видела?

Я вернулась мыслями в тот день. Сейчас казалось, это было год назад. До того, как мы угоняли машины, часами шли по бездорожью, спали в лесу, до того, как отыскиали этот коровник...

– Эй, ты чего? У тебя лицо стало странного цвета.

Похоже, тепло, пища и усталость сделали свое дело: комната поплыла у меня перед глазами.

– Голова закружилась.

Бритни вскочила с кровати, взяла мою тарелку.

– Давай приляг. Сейчас пройдет.

Я легла, но стало только хуже. Я не успела встать и дойти до туалета – меня вырвало пиццей и кока-колой, прямо на ее пушистое черное покрывало. Она пришла в ужас – я, честно говоря, тоже. Она проявила ко мне доброту, которой я ну никак не ждала, а я взяла и перепачкала ей комнату. Я села.

– Прости. Прости, пожалуйста, – пробормотала я. Блин, понятно, почему меня никогда никуда не приглашают.

– Да ничего, сейчас разберемся. – Бритни выскочила из комнаты, я же встала и распахнула окно, чтобы выветрился запах. Прислонилась к оконной раме, втянула студеньный ночной воздух. Бритни вернулась с ведром и тряпкой, я забрала у нее тряпку, намочила и стала вытирать блевотину с искусственного меха. Безднадежное занятие.

– Слушай, давай ты сходишь в душ, а я пока тут приберу. Насчет шума не заморачивайся, мама решит, это я моюсь.

Она показала мне, где у них ванна, пустила воду.

– Погоди, сейчас принесу тебе что-нибудь чистое. – Она исчезла и скоро вернулась со стопкой чистых, проглаженных шмоток, а еще с большим пухлым полотенцем. – Только давай недолго. Мамина передача закончится через десять минут.

Бритни опять испарилась, я заперла дверь. Ванная постепенно заполнялась паром. Я провела мочалкой по зеркалу над раковиной. Из зеркала на меня кто-то смотрел, но я не узнавала эту девчонку. Почти лысая, под глазами огромные круги, на вид лет двадцать, а то и

все двадцать пять, футболка перемазана блевотиной. Я отвернулась, скинула с себя грязное, шагнула в душ.

По телу потекли ласковые теплые струйки. Я вдохнула пар, подставила под воду лицо. Вслепую нашарила ближайшую бутылку с шампунем, выдавила, взбила пену на стриженной голове, потом по всему телу. Комки пены скатывались по коже, оседали в поддоне, и я чувствовала, что становлюсь все чище. Я потерла под мышками, между ног, и тут вдруг подумала: «Я ведь смываю его» – и мне стало грустно. Последние сутки я носила на себе запах Жука – на коже, внутри. А теперь он по спирали утекал в водосток.

Я выключила воду, шагнула на мокрый пол. Обмоталась чистым полотенцем, нагнулась, концом вытерла голову.

В дверь негромко стукнули.

– Ты там как? – прошептала Бритни.

Я открыла задвижку, приотворила дверь. Мы неожиданно оказались лицом к лицу и обе чуть-чуть отскочили.

– Сейчас иду, – прошептала я.

Закрыла дверь, быстренько вытерлась, оделась. Шмотки были что надо – именно то, что я и ношу. Чуть великоваты, но несильно. Я собрала свои грязные вещи, подхватила полотенце и на цыпочках пошла по коридору в комнату Бритни.

Она, как могла, навела порядок, но след от блевотины все равно остался.

– Прости, – сказала я еще раз.

– А, ерунда. Тебе лучше?

– Ага.

– Я вот подумала: лучше всего тебе будет отоспаться тут немного, а с рассветом двигать дальше.

Я уставилась на нее. Она что, совсем тронутая? Или просто удерживает меня тут до возвращения папочки?

– Нет, мне нужно идти.

– Ты же ничего не увидишь. А так двинешь пораньше – за пару часов до того, как все встанут.

Она была права, но мне не хватало воображения представить, что я проведу эту ночь в доме у копа.

– А сюда никто не придет? – спросила я.

Она улыбнулась.

– Пусть попробуют. Во-первых, я сказала им: не лезьте. Во-вторых, они страшно боятся тут чего-нибудь обнаружить. Собственно, обнаруживать-то нечего: никаких наркотиков, презервативов, таблеток, даже сигарет нету. Одна только я. Может, меня-то они и боятся. Мои родаки не больно секут в подростках. Так что оставайся, тут абсолютно безопасно.

Она, похоже, меня чуть ли не упрасивала. Видно, не понимала, что власть-то в ее руках. Моя безопасность висит на серебряной ниточке, на паутинке. Ее даже и резать не нужно – только дунуть, паутинка натянется и разорвется. Бритни достаточно только слегка напрячь горло, крикнуть маме – и готово дело.

– А твой брат не придет?

– А... нет, он умер в прошлом году.

Не умею я придержать язык.

– Прости. Я просто увидела его на фотографиях. Прости.

– Да ладно. Откуда тебе было знать?

«Ну, – подумала я, – могла бы догадаться по его лысой голове».

Бритни возилась с подушками и одеялами.

– Ты давно последний раз спала в постели? – спросила она.

Пришлось посчитать.

– Три ночи назад, – ответила я.

Теплый душ и сама роскошь того, что я в доме, как-то меня размягчили. Сейчас и помыслить было страшно выходить на холод, в темноту. Только не сегодня.

– Ты спи здесь, а я рядом, на полу.

Она подтащила бин-бег и принялась оборачивать его одеялом.

– Да ладно тебе. Это твоя комната. Я так не могу.

– Еще как можешь. Тебе нужно выспаться. Как следует.

– Нет, не могу. Так нечестно. Чем выгонять тебя из собственной кровати, я уж лучше уйду. Правда.

– Ну ладно.

Она встала, залезла в постель, а я свернулась калачиком на бин-беге – и тут же об этом пожалела. Неудобно было – жуть.

Бритни погасила свет.

– Спокойной ночи, Бритни, – сказала я.

– Спокойной ночи, Джем.

Меня качало на волнах усталости и тошноты. Я боялась, что меня снова вырвет. В голове крутились события прошедшего дня – только сегодня утром я проснулась у Жука в объятиях. Сейчас казалось, это было много лет назад. Слишком много всего случилось.

Сквозь тонкие занавески пробивался свет уличных фонарей, я лежала на неудобном бин-беге, широко раскрыв глаза, разглядывая комнату. Каково было бы быть этой девчонкой, у которой есть мама и папа, клевая комната, друзья-подружки? А еще – мертвый братик. Никакой уют не в силах отменить реальность. От смерти не уйти: она рано или поздно придет к каждому. И это возвращало меня обратно к Жуку. Ну и где он теперь? Я лежала, и мне до боли хотелось убедиться, что с ним все хорошо. До боли хотелось оказаться с ним рядом.

Где-то мерно тикал будильник, тиканье наполняло комнату, каждый звук казался ударом молотка по голове. Осталось три дня.

Я лежала без сна в мягком сумраке комнаты Бритни. Бритни свернулась калачиком на кровати, глаза закрыты. Дышала она ровно, но я не могла понять, спит она или нет. Сама я устала, как собака, а сна ни в одном глазу. Мне не хотелось ее тревожить, но лежать на этом бин-беге было чистой мукой.

Прошло минут пятнадцать, и она, к моему облегчению, сама зашептала:

– Ты не спишь?

– Нет.

– Я тоже.

– Чего-то не заснуть.

– Слушай, залезай сюда. Клади подушку на тот конец – можем спать «валетом».

На бин-беге мне все равно ни в жизнь не уснуть, так что я послушалась, с благодарностью натянула одеяло, поджала ноги, чтобы не занимать слишком много места. Еще несколько дней назад я бы ни за что так не поступила, ни за что не легла бы с кем-то в одну постель, но теперь это было вроде как и нормально: нормально находиться с кем-то рядом, доверять кому-то.

– Когда мы были маленькими, мы часто ложились вот так с братом, а мама читала нам книжку. У тебя есть семья?

– Я живу у приемной матери, а с нами два малыша, близнецы.

– А какая она? Твоя приемная мама.

Слова вылетели сами собой – рефлекторно:

– Карен? Сука.

– Правда?

И тут – правда, между делом – я подумала про Карен. Какая там она на самом деле?

– Ну, если подумать, наверное, не сука. Она вроде как хорошо ко мне относилась, хотела помочь. Вот только... не такая мне нужна

помощь. Она меня не понимает, не сечет.

В полутьме я увидела, как Бритни согласно кивнула:

– Не мне рассказывай. Мои родаки, кажется, вообще никогда не были молодыми – так и родились ближе к старости.

– Но так-то они ничего?

– Ну, в общем, ничего. Им крепко досталось. Я, пожалуй, слишком многого от них хочу.

– Бритни, ты если что, скажи – и я заткнусь, но... но... если бы ты знала, что твой брат проживет всего несколько лет, ты бы вела себя с ним по-другому?

Она вздохнула, и мне показалось, что я в очередной раз переступила черту, но потом она ответила:

– Мы, собственно, всё знали. Вернее, родители знали – мне-то они сказали уже в самом конце. Только я думаю: знай мы, когда именно он умрет, это вряд ли бы многое изменило. Даже когда он заболел, мы жили как обычно, развлекались, когда ему становилось лучше, путешествовали, ездили отдыхать, все такое. – Она смолкла, но я не стала встречать, чувствовала, что она скажет еще что-то. – А с по-настоящему важными вещами мы и так разобрались: Джим знал, что я его люблю, а я знала, что он любит меня. Не какой-то там глупой любовью, с цветочками и сердечками, а как положено брату с сестрой. Он, правда, иногда меня доводил – до самого того момента, когда... когда...

– Прости, не хочешь – не надо...

– Да нет, я спокойно про это говорю. Смерть – нормальная вещь, не понимаю, почему все так от нее шарахаются. Каждому приходится с ней иметь дело. Почти все люди хоть кого-нибудь да теряли, но почему-то не говорят об этом.

В темноте говорить было проще. Я перестала стесняться, слова выскакивали сами собой. А может, дело было в Бритни: она умела говорить, я умела слушать. Я вдруг почувствовала, что могу сказать ей что угодно.

– У меня мама умерла. – Слова вылетели как бы произвольно. – Мне было семь лет, но я не почувствовала того, что чувствовала ты. Скорее... ну, не знаю... злость, пустоту. Будто она

меня бросила. Взяла – и ушла.

– Она болела?

– Нет. Передозировка. Случайно. То есть я почти уверена, что случайно. Вряд ли она хотела умереть, но, с другой стороны, жить ей тоже не особенно хотелось. Для нее главным было раздобыть очередную дозу. Я всегда это знала, хотя никому и не говорила – я для нее не представляла особой важности, всяко не была на первом месте. Она променяла меня на героин.

– Но вряд ли она сознательно выбирала, Джем. Ты сама только что сказала – она была наркоманкой. И это было не в ее власти. Она была больна, как и Джим.

– Все равно я не прощу, что она меня бросила.

– За столько лет могла бы и простить. Постарайся, отбрось злые мысли.

Я попробовала осмыслить ее слова, дать им закрепиться в сознании. Вообще-то, похоже, она просто насмотрелась сериалов. В жизни все совсем не так просто. Непросто двигаться вперед, если движет тобою одно – озлобленность.

Вот только теперь у меня была не одна озлобленность – еще был Жук, и я должна его увидеть, должна его спасти, ведь он дал мне что-то еще.

Тут снизу раздался какой-то шум, резкое бряканье – и мы обе подскочили как ошпаренные.

– Папа вернулся. Схожу посмотрю.

Бритни вылезла из кровати, накинула халат и побежала вниз. Дверь она оставила приоткрытой – я взяла с прикроватного столика будильник, пристроила его в луче света, проникавшего с лестничной площадки, и разобрала время. Пятнадцать минут третьего. Снаружи доносились голоса: тихое бормотание Бритни и глубокий басовитый голос ее папы. Я разобрала лишь несколько его слов, но они заставили меня выпрыгнуть из-под одеяла и прикинуть к двери. Сердце бухало где-то в горле.

– С катушек слетел... мы ввосьмером... ну и силища...

Я приоткрыла дверь пошире, вслушиваясь изо всех сил. Голоса, долетавшие снизу, мешались с голосом Жука, звучавшим у меня в

голове: «Я так просто не сдамся, Джем. Я буду драться, Джем. Буду драться».

Что же он натворил?..

– Умер в камере. Расследование...

Господи... Значит, он устроил потасовку, как и собирался. Я же ему говорила – не надо! Говорила – оно того не стоит. Как же это могло произойти? Как получилось, что точка поставлена на три дня раньше срока? Мне хотелось кричать, плевать я теперь хотела, обнаружат меня или нет. Если Жук умер, мне больше ничего не нужно. Тело превратилось в крик, по коже пробежали искры. Нас обманули, лишили последних нескольких часов вместе, возможности попрощаться – и это было непереносимо.

Голоса приблизились и теперь звучали возле самой двери. Я и не заметила, как они поднялись по лестнице.

– Спокойной ночи, малыш. Иди, ложись. А я приму душ.

– Ладно, спокночь, папа.

Бритни вернулась в комнату. В руке у нее была кружка, увидев меня у двери, она ахнула. Я увидела, что глаза у нее расширились и она торопливо прижала указательный палец к губам. Закрыла дверь – я сползла вниз по косяку, по лицу беззвучно катились слезы. Бритни опустилась на пол со мной рядом.

– Ты чего? – прошептала она.

Я не могла выдавить из себя ни слова.

Он умер.

Все кончено.

– Слушай, расскажешь через минутку, когда папа пустит воду. Ложись в кровать, я вон чая принесла. Давай.

Она поставила кружку, помогла мне подняться, отвела в кровать.

Чай я пить не смогла, мне даже дышать удавалось с трудом – по всему телу разлилось черное отчаяние. Через минуту-другую хлопнула дверь спальни, в душе потекла вода. Бритни подвинулась под одеялом, положила ладони мне на ноги.

– Теперь можно говорить, но только давай потише. Что

случилось-то?

– Он погиб, да? Я все слышала. Его больше нет.

Слова выходили какие-то увечные, смазанные, но Бритни сумела понять.

– Да нет же, балда, это тот, другой.

– Что?

– Второй парень, которого они арестовали. Папа сказал: здоровенный и весь в татуировках.

Так значит Татуированный?

– На него в камере что-то нашло, он принялся крушить все вокруг. Они ввосьмером стали его утихомиривать, а он взял и помер.

– Помер?

– Пока непонятно: то ли кто-то его ударил, то ли у него просто случился сердечный приступ. В общем, в полицейском участке полный дурдом. Папа был одним из восьмерых, и его временно отстранили от работы.

Татуированный, не Жук. 11122009.

– Бритни?

– Да?

– А ты знаешь, когда это случилось? В котором часу?

– Незадолго до полуночи. В самом конце папиной смены.

Качнувшийся мир медленно вставал на свое место. Земля выскользнула у меня из-под ног, ход вещей перестал подчиняться правилам, а теперь все возвращалось к привычной действительности: скверной, даже кошмарной, но привычной. Числа – реальность. Жук жив, но ему осталось всего три дня.

– Ты в порядке?

– Да, вроде того.

– Тебя пожалеть?

Я не ответила, но она все равно придвинулась и обхватила меня руками. Я одеревенела, она, наверное, почувствовала это, но не отстранилась.

– Все хорошо, – сказала она. – А будет еще лучше. Давай, глотни чаю.

Она передала мне кружку – горячий сладкий чай, я давно не пробовала ничего такого вкусного. Я выпила всё до последней капли, а потом мы легли, свернулись на разных краешках постели, соприкасаясь ногами. Чай меня успокоил, а голова была набита так, что думать уже не было никакой возможности. Вот теперь я почувствовала, как вымоталась. Ощущала, как по телу прокатываются волны сна.

– Бритни? – тихо позвала я в темноту.

– М-м?

– Спасибо.

– Да ладно.

– Я серьезно.

– Заткнись и спи.

Последние слова заставили меня улыбнуться, я будто услышала свой собственный голос. И тогда я заснула – мгновенно, без сновидений, и на несколько часов оказалась очень далеко от этого мира, от часов, неуклонно отсчитывающих секунды: тик, тик, тик.

Я нашарила будильник, поднесла к глазам. Почти половина седьмого. Снаружи еще темно, но скоро начнет светать. Я поерзала под одеялом, пытаюсь понять, как там мои травмы.

– Проснулась? – прошептала Бритни.

– Да.

Честно говоря, чувствовала я себя паршиво. Да, я крепко проспала несколько часов, но усталость не прошла, голова кружилась.

– Нам совсем, совсем нельзя шуметь.

– Ладно.

Спали мы не раздеваясь, так что просто встали в темноте и крадучись пошли вниз.

– Я первая, чтобы не встревожить Рея.

Что еще за Рей?

Она приоткрыла кухонную дверь, я услышала ее шепот. Так, выходит, все-таки ловушка. Я могла бы и сразу догадаться, что таких чудес не бывает. Все и всегда предают. Я окинула глазами коридор. Еще можно выбраться через парадную дверь.

– Порядок, входи. – Бритни поманила меня в кухню.

Я еще раз посмотрела на парадную дверь, но какой-то внутренний голос твердил: этой девчонке можно доверять. Подошла к квадратику света, обозначившемуся в дальнем конце коридора. Бритни стояла в кухне согнувшись и держала за ошейник огромного пса, здоровенную лохматую немецкую овчарку. Животные – это не ко мне. Своих у меня, понятно, никогда не было, и я совсем в них не разбираюсь. И вообще не просекаю, с какой радости некоторые с ними возятся, да еще и разговаривают. Бред, да? Они просто не понимают, что животные – другие, не похожие на нас, не люди.

– Закрой за собою дверь, – прошипела Бритни. – Это Рей, папин служебный пес.

Блин! Угораздило – заперта в комнатухе два с половиной на

три метра, рядом с гребаным полицейским псом.

– Он тебя вчера тоже искал, правда, Реюшка? Ну вот, а теперь нашел, да? Умница. Поздоровайся с ним, – обратилась ко мне Бритни, – тогда будет порядок.

– Привет, – сказала я, пытаюсь не смотреть псу в глаза и вообще его не злить.

Бритни сдавленно хихикнула:

– Да нет, не так, погладь его. По холке, не по голове. Давай, тогда он поймет, что ты своя.

– А он меня не укусит?

Бритни улыбнулась и качнула головой.

Я подошла поближе, опасаясь, что пес подскочит и схватит меня за руку своими здоровенными зубами. Медленно, медленно нагнулась, положила руку на шерсть у начала шеи, задержала ее там. Под шкурой я чувствовала его крепкое тело, теплое, полное жизни, а сама шерсть оказалась просто невероятной, такой чистой и мягкой. Можно было подумать, что я трогаю рукой льва. Я чуть пошевелила рукой.

– Привет, Рей, ты хороший пес.

Слова вышли такими же деревянными, как и движения. Рей понюхал мою ногу, а потом стремительно, даже агрессивно потерся огромным твердым носом о мои джинсы, едва не свалив меня с ног.

– Чего это он?

– Да ничего. Ты ему понравилась, вот он и метит тебя своим запахом.

Мешать ему я не собиралась, стояла и смотрела, как он оставляет на мне свою метку. Если подумать, выходит, что умом собаки не отличаются. Он не врубился, что принял в свою стаю врага.

Бритни возилась в углу, ко мне спиной. Потом она развернулась и торжествующе продемонстрировала мне рюкзак – черный, но весь в нашивках и значках.

– Я сложила сюда всякое. Твои одежки, кое-что из еды, воду тоже. У меня есть одеяло, но оно не влезло, я его привяжу сверху.

Она порылась в ящике, вытащила моток бечевки и начала обвязывать скрученное одеяло. Я даже не знала, что ей сказать.

– Это твой рюкзак?

– Мой, школьный.

– А как же ты?

– Да куплю новый, скажу – лямка порвалась. Делов-то.

Сверху долетел хлопок двери в ванную. Мы переглянулись. Я хотела бежать в ту же секунду. Бритни подняла руку и удержала меня. Спустили воду, потом сверху раздался мужской голос:

– Кто там внизу? Бритни, это ты?

Сердце у меня опять подкатилось к горлу. Бритни открыла кухонную дверь и крикнула:

– Да, пап, это я! Рей тут скулил. Пойду его выведу.

– Давай. Спасибо, малыш.

Бритни вернулась, привязала одеяло к рюкзаку, потом прицепила поводок к ошейнику Рея и пошла к задней двери, поманив меня следом. Я аккуратно притворила дверь – холодный воздух хлестнул в лицо. В помещении мне было душно, не по себе, но теперь предстояло вернуться под открытое небо, и вся неприглядная реальность такой жизни снова встала перед глазами.

Бритни потащила меня задворками. Она вела Рея на поводке, я несла рюкзак. Шли мы молча. Тропки были такие узкие, что идти в любом случае приходилось гуськом: пес, Бритни, потом я. Попетляв и покрутившись несколько минут, мы добрались до ворот между двумя изгородями. Бритни спустила Рея с поводка, он одним махом перепрыгнул через калитку. Мы перелезли следом. На свободе, в открытом поле, пес казался гораздо менее предсказуемым. Я все ждала, что он соберет мозги в кучку и схватит меня, как ему и положено.

– А ничего, что он так?

– В смысле – как?

– Ну, бегают сам по себе.

– Да нормально. Я позову – и он вернется.

– В смысле, с ним не опасно?

Только тут она врубилась.

– Конечно нет. Ты теперь для него своя, он тебя не тронет. Просто погоняется за кроликами, только покакает сначала. Тропинка ведет туда, в тот угол.

Я-то думала, что теперь Бритни повернет обратно, но она пошла со мной рядом – пес то отставал, то нагонял нас снова. Мы почти не говорили: всё важное было сказано накануне вечером, но идти с ней рядом было хорошо.

– И куда ты теперь? – спросила она, помолчав.

– Этого я тебе не могу сказать. Так будет лучше. Не потому, что я тебе не доверяю.

– Ну конечно. Я все понимаю.

– Я вообще-то в одно место, о котором мы говорили с ним, с Жуком. Да, его повязали, но я все-таки двинусь туда. Доберусь сама, а он – я знаю, я в это верю – тоже там окажется. И мы встретимся.

– Очень надеюсь, Джем. Буду кликать тебе удачу. – Мы прошли еще немного, потом Бритни сказала: – Канал в той стороне. Перелезь через ворота, и там дальше есть мост. Перейдешь, потом иди по левому берегу и выйдешь на дорогу. Она ведет до самого Бата. Километров восемнадцать. А нам с Реем пора назад: скоро родаки проснутся.

Вот и добрались. Пора прощаться.

– Спасибо, – сказала я. От всей души.

– Да чего там. – Бритни отвернулась к каналу. – Удачи тебе, Джем. Я тебя не забуду. Было здорово.

Мне очень захотелось ее обнять, но я не знала как, стеснялась. Бритни, похоже, чувствовала то же самое, вот мы и стояли, опустив руки, глядя в землю, и через некоторое время нам самим это стало казаться бессмысленным и глупым. Тогда я кивнула, пытаюсь перехватить ее взгляд.

– Пора мне, – сказала я. – Я тебя тоже не забуду, Бритни.

И я пошла по тропинке к воротам в изгороди.

Взобравшись на них, я оглянулась. Бритни не двинулась с места, все смотрела мне вслед. Я помахала, она помахала тоже, и на душе стало легче: вроде как попрощались по-настоящему, а не просто разошлись в разные стороны. Она немного задержала поднятую руку, потом кликнула собаку и повернулась. Я спрыгнула с ворот и, вскинув на спину рюкзак, зашагала через мост.

Дорожка вдоль канала сильно облегчала дело. Единственный путь, по прямой, не нужно принимать решений и делать выбор, иди себе и всё. Я понимала: раз уж Жука замели, меня тоже поймут – это теперь только вопрос времени. Признаться честно, меня это почему-то не особенно волновало. Самое худшее уже случилось, нас разлучили с Жуком, нас лишили крова, нас оставили без денег. И тем не менее первые полсуток я уже продержалась. И не просто продержалась, а еще и обзавелась новой подругой. Что, плохо?

Шла я весь день мимо небольших скоплений лодок, мимо редких деревушек. На ровной дорожке попадались бегуны трусцой, велосипедисты. Я их просто не замечала: голова опущена, переставляю ноги по очереди, в глаза не смотрю.

Интересно, что это, пожалуй, был первый день, когда я просто шла и шла – не прячась, не отдыхая. Похоже, переживания и непойми-какая еда сделали свое дело, физически я уже была никакая, но не останавливалась. Будто зомби – от усталости и отупения мысли едва ворочаются, просто топаю по дорожке, дальше и дальше. Кстати, с рюкзаком идти оказалось гораздо легче. Блин, ну и усложнили же мы с Жучилой себе жизнь: похватали, что подвернулась под руку, и напихали в полиэтиленовые мешки. Чистые придурки. Стоило подумать о нем, и в глазах защипало. Где он?

Что с ним делают? Пережить это можно только одним способом: шагать дальше, переставлять ноги, вперед и вперед, на запад.

Я поняла, что неподалеку город – на дорожке стало многолюднее: целые семьи, детишки на велосипедах или с собаками, пожилые парочки рука об руку наслаждаются субботней прогулкой под зимним солнышком. По-прежнему не поднимая глаз, я все же чувствовала их настороженность – матери отгоняли от меня ребятишек.

Какой-то карапуз ткнулся-таки мне в ноги и застыл, глядя в глаза. Я почти ощутила, как волосы стали дыбом. Стоит эта малявка, глядя мне в лицо огромными доверчивыми карими глазами, под каждой ноздрей по сопле. 432053. Этот малыш, который еще и не

знает, что такое смерть, умрет, не разменяв полтинника.

Я шагнула в сторону, освобождая ноги от его прилипчивых ладошек, и потопала дальше, а за спиной у меня родители поругивали его, но ласково, в стиле «он же у нас такая лапочка». Прошло две минуты, а мне казалось, что я все еще ощущаю сквозь джинсы влажное тепло его рук.

Мне опять стало не по себе. Скопление людей – это опасность. Если их один-два, с ними еще можно разобраться, а в толпе ты совершенно беззащитен. Попыталась ускорить шаг, но это оказалось не по силам. Я весь день держалась на одном: двигаться дальше, дойти до цели, какой бы она ни была. А теперь я выдохлась, снова напелзал страх. Солнце покатилося вниз, за холмы.

Окрестный пейзаж менялся, свет угасал. Слева и справа к склонам холмов льнули бледные здания. Загорались уличные фонари, окрашивая оранжевым каменную кладку, очерчивая контуры пальцев города, протянувшихся в сторону холмов. Скоро здания обступят меня со всех сторон. Я почти в Бате. Но сегодня мне хотелось, чтобы свет дня не гас. Было жутковато оставаться одной в темноте.

Я вообще-то почти не пугаюсь, правда, не забывайте: самое страшное, что может выкинуть с тобой жизнь, со мной произошло еще в семь лет, но за последние месяцы это как-то переменилось, а уж за последние дни тем более. Теперь мне хотелось одного: найти какое-нибудь безопасное место для ночлега, свернуться калачиком и уснуть. Хотелось просто отключиться, уйти ненадолго из этого мира. Меня вдруг пробрал холод. А не тем же самым занималась моя мама, когда ширялась? Сбегала от реальности на несколько минут? Потому что не могла совладать с жизнью? В одиночестве растить дочь? Жить в занюханной квартирке? Снова и снова сталкиваться с предательством? Раньше я этого никогда не могла понять. В смысле – почему она. А теперь до меня постепенно начало доходить, почему можно мечтать о забвении. Вот только не хотелось мне искать его там, где искала она...

Что-то в этом городе было странное. В моих краях каналы – замусоренные речушки, текущие по задам складов и фабрик. А тут не так. Вдоль канала тянулись металлические ворота, покрашенные белой краской, то и дело попадались симпатичные мостики, украшенные резным камнем.

Скоро дорожка свернула от канала, я вышла на улицу. И оказалась на холме – ничего себе, а ведь вроде весь день шагала по ровному месту. Дорога шла вправо и влево, вверх и вниз, а канал тек себе по равнине, внизу, на другой стороне холма. Я подошла ближе, к каменному мосту, посмотрела на другую сторону. Видно уже было неважно, но я различила силуэты катеров у причала. Тут вряд ли удастся спрятаться. Лучше уж поищу какой-нибудь парк или тихое местечко в чьем-нибудь саду. Я зашагала по улице, потом свернула на другую, поуже. Она была прямо как в кино, декорация для фильма – мощный тротуар, красивые дома.

Час был тот, когда свет в комнатах уже зажгли, а занавески еще не задернули. Каждое второе-третье окошко было чистый экран телевизора: яркое пятно в сгущающейся тьме, которое поневоле притягивало взгляд. Люди сидели у компьютеров или у телевизоров, кто-то читал.

Я увидела эту картинку чужих жизней, и мне сделалось совсем одиноко. Другие сидели в тепле, в безопасности, из кухни долетали вкусные запахи, скоро ужин, у них были близкие, был свой круг. Я заставила себя пойти дальше; какой смысл размышлять, у кого там что есть, мне нужно найти место для ночлега.

Дома по одной стороне улицы закончились. По краю поля тянулась изгородь. Я стала искать, где бы пролезть через нее – не хотелось еще раз напороться на колючую проволоку. Я так устала, что двигалась будто в тумане. Поднялся ветерок, холодом от него пробирало до самых костей. Нужно найти какое-нибудь укрытие, а то утром меня обнаружат замерзшей.

Я перешла через улицу и зашагала вдоль забора. В нескольких метрах показались ворота, я перелезла через них, точнее, перевалилась, после целого дня ходьбы ноги совсем не слушались. Поднялась с земли и тут же во что-то вляпалась. В большую скользкую лужу, вонючую как я не знаю что. Вот класс, опять коровы, только на сей раз разгуливают на свободе.

Травянистый склон поднимался передо мной и исчезал в темноте. Я пошла вдоль изгороди – там земля была поровнее да и видно под уличными фонарями было получше – и наконец уперлась в угол поля, дальше ничего не оставалось, кроме как повернуть от улицы в темноту. Небо будто пропало, отгороженное склоном холма, а я вдруг увидела небольшую рощицу. Она была по ту сторону

изгороди, но рядом оказались еще одни ворота, так что я перевалилась через них и побрела вперед – кустарник так и цеплялся за джинсы; вот и местечко поровнее, под деревьями, собственно, даже углубление в земле, какая-никакая ямка. Я, как могла, огляделась, нет ли и в ней навоза, а потом рухнула на землю.

Свернулась калачиком в одеяле, которое дала мне Бритни, завернувшись прямо с головой. Оно совсем не спасало от ветра. Я подумала, что опять не засну: в голове был Жук и только Жук. Что он сейчас, спит? Или лежит, как и я, без сна, а грудь вздымается и опадает? Сколько вдохов ему осталось? Но когда я перестала дрожать, согрев воздух внутри одеяла своим теплом, меня сморило, окружающий мрак хлынул в голову, отключил мысли.

За мной кто-то гнался, совсем по пятам: я слышала пыхтение, чувствовала его дыхание на загривке. Бежала я так, как еще не бегала никогда. Грудь разрывалась, а я все бежала, бежала, а он нагонял, и спасения не было. Это было ужасно, полная безнадега. Я рывком выскочила из сна, сообразила, где нахожусь, приоткрыла глаза и увидела, как занимается серый рассвет.

Значит, это всего лишь сон. Вот только звук никуда не делся, совсем рядом, так близко, что я слышала каждый вдох и выдох, вдох и выдох. Жук? На какую-то секунду мне привиделось, что это он. Неужели?.. Я перекатилась на другой бок. Надо мной навис какой-то черный силуэт, какое-то животное, оно принюхивалось. Корова? А я думала, коровы на другом поле. Нет, не корова, а собака: огромная черная псина засунула нос в мой рюкзак.

Я застыла. Может, Рей и оказался овечкой в волчьей шкуре, но все равно не доверяю я собакам, а эта оказалась огромной зверюгой, рослой и поджарой, хотя на холке и задних лапах отчетливо проступали мускулы.

Тут раздался еще один звук, женский голос:

– Спарки! Ко мне! Ко мне!

Псина дернула ухом. Она явно расслышала хозяйкин зов, вот только остатки хлеба, который Бритни сунула мне в рюкзак, казались ей интереснее. Голос приближался, и вот его обладательница вывернула из-за угла: резиновые сапоги, толстое пальто, шарф. Увидев нас, она рванула бегом:

– А, черт! Спарки, ко мне!

Пес поднял голову, потом снова зарылся в рюкзак. Понимал, что времени у него мало. Последний шанс хапнуть еще кусочек. Тетка схватила его пальцами за ошейник и дернула на себя.

– Простите, простите. Еду почуял. Любит он так промышлять. Господи, он съел ваши припасы! Какой ужас!

Голос был взволнованный и фальшивый.

Повисло неловкое молчание. Я так и лежала на земле, еще не

очухавшись от сна. Тетка с псиной нависали надо мной. Тетка ждала, что я скажу, явно боялась скандала. Я села и прямо на попе отодвинулась от них подальше.

– Простите, он вас разбудил? Перепугал? Он не кусается. Ему только еда нужна. Послушайте, я тут живу совсем рядом, идемте, я накормлю вас завтраком, налью чая.

Непохоже, чтобы она приглашала меня от души; просто хотела, видимо, хоть как-то отмазаться.

– Нет, – наконец выдавила я. – Ничё страшного.

– Но он съел вашу еду. Может, принести вам чего-нибудь?

– Да правда не надо. Ерунда.

– У меня, кажется, нет с собой денег. – Она пошарила по карманам. – Вот, смотрите, этого хватит, чтобы позавтракать.

Она протянула мне какую-то мелочь. Я хотела одного – чтобы от меня отстали. Чтобы она забрала свою псину, свою казенную любезность, свою дежурную жалость и свалила отсюда.

– Мне на фиг не нужны ваши деньги. Сама разберусь.

Это сработало. Она явственно отшатнулась, покрепче сжала ошейник.

– Хорошо, ладно. Ладно. Простите.

Шагнула назад, нагнулась пристегнуть поводок.

Они спустились с холма, описали широкий полукруг, прошли через ворота на соседнее поле, там ненадолго остановились. Тетка отстегнула поводок, покопалась в кармане, оглянулась на меня. И тут пес внезапно сорвался с места и длинными прыжками помчался по полю. Тело его зыбилось, будто по нему одна за другой проходили волны, он был похож на маленькую черную скаковую лошадь. Тетка зашагала по тропинке, а я стояла и смотрела им вслед. Пес сделал три больших круга, потом подбежал к хозяйке и затрусил рядом – в утреннем свете было видно, что от него поднимается пар. Глядя на эту пару, я почувствовала себя еще более одинокой. Кто бы мог подумать, что это возможно.

От двух фигур, которые уже достигли дальнего конца поля и стали совсем крошечными, взгляд мой переместился дальше.

Вчерашний ветер стих. Небо над головой сияло чистой бледной лазурью, в нем еще стояли последние звезды. А ниже, почти на уровне земли, над полями пролетали ослепительно-белые, пушистые ватные облака. Кое-где их протыкали шпили и башни медового цвета: острова посреди волнующегося моря. Я в жизни ничего такого не видела. Где-то, укрытые толщей тумана, люди спали, пробуждались, пукали, почесывались, шли пописать, но над слоем тумана словно возник какой-то Диснейленд.

Еще вчера мне было страшно ватно соваться в город. Но тут я внезапно почувствовала прилив уверенности. В таком месте со мной просто не может случиться ничего плохого. Я свернула одеяло, привязала к рюкзаку. Озябшие пальцы слушались плохо. Все вещи, в том числе и одежда, промокли от росы.

Я зашагала вниз по склону к воротам, оставляя на тропинке третью цепочку следов, рядом со следами тетки и ее собаки. Потянувшись к воротам, чтобы их открыть, я увидела на столбе стопочку мелких монет. Оставила все-таки свою мелочь. Я сунула деньги в карман. Брать их было неприятно – не то что брать вещи у Бритни. Это напоминало благотворительность, а мне на фиг никакая благотворительность не нужна.

Я вышла через дальние ворота, перешла улицу. Вокруг никого. Прошла по переулочку между двумя рядами одноэтажных домиков: держала путь в центр. Дорожка нырнула под железнодорожный мост, и я вдруг опять оказалась в двадцать первом веке, рядом с шумной магистралью, по которой неслись легковушки и грузовики, сбивая меня с толку светом фар, вызывая грохотом звон в ушах. Я все еще не до конца проснулась. Посмотрела – вроде бы в потоке наметился просвет – и ринулась напролом.

Справа взревел гудок, вызвав резкий выброс адреналина, заставив сердце подпрыгнуть, а ноги задвигаться проворнее. Да что это, блин, такое? Пора уже собрать мозги в кучу. Еще примерно минуту я бежала, потом перешла на шаг, переправилась по мосту через мутную бурю речку. На другой стороне маячили отели и бары, а дальше магазины, не обычные, а те, в которых толкуются туристы. Обдираловка. Во всех витринах стояли елки, горели лампочки – блескучая, пошлая дешевка. Все закрыто.

Я глянула на часы. Всего-то без десяти восемь. В самом центре стали попадаться хоть какие-то люди: мойщики окон, мусорщики,

опустошавшие бачки, кто-то открывал магазин, кто-то просто торопился мимо, упрятав подбородок в шарф, от некоторых пахло дымом первой утренней сигареты. На меня никто даже не взглянул. В это время дня чужие проблемы всем до фени. Если ты поперся на улицу в такой час, значит, у тебя есть дело, тебе куда-то надо, и некогда глазеть по сторонам.

Колено у меня все еще болело, но я решила не останавливаться и быстро прошагала через центр. На каких-то ступеньках расположилась группа бомжей, они потягивали на завтрак пиво.

– Как жизнь, подруга? – окликнул меня один из них, протягивая пивную банку.

«Он решил, что я такая же, как они, – подумала я, – бомж приветствует бомжиху. Да он и прав, разве я не бомжиха?»

– Нормально, – ответила я, снова опуская глаза на тротуар, на автомате избегая его взгляда, не останавливаясь, перешагивая через банки, которые валялись возле ступенек.

Потом я шла по главной улице, обвешанной всякими рождественскими украшениями, в конце оказалось единственное место, открытое в такой час, – «Макдоналдс». Денег мне хватило на чашку чаю и маффин с яйцом. Мне всегда нравился особый запах в «Макдоналдсах», но тут, пока я ждала, когда кассир принесет мне заказ, меня начало мутить. Я забрала еду, вышла на улицу, радуясь свежему воздуху, и побрела дальше.

Впереди замаячила какая-то арка. Она вела на площадь, где стояло множество скамеек, а в центре росло огромное дерево. А прямо передо мной оказалась здоровенная церковь с башней. Нормальное место, ничем не хуже других. Я села, поставила стакан с чаем на скамейку рядом с собой.

Развернула маффин. Желток лопнул и растекся. Я оголодала, но это есть не могла. Положила маффин на скамейку, взяла чай, сняла пластмассовую крышку. Отхлебнула: во рту сделалось так горячо, что я поняла, как сильно замерзла.

Посмотрела на здание, возвышавшееся слева. На обоих углах висели таблички: «Батское аббатство». В середине – здоровенная деревянная дверь. Над ней – громадное полукруглое окно. А по обеим сторонам, до самого верха, в камне вырезаны горизонтальные полочки, а на них стоят фигурки, точно люди на лестнице.

Собственно, так оно, наверное, и есть: каменная лестница, а по ней карабкаются каменные человечки. У некоторых отколоты руки-ноги-головы, отчего они похожи на смазанный рисунок, а у тех, что уцелели, есть еще и крылья. Ангелы? Явно пытаются забраться наверх, хотя некоторые при этом перевернулись вверх тормашками и того и гляди навернутся. Вот придурки, у них же есть крылья, взлетели – и все дела.

Я пила чай и рассматривала эти странные фигурки. Горячий напиток согрел меня, и я снова почувствовала себя человеком. Взяла маффин. Он успел заledenеть, а желток затвердел. Откусила кусочек, но желудок тут же взбунтовался. Не пройдет номер. Я выплюнула булку обратно в обертку.

Вокруг начали появляться люди. Все они направлялись куда-то к углу аббатства: сквозь наскоро сколоченную арку я разглядела там какие-то деревянные ларьки – видимо, рыночек. Я заметила, что на меня поглядывают, мне опять сделалось не по себе, я почувствовала свою незащищенность. Пора двигать, найти какое-нибудь местечко потише и уж там посидеть, сообразить, что же делать дальше. Я встала, вскинула на спину рюкзак. Собиралась уже уйти, а потом вдруг вспомнила – взяла пустой стаканчик, чертов маффин, все еще в обертке, и бросила в урну, стоявшую совсем рядом.

– Спасибо, – сказал мужик в длинном пальто и шарфе, как раз проходивший мимо, – что вы не мусорите во дворе аббатства.

Он приподнял руку, точно приветствуя меня, и зашагал к дверце, расположенной сбоку от главного входа; на поясе у него побрякивала большая связка ключей. Я отвернулась и пошла налево, к переулку, подальше от площади.

В дальнем конце переуллка стоял человек в форме.

Я резко развернулась и зашагала обратно к арке.

Навстречу мне шли два мужика в костюмах – может, какие-нибудь менеджеры топают на работу; только они в упор смотрели на меня.

Блин, похоже, готово дело. Я-то думала, меня никто не замечает, а какой-то проньра меня-таки вычислил, а может, и не один. Или та тетка в полях. Вот ведь подлюка. Хотелось крикнуть: «Нет!» Чтобы эхо заскакало по всей площади. Я оглянулась, нет ли кого за спиной. Мужик с ключами уже вошел, как раз захлопывал за собой дверь. Я

бросилась к нему:

– Стойте, постойте. Ну пожалуйста!

Он испуганно поднял голову, а потом положил ладонь на ребро двери, не давая ей захлопнуться.

– Пожалуйста, помогите мне. Мне страшно. Пустите меня, пожалуйста.

Голос у меня срывался. Его бледно-голубые глаза глянули прямо в мои, потом куда-то дальше. Одну жуткую секунду он колебался, потом схватил меня за локоть и втащил внутрь. Я, спотыкаясь, рухнула в пустоту, а он обеими руками пихал тяжелую дверь, пока та не захлопнулась. Потом заложил засов. С другой стороны донесся топот, кто-то забарабанил по дереву.

Потом крики:

– Откройте! Полиция!

Когда глаза привыкли к темноте, я увидела, что мой спаситель развернулся, прислонился к двери. Потом прижал обе ладони к губам.

– Что я наделал? – ахнул он, глядя на меня в упор. – Господи, что же я наделал?

Он смотрел на меня.

– У тебя всё в порядке?

Я кивнула.

– Это действительно полиция?

Он имел в виду громил, которые колотили в дверь с другой стороны.

Я снова кивнула.

– Вообще-то я бы должен отпереть и впустить их.

Я закрыла глаза. И после всего этого он все-таки меня выдаст?

– У тебя изнуренный вид. Тебе нужно передохнуть? Собраться с мыслями?

Я не знала, что он хотел сказать последней фразой, но передышка мне бы не помешала.

– Да.

– Можешь войти через эту дверь в храм и посидеть там. Я им скажу, в чем дело.

Стоит ли?..

– Не бойся. Иди.

Я потянула за большую металлическую ручку и открыла внутреннюю дверь. Шагнула вперед, полагая, что попаду совсем в полную темноту, но выяснилось, что сама церковь просто залита светом. Я оказалась в высоченном помещении; каменные колонны уходили высоко-высоко к потолку, а там крепились к чему-то наподобие огромных каменных вентиляторов. Те окна, что пониже, были из цветного стекла, а верхние – совершенно прозрачные, и за ними синело ослепительное небо. Я сняла рюкзак и села на деревянную скамью. Спинка так и впилась мне в спину. Было слышно, как где-то сзади отворяют засов наружной двери. Еще минута – и эти типы будут здесь. Мне не хотелось видеть, как именно это произойдет. Я снова закрыла глаза и стала ждать. Гул голосов, но

разобрать слова не удавалось. Снова бухнула дверь, опять лязгнул засов. Потом шаги, открылась внутренняя дверь.

– Они подождут. Без особой радости, но подождут. Я сказал, что ты попросила убежище в Господнем храме, и сюда им ходу нет. Ложь, разумеется, – добавил он, застенчиво усмехнувшись, – однако из самых лучших побуждений.

Я открыла глаза и тупо уставилась на него. Он не сразу, но просек, что я совершенно не понимаю, что он там несет.

– Ведь именно это тебе и нужно? Убежище? Укрытие, – объяснил он. Он оказался моложе, чем я подумала в первый момент. Меньше тридцати. Худой, с волнистыми каштановыми волосами, разделенными сбоку пробором. Его кадык нервно ходил взад-вперед, глаза были очень бледной синевы.

– Да, – пробормотала я, – мне нужно убежище.

Он нахмурился:

– А ты позволишь мне задать вопрос: почему тебя преследует полиция? В смысле, если не хочешь, можешь не отвечать.

– Они думают, что я совершила преступление, но я ничего такого не делала.

– Что-то серьезное?

– Они думают, что это я взорвала «Лондонский глаз».

Складка между его бровей сделалась глубже.

– А, понятно. – Он сглотнул, кадык прыгнул вверх-вниз. – Ты та самая девочка из Лондона, которую все разыскивают. Тогда дело серьезно. Тебе правда стоило бы поговорить с ними, – добавил он ласково. – Прояснить все.

– Да, только разве они станут меня слушать? Им просто нужно все на кого-то свалить: преступник наказан, дело закрыто. Вы же их видели, они действительно думают, что я во всем виновата, но я ничего такого не делала. Никогда...

Голос мой зазвенел, разнесся эхом по огромному залу.

– Они действительно хотят с тобой поговорить, но не как с подозреваемой, а как со свидетелем.

– Они меня точно подставят, они уже забрали моего друга, и...

– Ну ладно, ладно. Послушай: настоятель... Мой начальник, – добавил он поспешно, – скоро придет служить утреннюю службу. Я с ним переговорю. А сейчас я должен приготовить храм к богослужению. Ты не могла бы посидеть тут, подождать? Или, если хочешь, пошли со мной. Не помешаешь.

Спинка этой их скамьи только что не сверлила мне лопатки. Сидеть тут лишнего совсем не хотелось, поэтому я встала и стала ходить за ним хвостом, а он всё суетился: щелкал выключателями, отпирал двери, зажигал свечи.

– Да, кстати, я – Саймон. – Полуобернувшись, он протянул мне руку. Я взяла ее, мы обменялись неловким пожатием. Рука у него была теплая, тонкая и, для такого тощего деятеля, на удивление мягкая. – А ты...

– Гм... Джем. Меня зовут Джем.

– Джем. Рад знакомству.

Ну и выраженьице. Похоже, так его воспитали:

хорошие манеры и вся эта дребедень. Понятия не имею, что на это положено отвечать, поэтому просто промолчала.

– Рука у тебя холодная. Спала на улице?

– Да.

Мы как раз добрались до передней части церкви; с правой стороны стояла какая-то деревянная перегородка.

– Если хочешь, посиди в часовне. Там под скамейками воздуходувы, через них идет теплый воздух. Согреешься. Мне нужно еще кое-что доделать, но я скоро вернусь, Джем.

Я села там, где он указал: на обитую тканью приступочку в уголке выгороженного пространства. У стены стоял стол, на нем – золотой крест. Посередине – какой-то черный столбик, а на нем свеча. По стене вилась какая-то надпись. Я встала, чтобы рассмотреть ее: Dona nobis pacem. Черт его разберет, что это значит. Фиг ли они пишут на непонятном языке, на котором умеют читать только всякие задаваки? Будто говорят нам, остальным: а вы пошли-ка подальше. Я прочитала про себя эти слова: как ни крути – непонятно.

И тут вздрогнула, потому что поняла, что в дверях часовни кто-то стоит.

– Это всего лишь я, – сказал Саймон. – Не хотел тебе мешать. Молись дальше.

– Я не молилась, – ответила я. – Так... читала.

Он улыбнулся:

– Ну разумеется. Дивные слова. Какая в них сила!

Я не успела спросить, что же они все-таки означают, потому что где-то распахнулась дверь; звук разнесся по всему гулкому залу. Я испуганно вскинула глаза на Саймона.

– Не бойся, это настоятель. Жди здесь.

Он вышел в основную часть церкви. Я встала, подошла к деревянной перегородке, посмотрела в щелку. В помещение через боковую дверь вошел человек – низенький, но внушительный, лысоватый, в очках, – больше похож на банковского служащего, чем на священника. Он вертел головой вправо-влево, глаза прочесывали помещение, как два прожектора.

Саймон просеменил к нему, и тут же под сводами раскатился громкий бас:

– Господи, Твоя воля! Что здесь такое творится, Саймон? Под стенами храма – вооруженные полицейские. Мы окружены.

Саймон поднял руки, будто обороняясь от этого голоса:

– Она еще дитя, святой отец. Она пришла к нам за помощью, просить убежища.

– Меня обыскали, Саймон! Обыскали! Прежде чем пропустить в мой собственный храм!

– О... понятно.

– Перестань ерничать, я говорю серьезно. Все это надо немедленно прекратить. Передать девочку представителям власти. Где она?

Я забилась в дальний угол часовни.

– Она в часовне, но... – И тут же раздался стук приближающихся шагов. – Вы не можете вышвырнуть ее за дверь! Она ребенок.

– Кто знает, Саймон, может, на ней кровь многих жертв. И в своем храме я волен поступать как мне угодно. В конце концов, я настоятель.

Они подошли совсем близко.

– Это Господень храм.

Шаги замерли. Эхо угасло под сводами, наступила тишина.

– Что ты сказал?

Слышала я уже раньше такой тон. «Вот и конец», – подумала я. Саймон вляпался по самые уши, а я и подавно.

– В смысле, я хотел сказать, что Господь здесь хозяин. А мы только служители, нам тут ничего не принадлежит. Да, мы печемся об этом храме, но...

Он и так-то говорил с запинкой, а тут и вовсе смолк.

– Что ты хочешь сказать?

– Просто... просто... мы должны заглянуть себе в душу и поступить так, как поступил бы Иисус.

«Нашел, что ляпнуть, – подумала я. – Все, моя песенка спета». И ведь ничего подобного: похоже, Саймон сказал именно то, что надо, те единственные слова, которые могли меня спасти.

– Как поступил бы Иисус, – медленно повторил настоятель. – Да, как бы Он поступил? Где она?

Голос его зазвучал мягче.

– Здесь, – сказала я и вышла из-за перегородки.

Он взглянул на меня, и я прочла его будущее:

еще сорок с лишним лет, почтенная, уютная, достойная старость. Не знаю, что он увидел, взглянув на меня. На лице ничего не отразилось, но, помолчав немного, он сказал:

– Ладно, идем и помолимся вместе.

Он прошел вперед, встал на колени.

– Простите, но я... – Расслышав эти слова, Саймон прижал палец к губам, качнул головой, повел меня с собой рядом, и мы тоже встали на колени.

Настоятель завел молитву – по сути, какое-то непонятное бормотание, можно подумать, он с кем-то общается, о чем-то просит, только в церкви, понятное дело, не было никого, кроме нас троих. Потом он смолк. Я понятия не имела, куда себя деть. Подняла руки перед грудью, соединила ладони, чувствовала себя при этом дура душой. Даже не знала, закрыть глаза или оставить открытыми, на всякий случай исподтишка покосилась на этих двоих, что они там делают. Стоят на коленях, как два ангелочка с рождественской открытки, глаза плотно зажмурены, оба погрузились в какой-то свой мир. Колени у меня начали болеть, особенно то, которое я потянула, перелезая через забор. Я заерзала, устраиваясь поудобнее, а потом и вовсе села и стала ждать, скоро ли мне объявят, что будет дальше.

Прошло несколько часов – или минут? – и они, не сговариваясь, разом открыли глаза и встали. Я тоже поднялась. Настоятель шагнул ко мне, взял обе мои ладони в свои.

– Милости просим в Господень храм, дитя мое. Ты искала убежища, и ты его обрела. На какое-то время. – Саймон, стоявший у него за спиной, так и сиял. – Всем нам придется нелегко. И я первым делом прошу тебя дать мне чистосердечный ответ. Есть у тебя при себе какое-то оружие?

Я потрясла головой:

– Ничего нет.

– Ни пистолета, ни ножа? Никаких взрывчатых веществ? – спросил он, косясь на рюкзак, который я сбросила на пол.

– Нет.

– Позволишь ли мне или Саймону взглянуть?

Мне на самом деле совсем не хотелось ничего такого им позволять. Вещи-то не мои, а Бритни, и вообще это все, что у меня есть на свете, да только не в моем положении было спорить. Поэтому я живо раскрыла рюкзак и вывалила содержимое. Вещи рассыпались по выложенному плиткой полу: еда, бутылки с водой, сигареты, чистые трусики, которые положила Бритни.

– Курить у нас не разрешается. Надеюсь, ты это понимаешь.

Я пожала плечами.

– А в карманах? Ты не могла бы вывернуть карманы?

Я сунула руки в карманы куртки и джинсов и добавила к куче на полу мятые салфетки, зажигалку и последнюю оставшуюся монетку. Мне пятнадцать лет, и это все, что у меня есть в этом мире.

– Боюсь, придется тебя обыскать.

Я бросила на него упреждающий взгляд. «Так, допрыгались, – подумала я. – Нашел повод сунуть руки туда, куда не просят. Старый развратник». Решила: начнут лапать – буду защищаться. По большому счету, я с ними обоими управлюсь без труда.

– Саймон, – сказал настоятель. – Сделай одолжение...

Судя по виду, Саймон перепугался еще сильнее меня. Шагнул поближе.

– Прости, пожалуйста.

Он слегка похлопал меня по плечам, потом провел под мышками, вдоль боков. Нагнулся, постучал по очереди по обеим ногам, старательно отводя лицо от моей ширинки, что не помешало ему покраснеть. Когда он закончил, на лбу у него блестели капли пота – от смущения, как я понимаю. К гадалке не ходи – редко ему приходится иметь дело с женщинами.

– Все в порядке, – сказал он, распрямляясь. – Ничего нет.

– Вот и хорошо. Ладно, собирай вещи. Саймон... проводи нашу гостью...

– Джем, – быстро вставил Саймон.

– Проводи Джем в ризницу, а я побеседую с полицейскими, попрошу их снять осаду. Пора открывать храм, прихожане снаружи заждались начала службы.

Он торопливо зашагал к главному входу: ему не терпелось ввести день в нормальную колею.

Саймон отвел меня в боковую комнатку. Там стояли стол и несколько стульев, а еще большая вешалка, на которой висели накидки и еще какие-то шмотки.

– Положи свои вещи здесь. – После обыска он явно стеснялся посмотреть мне в глаза. – Знаешь, поставлю-ка я чайник. Молока, боюсь, у нас нет, но черный кофе или обычный чай я могу приготовить. Сейчас, только воды принесу.

Он скрылся в туалете, но дверь за собой не закрыл. Вода текла довольно долго, и я слышала, как он намыливает руки; только потом по звуку стало ясно, что он наполняет чайник. Я прекрасно понимала, что после ночевки черт-те где об меня запросто можно перепачкаться, но что-то подсказывало, что смывает он не только землю и травинки.

Вернувшись, он одарил меня широкой улыбкой:

– Так-то лучше. Тебе чаю или кофе?

– Говорить с ними я буду только при одном условии: пусть отпустят Жука, в смысле, моего друга. Я должна с ним повидаться. Он ни в чем не виноват. Если его отпустят, я буду говорить. Так им и передайте.

Настоятель выдохнул, словно пар выпустил из паровоза.

– Неужели так необходимо устраивать всю эту волокиту? Ваше положение, юная леди, весьма серьезно. Но если вы ни в чем не виноваты и вам нечего скрывать, почему не переговорить с полицейскими? Ничего с вами не будет, если вы скажете им правду.

Я фыркнула:

– Ага, конечно.

У настоятеля раздулись ноздри:

– Ваша позиция мне не по душе. Случилась страшная трагедия. Погибли ни в чем не повинные люди. Необходимо выяснить правду. Найти виновных. Тут не до шуток.

– А я и не шучу, – ответила я. – И все равно – говорить с ними не буду. Я им не верю. Да и с чего бы? Они арестовали моего друга.

– Он был под подозрением, – проговорил настоятель: губы его двигались очень медленно – так говорят с совсем маленькими детьми или с иностранцами. – Понятно, что его арестовали. Но если он ни в чем не виноват, если станет говорить правду, его отпустят. Бывает... – Голос его смягчился. – Бывает, нам кажется, что мы прекрасно знаем человека, а на деле это не так. Возможно, твой... твой друг не все тебе рассказал. И ты оказалась втянутой в историю, в которой ничего не понимаешь.

– Нет! – крикнула я так, что эхо заметалось по всей комнате. – Ничего подобного! Вы такой же, как все. Вы подтасовываете, вы пытаетесь приписать ему неизвестно что! Это не он сбежал от «Лондонского глаза». Это я.

Теперь оба они смотрели на меня в упор:

– Продолжай.

– Я ничего не делала. Просто знала, что в тот день что-то должно случиться. Поняла, что сразу многие люди погибнут.

– Откуда ты это знала?

Он явно думал, что я сейчас скажу: это я все устроила. Я подложила бомбу.

– Я смотрю на людей и вижу, в какой день они умрут.

Они быстро переглянулись.

– Вот и вам я могу обоим сказать, когда, когда для вас все кончится, только не скажу. Я никому не говорю, ни к чему это. А тогда я увидела, что многим людям суждено умереть в один и тот же день, в тот самый день, – и перепугалась. Не хотела оказаться в их числе. Вот мы и сбежали.

– Как это ты «видишь» день смерти?

– Смотрю на человека и вижу число. Оно будто бы внутри и снаружи моей головы одновременно. И это число – дата.

– А откуда ты знаешь, что именно значат эти числа?

– Я видела достаточно смертей. Так что знаю. В любом случае тогда, с «Лондонским глазом», я же не ошиблась, верно? И правильно сделала, что сбежала.

Они переглянулись.

– А почему ты не пошла в полицию, не рассказала?

– А вы как думаете, почему? Все вот так просто, да? Сказал правду – и все стало хорошо. Может, у вас тут так оно и есть, но там, где я живу, все, по-другому. Там видят черного подростка с деньгами в кармане – и он сразу наркоторговец. Видят парня с девчонкой, которые просто тусуются или общаются, – и они сразу карманники. Если им нужно найти преступника, уж они его найдут, кого-нибудь подозрительного, подходящего, а виноват он или нет – дело десятое. Там правда и ложь – всё перемешано. Мне бы никто не поверил.

– Это безусловно... неожиданное признание. – Настоятель осторожно подбирал слова. – То, что ты нам сказала. Но если ты в этом уверена, ты так и должна им сказать. Они проведут экспертизу и с тебя снимут все подозрения: например, проверят твою одежду на следы взрывчатого вещества.

– Да уж найдут, не сомневайтесь.

Пришла его очередь разозлиться.

– Нет! – крикнул он, врезав кулаком по двери. – В этой стране все совсем не так устроено. Существует следствие, свидетельства, обоснования. Ты должна доверять системе. На то у нас и цивилизованная страна.

Я закрыла глаза. Ну что ты скажешь таким вот людям, которые и сами часть системы или настолько наивны, что верят во все эти байки про справедливость и правосудие? Спорить с ними в любом случае было бессмысленно. Я бы не сумела найти слова, которые заставят их выслушать меня, поверить мне: я не говорила на их языке.

Ну, понятное дело, полицейских впустили – поговорить со мной, – и они, как обычно, приволокли с собой соцработника. Надежда, что Саймон с настоятелем смогут защитить меня от всей этой мутоты, испарилась во время лекции про наше «цивилизованное общество», и тем не менее я сочла, что меня предали. На вопросы я отвечать отказалась, только повторяла снова и снова, хотя бы даже для того, чтобы их довести: «Я ничего не скажу, пока не привезут моего друга. Вот увижу Жука – и буду говорить».

Они испробовали все свои стандартные приемчики: хороший коп, плохой коп; добрый коп, сердитый коп; сочувствующий коп, запугивающий коп. Мне было решительно по фиг – голоса просто плескались вокруг, как волны, и по ходу дела полицейские раздражались все сильнее. Привели еще и врача, но с ним я тоже отказалась разговаривать. Тут уж сомнений не было: стоит мне завести речь про числа, мне и глазом не дадут моргнуть, упекут в какую-нибудь психушку подальше, запрут и обколют транквилизаторами.

Снаружи долетел какой-то шум. Дверь распахнулась, и вошла еще одна женщина: Карен. Должна сознаться, я не в первую секунду вспомнила, где ее раньше видела. За последние дни столько всего случилось, я словно прожила целую жизнь с тех пор, как ушла из ее дома.

– Джем! – воскликнула она и чуть не бегом бросилась ко мне, раскинув руки. Прижала к себе, и в тот же миг я будто опять очутилась у нее на кухне на Шервуд-роуд, я словно стала той, кем была до всей этой заварухи. Она долго меня не выпускала. И в этом

объятии были сильные, настоящие чувства. Меня это удивило, сделалось противно, но я не стала вырываться. Да уж, можно подумать, она действительно переживала – ври больше, небось страшно обрадовалась, что можно несколько дней пожить спокойно.

В конце концов она меня выпустила, чуть отстранилась:

– Ну как ты? В порядке? Я так волновалась! Ты бы мне сказала...

На лице у нее отражались боль, тревога.

– Я в порядке, – сказала я, но голос при этом предательски дрогнул.

– А выглядишь такой измученной, такой бледной. – Она погладила меня по щеке своей пухлой рукой. – Ну теперь все будет хорошо, Джем. Вернешься домой. Наверное, полицейские завтра тебя еще порасспрашивают, но я пойду к ним с тобой. А сегодня едем домой.

Домой. Я подумала про Шервуд-роуд, про квартирку Карен, про близнецов, про возвращение к нормальной жизни.

– Я без Жука никуда не поеду.

– Да почему же, Джем? Ты и так вон сколько натерпелась! Давай теперь я о тебе позабочусь. А ты передохнешь.

– Я остаюсь здесь.

Она нахмурилась:

– Вряд ли это получится, Джем. В таких местах не живут.

– Прекрасно получится, и я остаюсь здесь. Остаюсь, пока мне не вернут Жука. Вы меня не увезете. Не заставляйте.

Она между делом успела положить руку мне на плечо.

– Никто не собирается тебя никуда увозить против твоей воли. Я тебя просто прошу – просто прошу, Джем, – поехать домой.

Я стряхнула руку. Лицо ее болезненно сморщилось.

– Я никуда не поеду, Карен. Я останусь здесь.

Она вздохнула, покачала головой:

– Не такая уж ты бездушная, Джем. Когда-нибудь ты это поймешь. И в этот день я буду с тобой рядом.

Она подняла с пола свою сумку и пошла наружу, к остальным. Я не слышала, о чем они там переговариваются, да мне, по сути, было наплевать. Могут говорить обо мне что угодно. Саймон, сам того не ведая, подарил мне очень ценную вещь, очень мощное оружие, единственную пулю, с помощью которой я могу себя защитить, – слово «убежище».

Тут они вернулись – Карен, Имоджен (соцработница), Саймон и настоятель.

– Оставить тебя тут одну мы не можем, – сказал настоятель устало.

– Да почему?

– Ты несовершеннолетняя. Так не положено.

– Я много дней провела одна.

– Давай говорить здраво, Джем, – вмешалась Карен.

– Я никуда не пойду. Прекрасно могу поспать здесь. Это всяко безопаснее, чем на улице.

Они переглянулись.

– Мне нужно домой, – сказала Карен. – Я попросила соседку приглядеть за малышами, но... Ладно, давайте я позвоню туда, спрошу, сможет ли она переночевать с ними.

Карен посмотрела на Саймона, на настоятеля. Тот кивнул:

– Если вы сможете остаться, Карен, мы соорудим вам какие-нибудь постели.

Карен позвонила в пару мест, опять пошли какие-то шушуканья. Поганая привычка взрослых – говорить так, будто меня рядом нет. Настоятель понес какую-то ахинею о том, что я могу попортить их церковь, но Карен остановила его:

– Я буду с ней. И я за нее ручаюсь. И я вам говорю, в глубине души она хорошая девочка. Да, в школе у нее были неприятности, но мне кажется, ее просто спровоцировали. Здесь она ничего не тронет.

Я сидела молча, щупая складку кожи на большом пальце. Потом подняла глаза, Карен поймала мой взгляд. Она смотрела спокойно, но я знала: обе мы думаем о моей комнате в ее доме, которую я за день до ухода разнесла вдребезги.

Тут явилась жена настоятеля Энн с парочкой одеял и подушками, они с Карен постелили на полу на двоих. Энн принесла еды: какие-то пакетики и свертки; их она положила на стол.

После этого настоятель, Саймон и Энн стали прощаться. Саймон втолковывал Карен какие-то хозяйственные мелочи, и я ненадолго отключилась. А когда снова прислушалась, оказалось, что он говорит, понизив голос, но я все равно расслышала.

– Если что случится, – говорил он, – если возникнет такая необходимость, в ризнице есть запасной комплект ключей. В ящике стола. К ключу от боковой двери привязана желтая ленточка.

– Поняла, – сказала Карен. – Спасибо.

Они тихо вышли и гуськом пошли через зал, а потом скрылись за боковой дверью. В открытом проеме на миг предстал внешний мир: снаружи собралась здоровущая толпа и целая куча полицейских. Когда дверь открылась, разом засверкали фотовспышки – прямо цветомузыка на дискотеке. Блин, что там такое творится? Люди орут, все какие-то возбужденные. Выходившие из аббатства, казалось, тоже опешили, а я быстренько спряталась, чтобы меня не видели.

Последним выходил Саймон, в руке у него позвякивала большая связка ключей. Перед тем как захлопнуть дверь, он приостановился, оставив щелку сантиметров в пять:

– Спокойной ночи, дамы. Добрых снов.

На лице промелькнула нервная улыбка, он затворил дверь, послышался скрежет большого металлического ключа – странный, потусторонний звук.

Снаружи, за окнами, небо полыхало, будто там пускали фейерверк, озаряя заодно и внутренность аббатства. Я прислонилась к двери и вслушивалась в шум.

– Ну ладно, – сказала Карен. – Давай посмотрим, что там принесла Энн, а? Вообще, будет интересно, как будто мы с тобой в походе. Ты когда-нибудь ходила в поход, Джем?

Мы развернули пакеты с едой. Энн принесла бутерброды, самодельный пирог, чипсов. Карен налила нам по чашке чаю, и мы уселись по разные стороны стола.

Я все ждала расспросов, ждала, когда Карен потребует объяснений, но поначалу она просто болтала про близнецов, про шумиху в газетах. Оказалось, что репортеры просто встали лагерем у них под дверью. Я подумала: она ведь, наверное, спросит про числа, небось слухи до нее уже дошли, но она, понятное дело, задала вопрос, какой обычно задают все мамы:

– А что там у вас с Терри – с Жуком, а? Вы теперь не только друзья?

Мне не хотелось о нем говорить – уж всяко не с ней, – но тут я сообразила, что хорошо бы залучить ее на свою сторону. Кто знает, а вдруг она поможет мне снова с ним увидеться? Поэтому я не послала ее куда подальше, хотя в первый момент собиралась сделать именно это.

– Только друзья, – пробормотала я. – Очень хорошие друзья.

По лицу расплзлась предательская краска, черт бы ее подрал. Блин, как это паршиво, когда тебя выдает твое собственное тело. Карен все заметила, улыбнулась.

– Но он тебе нравится, – сказала она игриво.

Внутри жгло, как огнем. Да, он мне нравится. Каждую минуту каждого дня я думаю только о нем.

Без него мне больно. Я люблю его. Только все это мне ни за что не сказать вслух – никому, кроме, может быть, него.

– Да, нравится, – проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, пытаюсь остудить пылающую кожу лица и снова обрести нормальный вид. – И мне обязательно нужно его увидеть. Это очень важно, Карен. Мне нужно его увидеть.

Она понимающе улыбнулась мне, подмигнула:

– Я понимаю, что ты чувствуешь. Тоже, знаешь, когда-то была

молодой. – Сколько этих расхожих фразочек пожилых теток она еще собирается на меня вывалить? – Ты его скоро увидишь, Джем. Да, его задержали, но никто же не думает, что бомбу подложил один из вас. Тебя хотят опросить как свидетельницу. Ну и потом, эта история с угнанными машинами – и что вы там еще натворили за последние дни. Кроме того, мы так пока и не знаем, что они решили по поводу этого ножа в школе... – Она вздохнула. – Я не хочу сказать, что все так уж распрекрасно, потому что на самом деле все довольно паршиво, но со всем этим можно разобраться. От тебя требуется одно: честно рассказать все полиции, и потом, рано или поздно, ты увидишься с Жуком.

– Потом меня не устраивает, – выпалила я.

– Надо учиться терпению. Знаю, это нелегко...

– Просто нет времени ждать! Мы должны увидаться до пятнадцатого!

– Перестань глупить. Вам по пятнадцать лет. У вас вся жизнь впереди.

– Да нет же! Вы ничего не понимаете!

– Тогда расскажи, как оно на самом деле.

Выбора не было, и я рассказала. Про числа, как рассказала Жуку в тот день, когда «Лондонский глаз» взлетел на воздух.

Пока я рассказывала, Карен было явно не по себе, она мяла в пальцах фольгу – обертки от пищи, а когда я закончила, она рассмеялась, нервно и пронзительно.

– Да ладно, Джем. Ты действительно в это веришь?

– Дело не в том, верю я или нет. Просто все так и есть.

Она фыркнула и посмотрела на свои пальцы, беспокойно тискавшие и складывавшие кусок фольги.

– Все это выдумки, Джем. В жизни такого не бывает.

– Бывает, Карен. Я с этим живу уже пятнадцать лет.

– Джем, у всех случаются трудные моменты. Я знаю, как тебе досталось. У тебя в жизни было слишком много несчастий, слишком много перемен. Я все это знала, когда согласилась взять тебя к себе. Так бывает, когда человек запутался, он пытается отыскать в

сложившейся ситуации какой-то свой смысл, чтобы хоть как-то с ней справиться...

Так она ничего и не поняла.

– Я это не придумала! Вы что, считаете, мне самой нравится так жить?

– Ну ладно, успокойся. В любом случае ты это придумала не нарочно. Я другое хочу сказать: иногда наш мозг играет с нами вот в такие игры.

– Так мне нужно в психушку?

– Нет, тебе нужен нормальный, надежный дом. Ничего с тобой такого, что нельзя вылечить – стабильностью, тем более любовью. Словом, теми вещами, которые я и пытаюсь тебе дать.

Она робко подняла на меня глаза. Уже привыкла, что вот такие вот слова я обычно швыряю ей обратно.

Но дело в том, что хотя я разве что не орала от злости и беспомощности, я прекрасно ловила ход ее мысли. Если бы мне кто рассказал вот такую историю, я бы решила, что человек нагло заливает, ну или у него крыша поехала. Фиг бы я поверила. Мир Карен был четко расписан по строгим правилам. Ее ноги тридцать восьмого размера крепко стояли на земле. Понятное дело, ей мой рассказ показался бредом. И вот теперь она смотрит на меня и ждет удара под дых, какой получила бы несколько недель назад, – только какой смысл в этом ударе?

– Знаю, что пытаетесь, Карен, – сказала я. – Знаю.

Она сжала губы – сдержанная полуулыбка, в которой были благодарность и понимание того, каких усилий стоили мне эти слова.

– Хочешь еще чая, моя хорошая?

Я кивнула.

– Да. Пойду пройдуся, пока чайник закипит.

– Давай.

Я встала и вернулась в церковный зал, меня снова поразили его огромные размеры, все это пространство вокруг. На полу повсюду лежали камни, на которых были вырезаны какие-то надписи. На одном из них я стояла: памятник какому-то мужику, который помер

двести тридцать лет назад. Стены тоже были как лоскутное одеяло: слова, написанные сотни лет назад, имена людей, про которых никто давно не помнит. Меня окружали мертвые кости и призраки.

Я пошаталась по церкви, время от времени останавливаясь и читая надписи. Вроде как должна была накатить жуть. Не накатила. Мне даже понравилось: здесь числа представляли со всей честностью. Камни сообщали голые факты: дата рождения, дата смерти. Так что числа были в порядке, а вот от слов становилось не по себе: скончался, почил в мире, вернулся к Создателю, отошел в лучший мир. Перед последней надписью я остановилась. Что это – слабая надежда, вера или даже уверенность? Если бы мне поручили делать эту надпись, я бы выкинула три последних слова. Оставила бы просто «Отошел».

Потому что именно это и происходит – по моим представлениям. С чего они взяли, что случается что-то другое?

От этого чтения я задумалась: а где теперь моя мама, вернее, где то, что от нее осталось? Что стало с ней после того, как ее увезли от меня в той машине? Ее где-то похоронили? Или кремировали? Были ли похороны, пришел ли на них хоть кто-то? Или торчков, алкашей и бомжей просто скидывают в одну общую яму? Мне вдруг страшно захотелось, чтобы у нее все-таки была могила. Хотелась, чтобы ее зряшная, никчемная жизнь завершилась по-человечески.

По телу пробежал холодок. А как они поступят с Жуком? Было просто невозможно поверить, что через двадцать четыре часа и ему потребуется надгробный камень. Как может человек, настолько полный жизни и энергии, вдруг взять и перестать быть?

Я почувствовала, как внутри нарастает паника. Что бы там Карен ни думала, для Жука отсчет уже идет на часы, может, даже минуты. Я столько раз видела его число... Оно не изменилось. Оно – реально. Он умрет в камере, в каком-нибудь полицейском застенке. Может, его забьют до смерти. Или он уже болен. Уже сейчас болен, его пожирает какая-то болезнь – всем кажется, ничего особенного, а на самом деле она смертельна. Не в силах я просто пережить эти часы, пока кто-нибудь не придет и не сообщит мне новость. Нужно надавить на них посильнее, сделать так, чтобы Жука выпустили.

– Чай готов! – Голос Карен заметался под сводами.

Я вернулась в ризницу, твердо решив повидаться с Жуком, чего

бы это ни стоило. Я всю жизнь плыла, куда волны понесут, меня швыряло из дома в дом, меня никто не спрашивал, чего я сама хочу. Пора брать жизнь в свои руки.

Мы выпили чая и готовы были ложиться спать. Карен продолжала болтать – старалась развеселить меня. Но я так устала, что прямо падала с ног. Поэтому позволила ей уложить себя, подоткнуть одеяло, а потом слушала, как она, пыхтя и кряхтя, залезает под свое.

– Ничего, удобно, да? – сказала она бодрым, неунывающим голосом.

– Гм... не очень. Но лучше, чем спать под забором.

– А ты спала под забором?

– Мм.

– Ладно, ты покемарь, а завтра решим, как отвезти тебя домой, чтобы ты наконец нормально выспалась в своей постели. – Послышался шорох одеяла, Карен ворочалась. – Да, Джем, похоже, ты права, вряд ли я смогу проспать здесь и вторую ночь, больно уж пол жесткий...

Ага, только не прошло и пяти минут, как она начала похрапывать. Провалилась в сон.

Может, будь я одна, я бы и заснула, но ее мерное хриплое дыхание, вдох-выдох, словно заполняло комнату. И жутко меня раздражало. Кроме того, мне было завидно. Хорошо этой тетке: вот так вот взяла и вырубилась. А у меня голова лопалась от последних событий, а сверху еще громоздились события предстоящие. Примерно через полчаса я поняла, что лучше мне встать или я просто ее убью. Убийство, даже на мой взгляд, было уж слишком крутой мерой, так что я потихоньку откинула одеяло и поднялась.

Вспомнила слова, которые Саймон прошептал Карен перед уходом, подобралась на цыпочках к столу, бесшумно вытянула один из ящиков. Вот они ключи – здоровенная, тяжелая связка. Я потянула их на себя, они звякнули – резкий металлический лязг. Я натянула полу «кенгурушки», обернула их тканью, глуша предательский звук. А потом крадучись вышла из ризницы в темный провал церкви.

Темнота в главном зале была не совсем непроглядной. Сквозь витражные стекла с улицы проникал свет фонарей. Как глаза по привыкнут, можно различить контуры предметов: скамьи, статуи, колонны – всё в сером цвете. Я знала, что двери сбоку и в дальнем конце ведут наружу, но решила не выходить, понимала, что, оставаясь внутри, сохраняю свои козыри в переговорах. Но осмотреться мне хотелось. Я отыскала в углу, сбоку от алтаря, какую-то дверь и стала пробовать ключи, не подойдет ли какой.

Подошел третий. Я открыла дверь и попала в комнатенку, забитую всяким хламом, вернее, мне показалось, что хламом: какими-то старыми каменюками и досками. Тут было совсем темно, но мне удалось различить еще одну дверь в дальнем конце. К ней тоже подошел один из ключей. За этой дверью было еще темнее, свет лишь смутно обрисовывал нижние ступени лестницы, спиралью вившейся вокруг толстого столба. Я помедлила. Накатывала жуть. Я подумала, что вряд ли смогу подняться наверх в темноте. Шагнула внутрь, положила ладонь на холодную каменную стену. Там обнаружился какой-то выступ: выключатель. Я щелкнула им, лестница осветилась – она уходила кругами куда-то вверх.

– Ну давай, – попыталась я подначить саму себя. Слова отскочили от каменных плит. И в лучшие-то времена человек, который говорит сам с собой, выглядит психом. А уж в церкви и подавно.

Я начала подниматься. Ноги были ватными, колено по-прежнему болело, но я понемногу карабкалась, ступень за ступенью. Видно было лишь на несколько шагов вперед, и, когда низ скрылся из виду, стало казаться, что эта лестница бесконечна. Все тут было холодным: камень под ногами – я ведь пошла в одних носках, – стены, даже воздух был студенее. Я уже подумывала, не вернуться ли за курткой и кроссовками или не вернуться ли вообще, и тут лестница кончилась. Я просто оказалась на последней ступеньке, уткнулась в глухую стену; впрочем, сбоку я увидела дверь. Снова пригодились ключи. Я распахнула дверь, в лицо ударил порыв холодного воздуха. Я перешагнула порог и не удержалась от улыбки: я стояла на крыше.

Высоты я совсем не боюсь, по счастью, но когда я вышла на

крышу, меня замутило, закружилась голова. Дышала я тяжело – сказывался подъем. Я села, свесила голову. Морозный воздух ножом резал легкие. Я попыталась дышать через нос, чтобы воздух успевал немного согреться. Это помогло. Медленно, очень медленно я очухалась. По обеим сторонам крыши шло невысокое каменное ограждение. Как и всё в этом здании, оно было покрыто узором – здоровенными дырками. Даже сидя я видела сквозь них другие крыши, всюду вокруг. Держась за камень, я встала на ноги.

Господи, какая красотища! Даже мне это было ясно. Совсем другой город. Отсюда не различаешь грязи на улицах, сплошные крыши, трубы, шпили, площади и арки. В оранжевом свете уличных фонарей бледный камень казался теплым, здания только что не светились, хотя снаружи стояла холодыга, было видно перекрестья светящихся гирлянд на маленьких улицах. Во дворе рядом с аббатством собралась порядочная толпа: некоторые сидели на скамейках или прямо на земле, некоторые стояли под деревом, тут и там мелькали полицейские в форме. Да уж, эти туристы полные идиоты, вольно же торчать на улице в такую ночь.

На другом конце крыши возвышалась башня. Не поднимая головы я стала подбираться к ней ближе и скоро обнаружила еще одну дверь. И на сей раз связка ключей не подвела, я вошла внутрь, нашарила выключатель. Еще одна лестница, но с этой можно попасть в разные комнаты. В первой, в которую я попала, оказались сплошные канаты, свисавшие с потолка. Все их концы были связаны в одном углу. Я не просекла, что это такое, пока не увидела на стене фотографию с подписью: «Звонари аббатства, 1954». Это колокольные веревки – у меня аж пальцы задрожали, так захотелось их отвязать и как следует дернуть.

Из этой комнаты вели еще какие-то двери.

Я выбрала ту, за которой начиналась еще одна лестница. Выше, выше, открывая все двери на пути. Одна комната оказалась не похожей на остальные. Посередине лежал деревянный настил, приподнятый над уровнем каменного пола, в настиле повсюду торчали какие-то странные выступы. Я не сразу сообразила, почему он похож на негатив потолка главного зала. Собственно, так оно и было, это обратная сторона узора, похожего на вентиляторы, в потолке аббатства. Волосы у меня на загривке встали дыбом – я будто попала в какой-то колдовской мир.

В конце коридора еще одна дверь. За ней крошечная комнатуха, тупик. На дальней стене я увидела большой белый диск, подсвеченный уличными фонарями. По краю его шли метки, а еще я увидела две палки – стрелки часов. Я оказалась рядом с башенными часами, с обратной стороны. Вдоль боковых стен шли каменные выступы. Я присела на один из них, не отводя глаз от часов – помимо воли, я улыбнулась, я в жизни не была в таком странном месте. Будто сидишь на внутренней стороне луны. И тут одна из прикрепленных к часам металлических тяг щелкнула, минутная стрелка сдвинулась. Прошла еще одна минута, внутри у меня все скрутило, мысли вернулись к Жуку.

По всему миру часы отсчитывают секунды, минуты, часы. Ход их необратим. Тысячи, может, даже миллионы часовых механизмов. Будь у меня под рукой кирпич, я запустила бы им в круглый белый циферблат так, чтобы осколки стекла хлынули в ночь. Я сейчас готова была расколотить все часы в мире. Только какой толк? Гонца убивать бесполезно, так, кажется, говорят.

И вот, сидя там, я поняла: я не туда сваливаю вину. Я смотрю изнутри наружу, а всем остальным прекрасно видно, в чем корень проблемы. Во мне. Я ведь – единственная, кто видит числа. Я вижу то, чего не видит никто другой. Это мои глаза, мой разум. Я. Не важно, реальность они или выдумка, числа – это я, а я это они.

Не будет меня – не станет и их?

Металлическая штанга у стены снова дрогнула, минутная стрелка качнулась вперед. Я поняла, что нужно немедленно бежать. Мне душно в этой комнате, останусь еще на миг – и умру. Я вскочила и бросилась обратно – по настилу, к лестнице, вперед, вслепую, на самый верх.

На лестнице тоже было довольно холодно, но воздух снаружи опять пробрал до самых костей. Здесь, наверху, не было ничего, только плоская крыша и пустой флагшток. По краю тоже шло каменное ограждение. Вид отсюда был даже лучше: оранжевые огни города разбегались по окрестным холмам. На одной крыше я увидела бассейн, бирюзовая вода, подсвеченная изнутри. А прямо подо мной еще один бассейн, зеленый квадрат, окруженный статуями. Над ним поднимался легкий пар. Отсюда казалось: прыгни с башни и ныряй. Можно прыгнуть и стереть абсолютно всё: память, боль, чувство вины. Всего-то и надо – встать на каменное ограждение и – вниз...

Снизу долетел голос:

– Вон она!

Залитые светом лица во дворе как одно повернулись кверху. Отсюда, с высоты, все они казались одинаковыми – толпа кукол. И тут до меня дошло: никакие это не туристы, они высматривают меня.

Кто-то закричал, их ужас долетел до меня за долю секунды, заразил, наполнил паникой. Казалось, земля внизу колыхнется, люди сливаются в какой-то странный узор, перед глазами все плывет, перемещается.

Ноги подкосились, я села. Фиг ли врать самой себе? Никуда я не прыгну, нет у меня больше ни решимости, ни сил. Ноги так ослабели, что и по лестнице не спустишься. Я плюхнулась на задницу и поползла со ступеньки на ступеньку. Сколько на это ушло времени, не имею понятия; двери за собой я не заперла, вот так, переплюхиваясь, переползая, добралась до главного зала, а потом потащилась по холодному полу в ризницу.

Свернулась на своей походной постели рядом с Карен, плотно зажмурилась, но числа по-прежнему стояли перед глазами: мамино, Карен, старого бомжа, погибших при взрыве.

И с ними – число Жука.

– Не пугайся, Джем, это только мы с Саймоном.

Я всплыла на поверхность, пробилась сквозь зеленые воды сна к свету. Со мной говорил женский голос, память вернулась из какой-то бесконечной дали и начала по кусочкам собирать картинку реальности. Я села, протерла заспанные глаза, сглотнула горечь, скопившуюся в горле. Энн стояла у стола; Карен уже поднялась.

– Я принесла вам сока, – сказала Энн. – Чайник поставить? Вы бы с Карен выпили чая. Саймон, тебе тоже налить?

В голосе у нее слышалась странная дрожь – я не могла понять, откуда она. Энн пыталась говорить обыденные вещи обыденным тоном, но эта дрожь выдавала какой-то дикий страх. Чего она боится?

Мне стало стыдно: меня же застали в постели, черт знает в каком виде. Я поставила ноги на пол, не без труда встала. В глазах покраснело, потом потемнело, я вцепилась в краешек стола, чтобы не упасть.

– Встала слишком резко? – Энн полуобняла меня рукой, поддерживая, но при этом не давая нашим телам соприкоснуться. Мне показалось – будь у нее щипцы, она взяла бы меня щипцами. – Присядь вот сюда. У тебя голодный вид. Съешь-ка тост. Вот, держи.

Она развернула фольгу. Там лежало несколько ломтей поджаренного хлеба, разрезанного на треугольники. Я поняла, что не смогу проглотить ни кусочка: от одного вида еды меня начинало выворачивать. Я ведь только проснулась. Я прикрыла хлеб фольгой, чтобы не видеть.

– Мм... Я пока не голодна. Лучше потом.

– Ну, хотя чая выпей. Давай, пошли.

Она поставила на стол четыре кружки, села рядом со мной и Карен.

Саймон остался стоять. Он был даже бледнее вчерашнего и, похоже, так и решил топтаться на месте. То и дело облизывал губы, хмурился. И наконец выдавил:

– Тебя видели вчера ночью, Джем. На башне.

– Что? – так и ахнула Карен.

– Джем вчера видели на крыше, на башне. Похоже, она взяла ключи. Это очень опасно – подниматься туда в одиночку. Нам стали задавать всякие вопросы. Стивен скоро придет.

– В чем дело? – осведомилась Карен.

Я вздохнула:

– Когда вы заснули. Мне было никак не отключиться. Мысли разные лезли в голову, вот я и пошла погулять. А вы разве сами никогда туда не поднимались? – Этот вопрос я задала Саймону.

– Ну, конечно поднимался, – ответил он. – Но это ведь совсем другое дело. Ты ребенок, а я взрослый человек... сам за себя отвечаю.

Он стоял переминаясь с ноги на ногу и тиская пальцы – трудно было представить, что человек его возраста может выглядеть таким трогательным и беззащитным.

Мне он нравился, правда нравился, но было что-то в этом «сам за себя отвечаю». Я расхохоталась.

Его бледно-голубые глаза удивленно расширились – он не привык, чтобы над ним смеялись, – а потом в них показались слезы. Да что я такое творю? Этот парень меня спас, в самый последний момент предоставил мне убежище.

– Простите, – сказала я торопливо. – Я не должна смеяться. И я, конечно, не имела права брать ключи. Я не хотела ставить вас в трудное положение. – Он пристально смотрел на меня, постепенно смаргивая нанесенную обиду. – Саймон, вы мне очень помогли. Без вас мне бы совсем канты. – Он сморщился, но глаз не отвел. – Мне вчера просто очень захотелось осмотреться. У вас тут так здорово.

Лицо его смягчилось.

– Да, – сказал он. – Это верно. – Взял ключи, так и лежавшие на столе. – Ладно, пойду проверю, все ли заперто, а потом пора готовить храм к службе.

Он ушел. Энн налила нам еще чая.

– Скоро полицейские вернутся, – сказала она. – Ты бы поела немножко...

Я промолчала, поплотнее натянув фольгу, крепко запечатав пакетик. Хотелось сказать: отвязись ты от меня, когда захочу, тогда и поем, но в то же время какой-то внутренний голосок твердил: придержи язык, она просто желает тебе добра. В результате я просто промолчала, а для меня это – крупное достижение. Впрочем, Энн, наверное, все равно сочла меня грубиянкой. Я посмотрела на нее: стоит с обиженным видом, можно подумать, я ее послала или что еще. Блин, велика важность, какой-то там паршивый тост.

Впрочем, не только тост. В этот момент глаза наши впервые встретились; я пыталась не смотреть, но вот ведь оно, яснее ясного. Ее число. 862010. Ей осталось меньше года. И тут я поняла, откуда эта ее перешуганность. Она, может, и сама этого не осознает и все-таки боится того, что я знаю. Она посмотрела на меня как кролик, попавший в свет фар, громко сглотнула и отвернулась.

Потом, разумеется, снова явились полицейские, а с ними соцработница Имоджен. Пришли и другие: мужики в темных костюмах, которые сидели в дальнем углу комнаты и слушали. Карен осталась со мной во время допроса; полицейские талдычили все то же, что и накануне. Первое время я прикидывалась дурочкой, пытаюсь понять, что же им на самом деле нужно. Да, они продолжали задавать вопросы про тот день возле «Лондонского глаза», про Жука, но появились и новые вещи. Похоже, кто-то сболтнул им про числа. И вот полицейские оставили меня в покое, а один из темных костюмов подошел и уселся за стол.

– Мы тут слышали про тебя кое-какие вещи, Джем. Интересные вещи. Например, почему ты тогда убежала с набережной. Говорят, ты умеешь предсказывать будущее. Можешь сказать, когда человек умрет. Это так?

Я опустила глаза и молчала. Один из них вытащил из портфеля стопку фотографий:

– Посмотри вот на эти снимки и скажи, что видишь. Сколько осталось жить этому человеку? А этому? Скажешь?

И так раз за разом, пока в голосах их снова не зазвучали страх и раздражение.

И вот тогда я заговорила.

– Я могу вам сказать. Сказать все, что вы хотите знать.

Тут они все выпрямились на стульях, переглянулись – быстро, торжествующе, – потом снова уставились за меня.

– Да, я была тогда у «Лондонского глаза» и, кажется, видела мужика, который нес бомбу. Даже говорила с ним. Я могу вам его описать. Могу рассказать про этого типа с татуировками и почему он нас преследовал. Даже про эти фотографии могу рассказать. – Теперь они так заинтересовались, разве что слюни не пускали. – Могу сказать и скажу, но сначала привезите сюда моего друга, Жука. Я расскажу все, о чем вы меня спросите, а потом вы дадите нам машину и еще денег, тысячи, наверное, хватит, позвольте спокойно выйти отсюда и вообще оставите в покое.

Мужик в костюме нагнулся ко мне:

– Ты, похоже, не понимаешь, в какую скверную историю вляпалась вместе со своим приятелем. Тебя обвиняют в серьезном преступлении. Не тебе с нами торговаться.

Фиг ему удалось меня припугнуть. Я их видела насквозь: им главное, чтобы я заговорила.

– А я буду торговаться. Я знаю, вам нужно раскрыть это преступление. Что, не так? А еще вы очень хотите знать, сколько еще протянет ваш премьер-министр, да? Проживет ли он еще десять лет или в него попадет снайперская пуля. Вам ведь это интересно, да?

– Мы должны обсудить твои требования.

Он отодвинул стул, царапая ножками по полу, и вышел вместе с остальными. Карен осталась со мной.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Что ты такое говоришь?

– Я же вам вчера все рассказала. А вы не поверили.

– Джем, нужно это немедленно прекратить. Все эти выдумки – ты слишком далеко с ними зашла, Джем. Перестань пороть эту чушь. Давай я увезу тебя домой и буду о тебе заботиться.

– Нет! Я не согласна. Мне нужно, чтобы сюда привезли Жука, и пока этого не произойдет, они ничего от меня не добьются.

Карен вздохнула, я поняла: она сейчас пустится в очередное нудное нравоучение, но тут дверь снова раскрылась. Вернулись мужики в костюмах.

– Ладно, – сказал один из них. – Мы согласны.

У меня аж желудок подпрыгнул. Кто бы мог подумать: я победила!

– Вы привезете Жука сюда?

Он кивнул.

– После того как ты ответишь на все наши вопросы.

– Дадите нам машину и денег, как я сказала?

Он снова кивнул, но два полицейских у него за спиной как-то подозрительно переглянулись, и я засомневалась.

– Вы должны написать это все на бумаге, – быстро добавила я. – И подписать. Официально.

И я получила от них эту бумагу, черным по белому. Я рассказываю полицейским все, что они хотят знать, а они привозят ко мне Жука до пятнадцатого декабря и обеспечивают нам возможность свободно покинуть аббатство. Читаю я медленно, так что просидела над этой бумажкой довольно долго, но, казалось, всё на месте. Я попросила Карен посмотреть тоже, но она отказалась.

– Это полная глупость, Джем. Я не хочу в это ввязываться. – Она проследила, как я подписываю документ, а потом сообщила: – Ладно, я возвращаюсь домой, к мальчикам. Им я тоже нужна. Завтра опять приеду.

Перед тем как уйти, она обняла меня:

– Имоджен и Энн будут с тобой. А если вдруг что – сразу звони.

– Ладно, – ответила я. Признаюсь честно, когда она уходила, мне даже сделалось немного жалко. Мы, конечно, расходимся во многих взглядах – и, скорее всего, никогда не сойдемся, – но она хочет мне добра, это я теперь знала точно. Но я в любом случае, я должна была прежде всего думать о другом. Пока всё шло по плану. Мне осталось одно: рассказать им, что они хотят знать, а потом им придется выполнить свою часть сделки.

Привезти Жука.

Я выдала им в точности то, что они хотели услышать. Кое о чем, разумеется, умолчала. Не их свинячье дело, что там было у нас с Жуком. Это касается только нас. Но все остальное они получили плюс кое-какие «сведения» о людях с фотографий.

Все наши разговоры записывались на магнитофон, а потом они все это переписали на бумагу и дали мне подписать. Я подписала, даже не задумываясь. Это было частью плана, еще одним шагом в нужном мне направлении.

– Ну и когда я увижу Жука? – спросила я, подписав протокол.

– Тут сперва нужно кое-что уладить – его все еще допрашивают. Его увезли назад в Лондон, в Паддингтон-Грин.

– Погодите-ка минутку...

– Да все в порядке, солнышко. Я отвезу твои показания в Лондон, посмотрю, как там у них дела, и сразу вернусь. И Доусона привезу.

Выходит, еще несколько часов ожидания. И ничего с этим не поделаешь.

Они собрали свои бумажки, застегнули портфели и свалили. Выходя, пожали мне руку, будто мы какие деловые партнеры, блин. Хороший знак, подумала я. Они демонстрируют, что заключили со мной сделку. Теперь придется им доверять – а что мне еще остается?

Настало время обеда, Энн, жена настоятеля, принесла мне тосты с яичницей – в обертке из фольги они даже не остыли. Сама она со мной не ела, просто валандалась поблизости: можно подумать, чего-то ждет. И вот в конце концов она будто через силу выдавила:

– Джем, можно с тобой поговорить?

Я передернула плечами. Да пожалуйста, мне-то что.

Она подошла к двери и закрыла ее, мы остались в ризнице вдвоем, она и я. «Будет уговаривать меня свалить отсюда, я обуза ее мужу», – промелькнуло у меня в голове, вот только я ошиблась.

– Говорят... говорят, ты можешь сказать, когда кто умрет.

Лицо ее перекосилось, она настойчиво заглядывала мне в глаза.

Я пыталась не смотреть, но ничего не вышло: слишком упорно она искала моего взгляда. 08062010.

– Ну? – проговорила я, надеясь, что не услышу никаких вопросов.

– Я больна, Джем. Очень больна. Стивену я пока не говорила, так что, пожалуйста... не надо...

Когда имя настоящего, ее мужа, слетело с ее губ, я вдруг стала относиться к нему не с такой нетерпимостью; даже подумала: может, я ошибалась на его счет. Да, он проживет еще тридцать с лишним лет, но годы эти будут не такими уж безмятежными. Будут тоскливые вечера, еда из забегалок, вареные яйца – в одиночестве, в пустом доме.

– Видишь ли... мне очень нужно знать. Сколько мне осталось. Ну, чтобы все подготовить, чтобы у детей все было устроено, и у Стивена тоже.

– У детей? – Еще один шок.

– Ну они уже, конечно, не дети. Девятнадцать и двадцать два. Но я должна убедиться, что у них все в порядке, что выплачены кредиты за их учебу. Ну сама понимаешь. – Она, видимо, сообразила, что не понимаю, потому что снова нервически рассмеялась. – Ну, может, и не понимаешь; словом, мне будет легче, если после меня не останется недоделанных дел. Легче... не значит – легко...

Она смолкла.

– Я не могу вам сказать. Это будет нечестно.

– Однако ты знаешь.

Я закусила губу.

– Знаешь, – повторила она. – И нечего мне так бояться, верно? Ибо те, кто верует в жизнь вечную... – В уголках ее глаз заблестели слезы, грозя сорваться, покатиться по щекам. – Почему я не нахожу в этом утешения?

Вот уж этот вопрос точно не ко мне. Она немного посидела, погруженная в свои мысли. И тут я вдруг вспомнила про Бритни, про то, как она и ее родители выстояли во время болезни ее брата.

– Мне кажется, вы должны все ему рассказать, – сказала я.

– Стивену?

Я кивнула.

– Знаю. Я все время это откладывала. Во-первых, то, что держишь в тайне, не кажется таким уж реальным. Иногда мне удается убедить себя, что ничего такого нет, на час или около того – ну, скорее на несколько минут. Ну а кроме того, это разобьет ему сердце. – Голос ее дрогнул. – Я знаю, он любит поважничать, любит пристрожить, но у нас хорошая семья, крепкая. Как же он без меня-то?..

Она навалилась на стол и прижала платок к глазам, будто пытаясь удержать слезы там, внутри.

Я дождалась, пока все это кончится, пока она снова не сядет прямо.

– Мне жаль, но я ничем не могу помочь, – сказала я.

И мне действительно было жаль. Я чувствовала: от меня никакого толку.

– Да ты уже помогла мне, Джем, правда помогла. Вот я рассказала тебе все, и стало легче. Мужества прибавилось.

Она схватила меня за руки, я едва удержалась от того, чтобы не вырвать их. Сказать мне было нечего. Я хотела одного: оставь ты меня в покое, уматывай отсюда со своей болью. Через некоторое время она так и сделала. Встала, разгладила юбку, тряхнула головой, будто бы стряхивая отчаяние. Пошла к двери, отворила.

– Спасибо, тебе, Джем. И да благословит тебя Господь.

По моим-то понятиям, я ничего не сделала. Когда она расплакалась, мне стало стыдно за нее, но при этом я едва удержалась, чтобы тоже не зареветь. Ее слезы, сама мысль о смерти как в зеркале отразили мой ужас перед новым одиночеством. Две стороны одной монеты.

И тут внезапно стены ризницы словно навалились на меня. Мне необходимо было подышать. Я вышла в большую залу. Там было довольно много народу, мне показалось, что некоторые следят за мной глазами. Я шла по надгробным камням, стараясь не ступать на имена.

Через несколько минут ко мне подошла какая-то женщина, голова повязана платком. Я сидела в часовне, в той, в которой отогревалась в первое утро, когда Саймон впустил меня.

– Простите, пожалуйста, – сказала женщина неуверенно. – Вы Джем, та девочка, о которой все говорят?

– Не знаю, – ответила я. – Меня зовут Джем, а больше я ничего не знаю.

– Про вас в новостях рассказывали, про то, как вас ловили. И в Интернете много всякого пишут. – Она стояла передо мной, и тут ноги у нее начали подгибаться. – Не возражаете, если я присяду? Видите ли, я... устала.

Если честно, я еще как возражала: у меня не было ни малейшего понятия, к чему она клонит, и я в любом случае не хотела ни во что ввязываться. Мне было нужно одно – чтобы меня оставили в покое. Я ничего не сказала, но она все же присела на каменную скамью, покрытую подушкой, совсем рядом со мной.

– Понимаете, – продолжала она, – говорят, что вы видите будущее. Будущее каждого человека. И что вы именно поэтому убежали от «Глаза».

Она смолкла и посмотрела на меня. Я встретила с ней глазами и увидела ее будущее, точнее, ее конец. Через два с половиной года. И тогда я подумала: «Дура ты, Джем, какая же ты дура». Не должна я была никому ничего рассказывать, хранила бы свою тайну до самой смерти.

– Это все выдумки, – пробормотала я. – Знаете, люди любят болтать.

– Но ведь в этом во всем что-то есть, да? Вы даже с виду не такая как все. – Она вглядывалась мне в лицо, будто пытаясь отыскать там какой-то ответ. – Так вы видите? – продолжала она. – Вы видите будущее?

Я только ерзала на своей подушке. Старалась не глядеть на нее, смотрела себе на руки и на ноги, плотно закрыла рот. Ее это не смутило. Хуже того, она подняла руку, взялась за свой платок, размотала его – под ним оказался почти лысый череп, только тут и там клочки волос. Она выглядела совсем голой.

Потянулась, дотронулась до моей руки. Мне хотелось ее

оттолкнуть, сказать – отвали. Не могу объяснить, как это было странно: рядом сидит чужой человек и хочет ко мне прикоснуться. Я всю жизнь только тем и занималась, что устанавливала дистанцию между собой и другими, строила защитные стены. Когда кто-то ко мне прикасается, я не могу не скорчить гримасу, не показать свое отвращение, не отстраниться. К Жуку это, конечно, не относится.

С ним всё не так, как с другими.

А вот эта женщина смогла остановить меня силой своего отчаяния. Видимо, в глубине души я все-таки не такой уж плохой человек. Я накрыла ее руку своей и медленно отвела в сторону. Она стиснула мою ладонь, нащупала шрам, перевернула ладонь исподом вверх, увидела красный, жестокий след от колючей проволоки и ахнула.

– Вы чего?

– Знак креста у вас на ладони.

Ну это уж слишком.

– Да бросьте вы! – фыркнула я. – Напоролась на колючую проволоку, всего-то. Ничего такого.

Она все баюкала мою ладонь в своих.

– Пожалуйста, скажите, что вы знаете. Я все стерплю.

Я качнула головой.

– Я ничего не могу вам сказать. Простите. – Я чувствовала себя загнанной в угол, беззащитной. Поднялась. – Простите, мне нужно... мне пора...

Она врубилась, тоже встала, подняла сумку и платок. Принялась снова накручивать его на голову.

– Мне очень жаль, что я не могу вам помочь, – сказала я совершенно честно. Она крепко сжала губы и кивнула, видимо, ничего не могла выдать из себя от избытка чувств.

Я оставила ее возиться с платком, а сама побрела в главную залу. Саймон стоял в центральном проходе, ко мне спиной, и разговаривал с каким-то старичком. Увидев меня, старичок умолк на полуслове и ринулся мимо Саймона прямо ко мне.

Был он таким исхудавшим, что все кости проступали сквозь

кожу, глаза казались стеклянными. Я попыталась на него не смотреть, и все же прочла его номер, пока он, пошатываясь, брел в мою сторону. Жить ему осталось месяц.

По выражению лица я сразу поняла, чего ему от меня нужно. Дату, всю правду. При этом я знала, что не могу ему этого сказать, и, не дав ему раскрыть рта, резко развернулась и зашагала обратно в ризницу. Уже у самой двери я услышала голос:

– Позвольте вам помочь, сэр. Пойдемте сюда, присядьте. Принести вам воды?

Саймон и один из служителей нагнулись над старичком, ласково уговаривая его сесть на скамью.

Я с облегчением захлопнула за собой дверь.

Служители, а может, и полиция, больше в тот день никого ко мне не подпускали. Хотя мне приносили еду, пытались со мной заговорить. Я позволила снять с меня кроссовки, укрыть меня одеялом, а так весь день пролежала, свернувшись клубком, уйдя в молчание; в конце концов – уже успело стемнеть – они оставили меня в покое и ушли. Все, кроме Энн, которая вызвалась со мной переночевать.

Часы на башне прозвонили восемь, и я услышала ее торопливые шаги. Повернулась на жестком матрасе.

– Я принесла супа в термосе. Хочешь?

Голова кружилась, перед глазами все плыло. Я медленно села.

– Не знаю.

– Давай налью, может, и съешь немножко.

Она присела к столу, поставив перед собой тарелку. Я медленно встала, присела рядом. Есть вообще-то не хотелось, но я проглотила ложку супа. Невероятно вкусный, домашний. Мало-помалу я выхлебала его до конца.

– Приятно смотреть, как ты ешь, – заметила Энн, когда тарелка опустела. – Твоя ноша очень тяжела. Это, наверное, тяжелое испытание.

Я кивнула:

– Не знаю, за что мне это. Лучше бы мне не видеть этих чисел.

– Тяжело, да? Хотя, возможно, это особый дар.

Я фыркнула:

– Вы хотите сказать, кто-то сделал мне вот такой подарок? Сильно же я, блин, провинилась, если меня решили так наградить.

– Возможно, это у тебя от Бога. И возможно, это дар не тебе одной, а всем нам.

В это я совсем не въехала.

– Не понимаю, о чем вы.

– Ты напоминание, Джем. Напоминание о том, что все мы смертны. Что дни наши сочтены и времени у нас очень мало.

– Да это и так все знают.

– Да, мы знаем, но пытаемся забыть – слишком тяжело жить с этим знанием. Именно это я вчера и поняла с твоей помощью. Мы пытаемся забыть.

– Да, уж я-то в курсе. Куда я ни пойду, на кого ни гляну, чего ни сделаю – все мне об этом напоминает. Тут и свихнуться недолго. Я так больше не могу.

– Господь возлюбил тебя, Джем. Он даст тебе силы.

Ну тут онахватила через край. Я, конечно, здорово раскисла за последние дни, но прежняя Джем все равно ошивалась неподалеку:

– Это вы о чем? Если Бог так уж меня любит, какого фига он позволил маме умереть от передозировки, зачем отдал меня в руки людям, которым на меня наплевать, зачем не помешал мне вывихнуть колено или вляпаться в птичье дерьмо, зачем посадил мне этот прыщ на подбородке?

– Он даровал тебе жизнь.

На это фиг чего ответишь.

Я прикусила язык и не лягнула, что жизнь мне даровали моя мамочка и один из безымянных мужиков, которые выдавали ей по двадцатке на наркоте. Я результат перепиха в какой-то занюханной квартирке, без любви, по-деловому. Но Энн явно не это ждала услышать, а мне не хотелось ее огорчать. Так что я просто хмыкнула и заткнулась.

Мы съели еще по тарелке супа, а потом улеглись. Но у меня все не шли из головы эти двое в церковном зале, да и сама Энн. Если бы у меня была возможность узнать дату собственной смерти, я бы на эта пошла? Ну, скорее всего, нет, верно? Больно надо всю дорогу жить с этим знанием. В любом случае, как узнаешь – все для тебя станет другим. А что, если знание того, когда именно ты умрешь, доведет тебя до такого отчаяния, что ты еще раньше этой даты покончишь с собой? Может такое быть? Можно надуть числа, умерев раньше по своей собственной воле? Может, Жучила и прав, и числа можно изменить.

Словом, как ни крути, а сообщать людям дату их смерти несправедливо. Я всегда знала это по наитию, а теперь, когда тайна моя выплыла наружу, мне это показалось еще более важным. Да и вообще, подумала я, уже проваливаясь в сон, большинство людей просто не захотят этого знать вовсе.

Утром таких желающих набралось пятьдесят человек.

Саймон пришел мне об этом сообщить, когда мы с Энн завтракали. Вернее, это она завтракала, я смогла лишь выпить глоток чаю.

– Там тебя ждет много народу, Джем.

Именно этого-то я и не хотела слышать. Я устала, чувствовала себя совсем разбитой, а самое главное – интересовал меня только один-единственный человек. Сегодня должны привезти Жука.

– Чего им от меня надо? Я обыкновенная девчонка.

Он пожал плечами.

– Не хочешь – мы их к тебе не пустим. Мы сами можем с ними поговорить, наставить их.

Энн согласилась с ним:

– Ну конечно! Утешать страждущих – нам к этому не привыкать. Я сейчас приберу тут, выйду и помогу вам.

Стоя передо мной, она выглядела совершенно обыкновенной: джемпер с высоким горлом, юбка из плотной ткани, башмаки, короткие волосы с жуткой химической завивкой. Только она не была обыкновенной. Она готова была весь день сидеть и выслушивать от других всякие ужасы, при том что едва справлялась с собственным ужасом. Издеваться над таким человеком даже я не могла. Респект. Я бы, например, ни за что не смогла так поступить.

– Дело ваше. Но я не могу с ними говорить. И не хочу. Мне им нечего сказать.

– Ну и ладно. Сами разберемся.

Саймон вышел, чтобы все устроить. Энн хлопотала – мыла чашки и прочую посуду.

– Знаешь, – сказала она, – тебе бы надо подумать, что делать дальше. Куда бы ты хотела перебраться. Здесь не слишком

подходящее место.

– Я знаю, чего хочу: я хочу немного побыть со своим другом. А дальше... дальше – не знаю...

На самом деле я вообще не думала, что и как будет после пятнадцатого. А пятнадцатое уже наступило.

– Карен скоро приедет. Общее мнение – что тебе лучше бы вернуться к ней домой. Она поможет тебе разобраться с полицией, если на тебя все-таки заведут дело. Она тебя хорошо знает, Джем. И любит.

– К Карен я не вернусь.

– Тебе всего пятнадцать, Джем. Ты пока не готова жить сама по себе. Еще мала.

– Давайте не будем об этом, ладно? Вот приедет Жук, тогда я пойму, что мне дальше делать.

Тут я вдруг сообразила, что с той ночевки у Бритни ни разу толком не мылась. А мне хотелось, чтобы он увидел меня красивой. Я ушла в маленькую подсобку, разделась догола и как могла вымылась над раковиной. Теперь я по крайней мере чистая, хотя на мне по-прежнему шмотки Бритни, которые мне великоваты. Мытье меня будто бы пробудило: исчезло это тоскливое, муторное ощущение. Мне теперь страшно хотелось поскорее его увидеть – еще никогда в жизни мне ничего так не хотелось.

В ризнице снова объявилась Карен. Когда я вышла из подсобки – босиком, на голове полотенце, – она подбежала ко мне, обняла.

– Джем, ну как ты? А ты сегодня выглядишь лучше.

Она чуть отодвинулась, не снимая, однако, ладоней с моих плеч.

– Там люди так к тебе и ломаются. Прямо с ума посходили, только ты бы подумала, прежде чем что-либо делать, потому что...

Договорить она не успела, потому что дверь распахнулась и в ризницу влетел какой-то гладкий мужичок средних лет – и сразу ринулся ко мне.

– Джем, привет, рад познакомиться. Вик Ловел. – Он вытянул руки и рванул ко мне через комнату, только что не отпихнув Карен, схватил мою руку и яростно затряс. Он мгновенно заполнил комнату

до краев собою, своей энергией. Ему явно не была нужна моя помощь. Он пришел за чем-то другим.

Заговорил он, даже еще не сняв пальто:

– Короче, Джем, я пришел обсудить с тобой твоё будущее, а оно мне представляется очень даже недурным. Я уже получил несколько крайне заманчивых предложений для тебя, и, если мы как следует разыграем карты, денег тебе хватит на всю жизнь. Интервью для прессы, радио, телевидения. Наверняка удастся подписать договор с каким-нибудь крупным журналом. Этого хватит на пару месяцев, а там выпустим книгу: издатели уже стоят в очереди, чтобы с тобой пообщаться. Ты не бойся, никто не попросит тебя саму её писать, на то есть специальные люди – ты просто поговоришь с ними, а они сделают все остальное. Главное – ты должна подписать со мной договор, а уж остальное я сделаю. Тут без руководства не обойтись: сама ты можешь перестараться, или пропустить самое выгодное предложение, но, если все сделать грамотно, денег тебе, как я уже сказал, хватит до конца жизни.

Наконец-то он умолк. Улыбнулся от уха до уха и ободряюще кивнул.

– Чего-чего? – переспросила я.

– Как ты считаешь? Сработаемся?

Я еще не очухалась от его словесного потока, поэтому просто пожала плечами и ответила:

– Не знаю.

Тогда он поехал дальше:

– Ну, я понимаю, так сразу все это не осмыслишь, да? Ты, наверное, не совсем поняла, о чем я толкую. С моей помощью ты можешь разбогатеть, Джем. Речь идет о сотнях тысяч. Ты молода, тебе есть что порассказать, о тебе сейчас кричат по всему миру. Так лови момент! У тебя будет все что хочешь: одежда, вечеринки, машины, путешествия. Всё к твоим услугам. Мир хочет услышать твои слова. Теперь только за тобой все дело.

– А вы чего хотите?

Я взглянула на его пальто верблюжьего цвета, толстое кольцо-печатку и часы «Ролекс», выглядывавшие из-под тугой белой

манжеты.

– Я хочу тебе помочь.

– И что вам с того будет?

– Ну, коммиссионные, разумеется. – Он уставился на меня холодными серыми глазами. Я и не хотела, а увидела: он уже не молод, а ему еще лет тридцать суетиться, трепать языком, одурачивать. – Я же не благотворительная организация. Мы будем партнерами, Джем.

– Нет. Валите отсюда.

– Что-что?

– Валите отсюда. Не нужно мне ничего этого. Не нужна мне ваша *помощь*. – Последнее слово я выплюнула, точно ругательство. – И деньги ваши мне не нужны. А слава тем более. Не хочу я быть какой-то там дешевой знаменитостью.

Он посмотрел на меня как на ненормальную.

– Ты сама не понимаешь, что говоришь. От таких предложений не отказываются. Это полный идиотизм.

– Я знаю, что делаю. Знаю, чего хочу. А от вас хочу одного: идите отсюда вон.

Он поднял руки:

– Давай не будем спешить. Ты многое пережила, я это понимаю. Я сейчас уйду, а ты обсуди мое предложение с мамой. Подумай. Я подожду снаружи.

Карен наблюдала эту сцену сидя в углу. Я подумала о ее лондонском домишке – обои отстают от кухонной стены там, где случилась протечка. Она всю жизнь еле сводила концы с концами. Если я соглашусь, что это даст ей? Я-то знала: ей осталось жить всего несколько лет. Может быть, если я столкнусь с этим типом, эти последние годы станут лучшими годами ее жизни?

– А вы что думаете, Карен?

Она качнула головой:

– Ты прекрасно знаешь, что я обо всем этом думаю. Все и так зашло слишком далеко. Если ты начнешь давать интервью и писать

книги, станет только хуже.

– Но у вас тогда будет много всего разного: ну, там, большой дом с большим садом, мальчишкам будет где бегать.

Лицо ее размягчилось.

– Да, им бы это понравилось, верно? – сказала она. – Только вот ты мне ничего не должна, Джем. Нам и так неплохо. Его мир – выдумка, там все ненастоящее. Я-то тебя знаю, Джем, тебе не это нужно. Ведь так?

Выходит, она меня и правда знает. Я улыбнулась:

– Конечно. Сдалась мне его хрень!

Карен открыла было рот, чтобы отчитать меня за нехорошее слово, потом закрыла обратно, подошла и крепко меня обняла.

– Мне ничего не нужно, – сказала я. – Просто хочу, чтобы все это кончилось. Зря я вообще проболталась.

– Ну ничего. Все будет хорошо.

Она не выпускала меня, я же стала потихоньку отстраняться.

– Да ведь не кончится. Такие вещи, наоборот, только разрастаются. Выпустил их на волю – и уже не остановишь.

– А мне кажется, ты сама можешь все остановить.

– Как?

Она посмотрела на меня прямым взглядом:

– Просто. Скажи им, что все выдумала. Что это все неправда.

Последний раз я выступала на публике в школе, на уроке: «Лучший день в моей жизни». Когда там это было? Месяц назад? Уже и не вспомнишь. Тогда я встала перед всем классом и сказала им правду, вернее, то, что я тогда принимала за правду. Ничего хорошего из этого не вышло. А теперь мне предстояло встать перед целой толпой незнакомых людей – больных и умирающих, журналистов, всяких там жуликов вроде этого агента, черт знает кого еще – и объявить во всеуслышание, что я распоследняя лгунья. Отречься от правды, которая преследовала меня всю мою сознательную жизнь.

– Ладно, давайте так.

Карен сжала мою руку:

– Вот и умница, – сказала она.

Мне кажется, она по-прежнему была убеждена, что я-таки соврала, а теперь решила в этом сознаться. Никогда она мне не верила и теперь вот была довольна, что я одумалась.

Мы вышли из ризницы в церковную залу. Какие там пятьдесят человек – теперь здесь было гораздо больше народу. Сотни людей клубились повсюду, все норовили протиснуться поближе к ризнице. Как только я появилась, все загудели и устремились в мою сторону. Карен провела меня через толпу ближе к алтарю, где стояли Энн и Стивен, настоятель.

– Джем хочет сделать заявление, – сообщила им Карен. – Как это лучше устроить?

– Ну... – начал было Стивен, но тут к нам протолкался давешний жулик-проньера и заткнул всем рты.

– Я настоятельно не рекомендую делать общее заявление. Имея такой информационный повод, ни в коем случае нельзя выстраивать отношения с прессой как попало. Я бы предложил дать несколько эксклюзивных интервью на особо оговоренных условиях. Пойдемте, давайте вернемся в ризницу.

Он положил руку мне на плечо. Я попыталась ее стряхнуть, но

он вцепился, как лишай.

– Пустите меня! – рявкнула я. – Я не ваша собственность и не собираюсь иметь с вами никакого дела.

Он явно опешил, озадачился, будто вообще не понимал, о чем это я.

– Вы что, раньше меня не слушали?

– Я-то вас слушала. А вы меня – нет. Вы мне и слова не дали вставить. Не нужны вы мне, ясно? И уберите руку, а то я ее укушу.

Руку он убрал, но не отступился. Наоборот, придвинулся ко мне совсем близко.

– Я не понимаю, почему вы отказываетесь от такой прекрасной возможности. Вы либо крайне наивны, либо очень глупы.

Говорил он теперь совсем тихо, но Карен услышала, и другие тоже.

– Ни первое, ни второе, – твердо заявила Карен. – Она самостоятельный человек, она приняла решение. А теперь попрошу оставить нас в покое.

Мужик отошел в сторонку, однако остался в церкви, торчал где-то в задних рядах и слушал.

– Значит, ты хочешь что-то сказать? – спросил меня Стивен.

– Да, мне кажется, пора... пора прекратить отнимать у всех время.

Энн тревожно взглянула на Карен, Стивен же кивнул с видимым облегчением.

– Хорошо. Я очень рад. Вся эта комедия действительно слишком затянулась. Говорить можешь отсюда.

Перед нами была небольшая ступенька, она вела туда, где обычно сидел хор; в результате голова моя оказалась разве что чуть-чуть выше уровня остальных голов.

Я посмотрела на кафедру:

– А можно оттуда? Там и микрофон есть.

Лицо его сделалось совсем красным:

– Это совершенно не подобает... – вострубил было он, а потом вроде как передумал: – Ну ладно, если так мы сможем покончить...

Он помог мне подняться на несколько ступеней, и вот я стою на темных досках кафедры Батского аббатства. Стивен включил микрофон и представил меня, его зычный голос разнесся по всему помещению.

– Дамы и господа, попрошу всех сесть. Юная... гостя... нашего аббатства хотела бы сказать вам несколько слов.

Он протянул руку, приглашая меня выйти вперед и говорить, а сам спустился вниз.

Толпа стихла.

Я допустила ошибку: подняла глаза от пола. Передо мной всколыхнулось море лиц, море чисел. А я ничего не подготовила: ни умных слов, ни речи, ни начала, ни середины, ни конца. А сказать им я могла лишь одно – откровенную ложь.

– Здравствуйте, – начала я. – Меня зовут Джем. Хотя это вы знаете, вы поэтому сюда и пришли. – Никакой реакции. Я проглотила комок в горле и продолжила: – Хотя я-то на самом деле не понимаю, чего вам здесь нужно. Я обычная девчонка, такая же, какой была месяц назад, год назад, пять лет назад, и тогда никому до меня дела не было. А потом я вдруг взяла и стала всем говорить, будто знаю, кто когда умрет. Наверное, вы потому сюда и пришли, что думаете: я и вам скажу. Но на самом деле... на самом деле... это ложь. Я все выдумала.

Все разом ахнули.

– Я просто хотела прославиться. И смотрите, ведь получилось. Простите меня. Я все наврала. Надула вас. Так что ступайте по домам – тут смотреть не на что.

Я повернулась, чтобы спуститься вниз. В толпе слышались крики: не то они хотели от меня услышать. В основном, это были сердитые восклицания, но над ними взметнулся один крик неподдельного отчаяния, очень страшный крик. Я развернулась, посмотрела в толпу. Кричала та женщина с платком на голове, та, что вчера прикоснулась к моей руке. Да, она не имела никакого права искать у меня ответа, и все же я не могла не чувствовать какой-то вины перед ней. Я вернулась к микрофону.

– Чего вы от меня ждете? – Я смотрела на нее и говорила непосредственно с ней, однако и все остальные разом смолкли. – Ну если хотите, вы услышите то, зачем вы сюда пришли.

Я смолкла, облизала губы.

– Вы скоро умрете.

Она зажала рот руками, глаза расширились. С разных сторон снова слышались возгласы.

– И тот, что с вами рядом, тоже умрет. И тот, что за вами. И я тоже. Мы все умрем. Все, кто в этой церкви, и все, кто снаружи. Это вы и без меня знаете. А я скажу вам еще кое-что.

В дальнем конце зала распахнулась дверь. Вошло несколько человек – полицейские в форме.

– Тем не менее вы живы. Сейчас, сегодня, вы живы, вы дышите. Вам дарован еще один день. Всем нам.

Полицейские дошли до центрального прохода и зашагали в мою сторону. В самой середине шагал один куда выше всех остальных, просто настоящий дылда, и голова у него дергалась и подпрыгивала, повинаясь какому-то внутреннему ритму. Не может быть. Или может? Сердце у меня остановилось, клянусь, что остановилось, но рот не закрылся:

– Мы все знаем, что рано или поздно жизнь наша закончится, но это не должно мешать нам жить. Не должно давить на нас.

А Жук остановился почти в самом центре зала. Просто стоял и смотрел на меня задрав голову, на лице обычная широкая, дурацкая улыбка. И дальше я говорила только с ним, для меня в помещении больше никого не было, только один он.

– Особенно если вы нашли кого-то, кто вас любит, – вот это самое главное. Если у вас есть любимый, с ним рядом вы будете радоваться каждой секундочке...

Тут он вскинул руки и издал громкий приветственный вопль. Остальные зааплодировали.

Я отодвинулась от микрофона и начала спускаться с лестницы. Теперь мне было плевать, кто на меня смотрит, сколько там на меня наставлено камер и объективов. Я подбежала к нему под аплодисменты обрадованной, ничего не понимающей толпы, ноги

скользили по натертым плиткам. Жук не тронулся с места, он тоже аплодировал, а потом широко раскинул руки. И я бросилась к нему, а он обнял меня, подхватил, покрутил и только потом крепко прижал к себе. Я обхватила его обеими ногами и присосалась к нему как пиявка.

– Ну чё за дела, чел? – Он рассмеялся прямо мне в волосы. – Стоит мне отвернуться на пару дней, и ты уже заделалась проповедником! Ну, – он наклонился к моему лицу, – давай, я еще ни разу не целовался со священником.

И он нежно поцеловал меня прямо у всех на глазах.

– Я соскучился, – прошептал он.

– Я тоже, – ответила я, и у нас над головами, на высокой башне, щелкнули рычаги и тяги, и огромные церковные часы начали отбивать время.

– Ты там как, в порядке?

Я заглянула ему в глаза, нет ли в них признаков болезни. Ничего такого, только число, неизменное, неотступное.

– А то. Правда, устал маленько. В этой тюряге толком и не поспишь. – Он провел здоровенными ручищами по лицу. – Все о тебе думал. Гадал, где ты там. Откуда мне было знать, что ты запрядешься в церковь?

– Обалдеть, да? Я тоже все время о тебе думала. Прямо охреневала от мысли, что ты там сидишь запертый в клетке. Ну да ладно, главное – тебя выпустили. Они машину уже пригнали?

Он нахмурил брови:

– Ты о чем? Какую машину?

– Так это же одно из моих условий: что тебя привезут, дадут нам машину и денег, а после этого я уже все расскажу. А потом мы двинем дальше. В Вестон. Туда всего-то километров пятьдесят.

– Не, это ты чего-то путаешь. Со мной еще не доразобрались – суда еще не было. Меня привезли всего на несколько часов – вроде как ты об этом договорилась, – а потом повезут обратно. Надо думать, и тебя возьмут тоже.

– Но они же обещали! Подпись поставили! Официально!

– И чего ты теперь будешь делать? Подашь на них в суд? – Он покачал головой. – Джем, уж пора бы понять, что никому нельзя верить. В смысле, кроме меня, конечно.

– Так они соврали? Козлы! И что нам теперь делать? Как мы отсюда выберемся?

Он вздохнул:

– Боюсь, что не выберемся, Джем. Так уж вот оно – есть у нас несколько часов, так давай используем их по полной. Ты же сама это сказала оттуда, сверху.

– Но так же нечестно, Жук! Значит, мы никуда не едем? Не едем в Вестон? А я хотела погулять с тобой по взморью, поесть рыбы с

жареной картошкой, – ну всё как ты говорил...

Тут мне пришлось остановиться, слова не шли. Он обхватил меня своей длинной рукой:

– Да ты не переживай. Не обязательно же сегодня. Съездим как-нибудь в другой раз. Как ни крути, а меня все-таки посадят, да и тебя, может быть, тоже, но, с другой стороны, куда нам спешить? Я-то тебя дождусь, а ты?

– Ну конечно я тебя дождусь! Я тебя уже ждала пятнадцать лет. Могу и еще пятнадцать подождать, если надо, но...

Как найти подходящие слова? *Но времени больше нет. Сегодня последний день.*

– Что «но»?

– Ну... ну... не знаю. Просто, я боюсь, ничего не получится.

– Получится, еще как. Чего огород городить, все ведь просто: я люблю тебя, а ты меня. Чего нам еще? Теперь-то уж мы со всем справимся!

Почему все не может быть так просто? Он любит меня, а я его, вот только число в моей голове твердит: сегодня его не станет. А числа еще никогда не ввали. Прижавшись к нему, вдыхая его терпкий запах, я вдруг как провалилась в какую-то яму. Вот Жук, он жив и здоров. Не лежит избитый в тюремной камере. Не болен. Татуированный мертв, больше никто не станет гоняться за нами с ножом или с пушкой.

А угрожает ему одно-единственное – я. Это ведь я все подстроила – я притащила его к себе обратно именно пятнадцатого декабря 2009 года: 15122009. Я увидела его число, я твердо знаю, что именно так все и будет. Пока существую я, существует и число. Я – это число, а число – это я. Не знаю, есть ли на свете еще хоть один человек, который видит эти числа, – и видит ли он те же числа, которые вижу я, – но стоит мне увидеть число, и песенка спета. Числа не меняются, не исчезают. Энн права: я – послание, только, может, это не послание общего характера. А послание, сообщающее о кончине определенного человека в определенный день.

И есть только один способ с этим покончить, единственный способ убрать число – устранить человека, который его видит.

Я медленно встала, огляделась. Глупо было предполагать, что ключи так и лежат в ризнице в ящике стола, но я знала, что Саймон всегда носит другой комплект при себе. Он в это время разговаривал с Энн в боковом проходе – толстая связка поблескивала у него на поясе. Я подбежала к нему, рванула ключи. Он даже не сообразил, что происходит, а я их уже отцепила. Отпихнув Саймона, бросилась к двери на башню. Ключей было много, очень много, но я отыскала нужный со второй попытки. Я не оглянулась ни разу, просто проскользнула внутрь, захлопнула дверь и заперла, отрезав гул возбужденных голосов, даже и тот голос, который мне так хотелось слышать. Прежде всего тот, который мне так хотелось слышать. И все же он, не прекращая, звучал в голове, пока я мчалась по винтовой лестнице:

– Какого хрена, Джем?.. Джем!

Я вылетела на крышу, в лицо хлестнули струи косого дождя. Заперла дверь, которой заканчивалась лестница, добралась до подножия башни. За несколько секунд я промокла насквозь, брюки прилипли к ногам. Оказавшись в башне, я сразу поняла, что мне делать. Не обращая внимания на двери, я шла вперед и вперед, пока не добралась до той комнаты, где висели колокольные канаты, потом – наискосок через нее, ко второй лестнице. Последнюю дверь я решила не запирать – и других трех-четырёх хватит, чтобы они уже ничего не успели. Когда они сюда доберутся, будет уже поздно. Дышала я быстро, тяжело, в груди жгло от перенапряжения. Ноги после подъема сделались ватными, ветер едва не сдувал меня своим напором. Чтобы не упасть, я положила руки на каменное ограждение.

Снизу долетали какие-то крики. Я не позволила себе посмотреть в ту сторону. Смотрела на крыши, на холмы вдалеке.

Постояла немного, отдышалась, но не стала дожидаться, пока в крови поубавится адреналина. Не отводя глаз от горизонта, подпрыгнула и изо всех сил, что еще остались у меня в руках, подтянулась на каменную стенку. Посидела там секунду, скрючившись, ловя равновесие, а потом медленно встала, раскинула руки.

В том бассейне на крыше плавало несколько человек, им, видимо, было наплевать на проливной дождь. Теперь я знала наверняка: меня среди них никогда не будет. И я уже никогда не стану никем другим, никем, кроме девочки, которая пятнадцать лет

несла всем вокруг смерть и разрушение. Девочки, которая по своей непроходимой глупости вдруг уверовала в любовь, и которая теперь наконец открыла единственный способ спасти мальчика, которого любит.

А может, я все-таки увидела свое число?

Потому что все это время оно отражалось в глазах Жука.

15122009.

День последнего прощания.

Я поджала в кроссовках пальцы ног – можно подумать, это поможет удержаться за мокрый камень. Попыталась выпрямиться во весь рост, принять смерть с достоинством, вот только ветер и дождь продолжали свои насмешки. Они-то знали, что в общем строе вещей я – мелочь, я – ничто, и, сдувая меня, не оставляя на мне ни одной сухой нитки, они указывают мне мое место. Даже просто стоять там было невероятно тяжело: прямо передо мной вовсю бушевала буря, норовя швырнуть меня обратно, на плоскую крышу. Можно даже было опереться на ветер – не упадешь, но он вдруг менялся, стихал, – и тогда я принималась размахивать руками, шатаясь на краю, еще сильнее поджимая пальцы ног.

Меня подвели размышления. Нужно было просто влезть на ограждение и прыгнуть не раздумывая. Но мне оказалось слабо, мне почему-то понадобилось там постоять, подумать о том о сем. Если я прыгну, не может ветер забросить меня обратно? Сколько времени я буду падать? Будет больно, когда я упаду на землю? И вообще, я упаду на землю или рухну на нижнюю часть крыши? Нужно ли вообще это делать? Мне что, изначально было предназначено прожить всего пятнадцать лет? Или у меня все-таки есть будущее – лежит где-то там, дожидается, а я сейчас возьму и от него откажусь?

Я попыталась сосредоточиться, свести все эти малозначительные мысли к одной, самой важной: если я сейчас наберусь храбрости и со всем этим покончу, я избавлю от боли очень многих людей. А самое главное – я, возможно, спасу Жука. Если никто больше не будет видеть его число, может, и само число перестанет существовать.

Я должна это сделать, и сделать все нужно с достоинством, будто ныряешь в бассейн. Я встала на цыпочки, раскинула руки. Начала считать. Цифры и числа будут со мной до самого конца. Три... два...

– Джем!

Я оглянулась через плечо. Господи, да это же он – вылезает из дверей, этакий неопрятный клубок мелькающих ног и рук.

– Джем! Нет, нет, не надо!

Голос его срывался от ужаса.

– Отойди, Жучила. Не приближайся ко мне. Я должна.

– Да почему? Я ничего не понимаю... прошу тебя, не надо. Господи, ну пожалуйста, ну не надо!

Он подходил все ближе.

– Не приближайся!

Голос сорвался на визг, его унес ветер. Жук остановился, вскинув руки:

– Да не так уж все будет плохо, Джем. Ну отсидим. Да переживем как-нибудь. А потом начнем все сначала. С чистого листа. Джем, я тебя прошу! У нас все получится!

– Не в том дело. Я не могу объяснить. Прости, прости. Я должна.

Я снова балансировала на краю.

– Я ничего не понимаю, Джем. Зачем ты меня бросаешь? Зачем ты это делаешь?

Он снова шагнул в мою сторону. Даже сквозь ветер и дождь я различала запах его пота – он заполнил меня до краев, вернул вспять, к нашей первой встрече под мостом, к той ночи в коровнике.

– Зачем ты меня бросаешь, Джем? Я ничего не понимаю.

Уж это-то я точно ему должна. Должна все объяснить.

– Мне нужно покончить с числами, Жук. Только я одна их вижу. Они у меня внутри. Мне от них не избавиться.

Я понизила голос и теперь говорила не столько с ним, сколько с самой собой:

– Я должна это сделать. Другого выхода нет.

Он ничего не понял. Полна голова слюнявой романтики.

– Но неужели все должно кончиться вот так, Джем? Мы же теперь можем быть вместе!

Слова эти были почти непреодолимым искушением. Он один во всем мире знал, что мне сказать, что именно я хочу услышать.

Я заплакала.

– Ты ведь тоже этого хочешь, да, Джем? Я знаю, что хочешь. Ты же не станешь говорить, что для тебя все это полная фигня и ничего не значит, правда? Только не говори мне этого...

И он тоже заплакал.

А я вообще не выношу, когда мужчины плачут. Что-то в этом есть неправильное, верно? Лица у них для этого не приспособлены, они как-то разом скукоживаются, очень больно на это смотреть.

Он был уже совсем близко, совсем рядом со мной. Протянет длинную руку – и схватит. А я этого не хотела: я должна была довести дело до конца. Совершить самый важный поступок во всей своей жизни.

Три... два... и все же, все же... дотронуться до него еще раз, почувствовать на себе его руки, один-единственный, самый последний раз – эта мысль удерживала меня на краю.

– Подожди, ну пожалуйста, ну одну минуточку...

– Я должна, Жук. Ты просто ничего не понимаешь.

Капли дождя мешались на лице со слезами, с соплями под носом.

– Да, не понимаю. Вообще не понимаю, чел. У нас такое было. Да и еще будет! У нас с тобой, Джем.

– Нет, так не бывает. Не бывает никаких счастливых концов. Это вранье, Жук. С такими, как мы, этого не бывает.

Он осел на пол, скрючился, вцепился руками в свои курчавые волосы. Рыдал и одновременно говорил не переставая. Я толком не слышала. Вот тут-то мне и нужно было прыгнуть, пока он не видел, тут-то и нужно было, но я не могла уйти, пока не расслышу, что он говорит. Не хотела ничего оставлять недоделанным.

– Что? Что ты говоришь, Жук?

Он поднял на меня глаза:

– Я не смогу без тебя жить, чел. У меня ничего не останется. – Он поднялся, протянул мне руку. – Давай лапу, Джем. Помоги мне влезть.

«Уловка, – подумала я. – Хочет меня провести».

Ничего не сказала, ничего не сделала.

– Ты что, даже не хочешь мне помочь? – спросил он. – Потому что я с тобой.

Быстрым, ловким движением он вскочил на стену рядом со мной. Поймал равновесие, сопротивляясь ветру.

– Ух, красота-то какая! – На физиономии у него снова появилась широкая улыбка, ничего он не мог с собой поделать. – Ты только посмотри, чел! Видно-то как далеко! Уу-ух!

Этот его «у-ух!» унес ветер.

– Ты чокнутый. Я давно поняла, что чокнутый, – сказала я.

Он схватил меня за руку.

– Спокойно, чел, спокойно. Раз уж ты решила, я с тобой. Давай вместе. Я тебя люблю, Джем. Мне больше никого и ничего не надо.

Вы хоть знаете, каково это – услышать такие слова? Услышать от человека, которого любишь без памяти, что он тебя любит тоже? Если не знаете, надеюсь, вам это еще предстоит.

– Мне с тобой просто обалденно, Джем. Эти последние несколько недель были лучшими в моей жизни. Пожалуйста, не надо без меня. Я тебя люблю.

Он к этому готов. И мы можем нырять вместе.

То есть число его все-таки окажется правильным, а мое – тем же самым.

И тут я вдруг подумала: «Пошли они, эти числа, куда подальше». Многим ли удастся отыскать именно того человека, который им нужен? Пересидит он сегодняшний день дома, в безопасности – может, нам и удастся надуть эти чертовы числа. А вдруг Карен была права, и все это только у меня в голове, а на деле числа вообще ничего не значат? Если не обращать на них внимания, в один прекрасный день они возьмут и исчезнут. И у нашей с Жуком истории все-таки будет счастливый конец.

– Я тебя тоже люблю, Жук. С тобой мне ничего не страшно. Пошли внутрь, я жутко замерзла.

Он улыбнулся, выпустил мою руку, а свою сжал в кулак.

– Живем, – сказал он.

– Да, живем.

Я согнула колени, оперлась ладонями о верхние камни и медленно перелезла обратно. А потом взглянула вверх. Жук танцевал на парапете, легко, непринужденно, наслаждаясь движением – так же как танцевал на железнодорожных шпалах там, у канала, перед нашим первым разговором.

– Слезай, дурачина, шею, блин, сломаешь.

Он резко развернулся ко мне – на физиономии глупая улыбка от уха до уха, вот сейчас спрыгнет. Взгляды наши встретились и долго не размыкались; я видела в его глазах отражение моей нежности, моей любви. Все будет хорошо.

А потом нога его соскользнула с мокрого камня и он потерял равновесие.

Долю секунды он качался на краю, не сводя с меня взгляда, отчаянно взмахивая руками... а потом исчез, упал спиной вперед, с выражением бесконечного удивления на лице.

Как быстро, как нереально. Я даже не крикнула – крикнул кто-то внизу. А я просто смотрела, как он снова и снова переворачивается в полете, машет руками, отчаянно пытается хоть за что-нибудь уцепиться.

Он не упал на землю. Полет его завершился на крыше. Завершился сломанным позвоночником. Он лежал, безжизненно раскинув руки, глядя ввысь. Я в последний раз посмотрела ему в глаза. Они всё еще были широко открыты, в них еще читалось удивление, но они больше не смотрели на меня. В них уже никого не было.

И числа не было тоже.

Всю дорогу моросило, но, когда мы заехали на стоянку, дождь перестал. Мы пошли по причалу – ветер баламутил море со всех сторон. Облака неслись по небу, будто кто-то там перематывал пленку в ускоренном темпе.

Карен все спрашивала меня:

– Ты как там?

– Нормально.

Трудно даже представить, чтобы кому-то было менее «нормально», но вы понимаете, о чем я. Просто хотелось, чтобы она отстала.

На полдороге Вэл просунула руку мне под локоть. Ей-то не было нужды задавать мне всякие дурацкие вопросы; она прекрасно понимала, что я испытываю. Вот, она ведь дождалась, пока меня выпишут из больницы. Кремация прошла без меня – ну, понятно, не могли же они столько это откладывать, – но урну с его прахом она хранила, пока не было решено, что я достаточно окрепла и смогу это выдержать.

Вэл навещала меня в больнице. Когда она пришла в первый раз, я не смогла ей ничего сказать – я тогда вообще не говорила. Голова все не могла справиться со случившимся. И в глаза ей я тоже не могла смотреть. Она ведь просила меня его сберечь, доверила мне его жизнь. А я ее предала. Увезла его, зная, что больше он к ней никогда не вернется. Вот только на меня она почему-то не злилась – черт ее знает почему. Злилась на него:

– Ну и что же он натворил, дурачина? Ишь ты, решил повыпендриваться! Попадись он мне, я бы ему шею свернула... – Руки дрожат на коленях, мнут незажженную сигарету. – Слушай, Джем, тут нет курилки, куда мы могли бы пойти? А то я сдохну...

Она пришла снова, хотя в первый раз я даже не раскрыла рта, а тогдашнюю мою компанию никак нельзя было назвать приятной: молчаливые и крикливые, буйные и депрессивные. И на этот второй раз я все-таки сумела выговорить одно слово. Целыми днями складывала его в уме, пытаюсь вспомнить, с чего начать, как надо

двигать ртом, чтобы получился звук. Вэл что-то говорила, но я ничего не слышала, я изо всех сил сосредоточилась на том, что должна сделать. Она разом смолкла, когда увидела, что я наклонилась вперед, увидела, как я шевелю челюстью, пытаюсь заставить несговорчивый рот работать.

– В-в... В-в-в...

– Что ты хочешь сказать, Джем?

Она тоже наклонилась вперед, дыша мне в лицо табачным перегаром.

– В-в... в-в-иновата.

– Лапа, да кто тебя в чем винит? Тут никто не виноват. Вернее, если кто и виноват, так только он, дурачок несмышленный. Ты-то откуда могла об этом знать? Он ведь вечно всякие фокусы выкидывал.

Я хотела сказать, что я-то как раз знала. И все случилось именно так, как, по моим мыслям, и должно было случиться: очень быстро, так, что не остановишь, и очень медленно, так, что из каждой минуты неизбежно вытекала следующая. Столько возможностей что-то изменить, свернуть с выбранной дорожки на другую. Я уже тысячу раз проиграла все в голове. Я должна была его уберечь. Должна была... должна... должна...

– Ты ведь знаешь, я его видела в полицейском участке, – продолжала Вэл. – Сидела с ним, пока его допрашивали. Они меня гнали – до того ведь и меня допросили, – но я настояла. Я же как-никак за него отвечала. Кроме меня, у него никого не было. Только ты. – Она поковыряла кончик пожелтевшего от никотина ногтя большого пальца указательным. Кожа покраснела, почти растрескалась. – Он мне сказал, что вы пробирались в Вестон. Я прямо опешила, честное слово. Никак не думала, что он помнит. Понимаешь, я его как-то туда возила, он еще был совсем маленьким. Ну, вроде как на отдых. Хорошо, что он запомнил...

Голос стих, она умолкла, и мы долго сидели, а в углу палаты другой пациент раскачивался в своем кресле – вперед-назад, вперед-назад.

– Я вот что подумала, Джем. Как ты маленько оклемаешься, отвезем его туда. В Вестон. Попрощаемся по-человечески. Но только

когда ты оклемаешься. Спешить-то некуда.

Мне самой не казалось, что я оклемываюсь. Каждый следующий день был похож на предыдущий: унылый, пустой, придавленный неподъемным грузом. И тем не менее через несколько недель все вокруг стали говорить, как стремительно я выздоравливаю. Я уже могла, когда хотела, связать вместе несколько слов, а когда приносили еду, мне удавалось проглотить по несколько ложек. Я все еще просыпалась по ночам от мучительных кошмаров – перепуганная так, что даже не крикнешь и не позовешь на помощь, – и лежала часами, не в состоянии снова закрыть глаза. А днем медсестры всё уговаривали меня порисовать, как-нибудь выпустить свои чувства на волю. Ну, мне чего – я не возражала против того, чтобы посидеть с фломастером над листом бумаги; сидела и рисовала часами.

Карен тоже приходила ко мне регулярно. В этом ей не откажешь – сколько я ее ни пинала ногами, она всякий раз являлась за новой порцией. И вот в один прекрасный день она сказала:

– Джем, врачи говорят, тебе пора сменить обстановку. Поехали-ка домой, радость моя. Поехали вместе домой. Я немножко за тобой поухаживаю.

Моя бывшая комната так и осталась свободной.

– Давай я специально сделаю в ней ремонт. Начнем все сначала. Ты какого цвета хочешь стены?

Вот так я и вернулась на Шервуд-роуд, и стены покрасили в цвет «крем-карамель», теплый, медовый – именно такого цвета камень в Бате. Я сидела у себя, слушала музыку и смотрела в стену, а потом в один прекрасный день, когда, судя по звукам, Карен повезла близнецов в школу, я начала рисовать. Первый рисунок – прямо над кроватью: ангел, который смотрит на меня, оберегает. Начав, я не остановилась, пока не изрисовала всё – и стены, и потолок крылатыми существами, которые карабкались вверх и падали вниз. У некоторых не было лиц, у других не хватало руки или ноги. У одного оказались до смешного длинные конечности и курчавые негритянские волосы – его я поместила на самый верх, он летел, раскинув руки, по потолку. А в самом низу, у плинтуса, я изобразила безволосое существо, скрючившееся, завернувшееся в собственные крылья.

Когда Карен принесла мне ужин, она в буквальном смысле

выронила поднос. Томатный соус от спагетти брызнул на стены.

Я схватила тряпку и принялась его стирать:

– Поаккуратней нельзя? Картину мою испортила, сука!

После этого я снова загремела в больницу, а когда вернулась «домой», стены были окрашены по новой, на сей раз в «голубоватую дымку»: она, видимо, считалась более успокаивающей. И все же некоторые ангелы проступали сквозь краску, и меня это утешало. Я знала, что они рядом, и кошмары стали мне сниться реже.

Прошло, наверное, пять или шесть месяцев, и вот мы стоим на дальнем конце причала в Вестоне.

Некоторое время висело неловкое молчание, потом Вэл проговорила:

– Ну, это...

Отвинтила крышку урны.

– Может, ты, Джем?

– Да я не знаю. А что нужно делать?

– Просто переверни ее. Вытяни руку в сторону моря и переверни.

Глаза изнутри покалывало от слез. Я так долго не позволяла им пролиться, но теперь они резали изнутри, будто крошечные лезвия.

– Не могу. Я не могу. Лучше ты, Вэл.

Она плотно сжала губы, стараясь не давать себе воли, шагнула вперед.

– Погодите-ка, – сказала она. – Ветер-то у нас откуда дует? Не приведи господи, если он... ну, если все это полетит прямо на нас.

Карен лизнула палец, подняла вверх.

– Ветер вон оттуда. Давайте в эту сторону, тогда все будет хорошо.

– Ну ладно.

Вэл глубоко вздохнула. Налегла всем телом на ограждение, вытянула руку с урной как можно дальше.

– Прощай, Терри, золотце мое. Прощай, внучек мой любимый.

На последних словах голос ее пресекся, она всхлипнула и быстро перевернула урну. Из нее хлынул сероватый пепел. По большей части он упал в воду и на воду, но шалый порыв ветра подхватил его часть и швырнул в нашу сторону. Пепел полетел нам в лицо, на одежду.

– Мать вашу за ногу, мне в глаз попало! Гляньте-ка, чего там, Карен.

Вэл, пошатнувшись, отступила назад – в одной руке она держала пустую урну, другой терла левый глаз.

– Давайте, Вэл, посмотрим.

Пока Вэл промаргивалась и сопела, а Карен таращилась ей в лицо и тыкала в глаз платком, я смотрела, как пленка пепла медленно уплывает вдаль. Это все, что от него осталось.

Я опустила глаза на свою куртку, вздувшуюся на животе, провела рукой по ткани. И снова почувствовала внутри то же трепетание. Наверняка я не знала, но что-то мне подсказывало, что это будет мальчик. Он постоянно вертится, постоянно в движении. Как и его отец.

Когда я проводила по куртке руками, на кончиках пальцев осталась бледная полоска пепла. Я соскребла ее другой рукой и зажала в ладони.

Жук.

Как мы могли это сделать? Вот так взять и выбросить его? Он должен быть рядом, со мной.

– Вернись! – крикнула я в сторону моря. – Вернись, не бросай меня!

Карен и Вэл обернулись и тут же подбежали ко мне.

– Давай-давай, девочка, – сказала Карен. – Не держи это в себе.

– Ничего вы не понимаете, мы поторопились. Я еще не готова с ним проститься.

Вэл обняла меня за талию:

– А ты никогда не будешь готова. Не бывает для таких вещей подходящего времени.

К этому моменту я уже плакала в открытую, да и они тоже. Все

мы обнялись – грустный треугольник, куртки трепещут на ветру. Я положила свою ладонь Вэл на поясницу, но кулака не разжала. Пока хоть одна частица Жука остается в моей ладони, мы еще живем.

Живем..

Пять лет спустя

Я больше не болтаюсь по задворкам, где тусуются неприкаянные подростки. Выросла из этого – можно и так сказать. Теперь место мне на детских площадках, на пляже, у городского центра досуга, еще случается ждать возле школы. Все это – часть нормального порядка вещей, верно? Подростки вроде меня вырастают в родителей вроде меня. А наши дети тоже станут подростками, а после и у них пойдут дети. И так до бесконечности.

Теперь я, видимо, больше похожа на других. Жук успел изменить мою жизнь, и не только очевидным образом – я не просто повзрослела, влюбилась, потеряла невинность и все такое. Он еще показал, чего мне не хватает, без чего я прожила целых пятнадцать лет; показал, каково это – иметь настоящих друзей, с которыми можно посмеяться; каково это – научиться доверять людям, открыться им, хоть слегка. Я стала совсем по-другому смотреть на жизнь – до того я так была повернута на этих своих числах, что жила будто в параличе; теперь-то я это ясно вижу. Числа как бы держали меня за горло. Но Жук, да и все остальные – Бритни, Карен, Энн, Вэл – все это изменили, доказав, что я попусту растрачиваю отпущенное мне время.

Да, написать бы здесь, что я совершила нечто грандиозное: ну, стала микрохирургом, учительницей или еще чем в том же духе, да ведь вы бы мне все равно не поверили, верно? Так вот, оглядываясь назад, я могу сказать, что пока, пожалуй, совершила две важные вещи. Первое: я осталась с Карен и ухаживала за ней после того, как с ней случился инсульт. Я, как вы помните, знала, что жить ей осталось всего три года, так что для меня этот инсульт не стал сюрпризом.

Я тогда пыталась обзавестись своим жильем; собственно, я как раз смотрела квартиру, которую мне предоставил собес, когда раздался телефонный звонок из больницы. Карен упала прямо на улице. Обширный инсульт, с одной стороны ее почти полностью парализовало. А еще у нее отнялась речь – мозги-то были в порядке, а вот сказать хоть слово ей удавалось с огромным трудом. И выяснилось: оно вроде как само собой разумеется, что я буду за ней ухаживать. Близнецов у нее отобрали – собес отправил их в какой-то другой дом, – и это ее здорово подкосило. Но все почему-то решили,

что я останусь с ней и буду за ней ухаживать. Это вроде как даже и не обсуждалось.

Было нелегко, действительно нелегко, управляться с Адамом, а еще одевать и кормить Карен, водить ее в туалет. У меня как бы оказалось сразу два ребенка. И сказать вам не могу, сколько раз меня подмывало попросту сбежать. Случалось, даже вещи собирала. И все же не могла решиться. Я знала: Карен осталось совсем немного. Кроме того, она ведь не бросила меня в трудную минуту – и во время беременности, и потом, когда я привезла Адама домой. Очень мне помогла: учила ухаживать за младенцем, брала его к себе, когда у меня начинала ехать крыша. Так что я была у нее в долгу.

Под конец выпадали совсем тяжелые дни. Видите ли, хотя я больше и не видела чисел, но я их помнила. А числа пропали во время моей беременности, пока я раз за разом попадала в психушку, где меня глушили всякими транквилизаторами и прочими лекарствами. Даже и не помню точно, когда это произошло, но в один прекрасный день я вдруг сообразила, что больше их не вижу. Исчезли. Я погрустила: ведь я, можно сказать, лишилась самой важной части своей личности. А потом пришло облегчение. Меня освободили от того, чего я так страшно боялась, – от необходимости глянуть в глаза своему новорожденному младенцу и увидеть там дату его смерти. В тот день я поняла, что готова принять будущее, чего бы оно там для меня ни готовило. У меня родится ребенок Жука, и у нас с ним будет одна общая жизнь.

Но как бы там ни было, тех чисел, что я видела раньше, я не забыла. Поэтому я знала, что прописано для Карен. Ну а она этого, понятное дело, не знала, и ее страшно терзала ее болезнь, ее положение инвалида. В последние недели жизни она была страшно подавлена. Просто впала в отчаяние. Инсульты случались у нее один за другим. Только немножко оклемается – и на тебе новый, и все ее достижения насмарку. Ее это страшно пугало, я это чувствовала.

Она умоляла меня помочь ей покончить со всем этим, с трудом выдавливая слова:

– Пожалуйста, Джем. С меня хватит.

И в глазах – мольба. Я просила ее не говорить ерунды. А я что буду делать без нее? Вон как Адам любит свою бабулю. Глаза ее наполнялись слезами. Она его тоже любила, любила до

умопомрачения, вот только логика ей отказывала, она оказалась совсем одна в страшном и темном месте.

Видимо, напряжение и усталость все-таки сказывались на мне. По ночам я лежала без сна, терзаясь всеми этими невыносимыми мыслями. А что, если вот так оно и суждено? Если мне придется все-таки помочь ей уйти из жизни?

Приближался тот самый день, мне становилось все более не по себе. А Карен как заведенная твердила одно, больше ни о чем не хотела говорить. Когда я последний раз повела ее в туалет, это простое дело обернулось страшным мучением. Когда я наконец ее усадила, она просто сползла на пол, рыдая в три ручья от унижения. Да, наверное, больше так все-таки нельзя. Надо сходить в собес, попросить помощи. Оглядываясь теперь назад, я понимаю, что мы обе просто окончательно выбились из сил.

Я отвела ее обратно в кровать. Она все не могла успокоиться. Да и я тоже. Она попыталась повернуться, подцепить одну из подушек.

– Просто поддержи, Джем.

Она попробовала поднести подушку к лицу, но не смогла.

– Не надо, Карен. Прекратите.

– Джем, пожалуйста. Я устала.

Я забрала у нее подушку. Это было бы так просто: прижать к лицу, навалиться всем телом. А она только этого и хотела.

Тут в комнату вошел Адам:

– Мам, пить хочу. Дай попить.

Я будто очнулась. Помогла Карен наклониться вперед, аккуратно подперла ее со спины подушками.

– Мы все хотим пить, малыш, – сказала я. – Пойду поставлю чайник.

Я налила Адаму сока в детскую кружку, а в другую такую же – чая для Карен: как я уже сказала, у меня, почитай, было двое детей. Я села с ней рядом, поднесла кружку ей ко рту.

– Ну вот, – сказала я. – Выпьем чайку, и все будет не так грустно.

Она слегка улыбнулась той половиной лица, которая ее еще

слушалась.

– Печенье хотите?

Она кивнула, я обмакнула печенье в свою чашку, чтобы оно было мягче, положила ей в рот. И вот тут всё и случилось. Карен подавилась. Я отбросила все и принялась колотить ее по спине. Она хрипела, пыталась вдохнуть. Я ничем не могла ей помочь. Бросилась в прихожую, схватила телефон. «Скорая» приехала через десять минут, но было уже поздно. Карен умерла.

Все это случилось у Адама на глазах. Надо было, конечно, вывести его из комнаты, но я была слишком занята Карен.

– А что с бабулей? – спросил он.

Я отвела его в гостиную, усадила к себе на колени.

– Ее больше нет, малыш. Она умерла.

– Как папа?

Я часто рассказывала Адаму про его отца. Хотела, чтобы он знал, кто был его папа, каким он был замечательным.

– Да, как папа.

Это вот, видите ли, вторая вещь, которую я совершила в этой жизни. Я ращу Адама, я стала для него и матерью, и отцом. Ну да, знаю, я не одна такая. На земле тысячи, даже миллионы матерей-одиночек, но когда речь идет лично о вас, а ваше собственное детство было далеко не розовым, вы чувствуете, какая это ответственность – заботиться о своем пятилетнем сыне, знать, что он растет здоровым и счастливым. Если бы вы пять лет назад сказали мне, что я буду матерью, притом хорошей матерью, я бы просто рассмеялась вам в лицо, да вот только, знаете, у меня действительно очень неплохо получается. Я мама. Мама Адама, и очень этим горжусь.

Наверное, спроси любого, и он скажет: мой ребенок – особенный. Что касается Адама, я это знаю точно. Он очень похож на отца. Вэл говорит: вылитый папаша, когда тот был маленьким, и я ей верю. Во-первых, он рослый не по годам, с длинными руками и ногами, даже в младенчестве был таким же. А еще он страшный непоседа. Глаз с него нельзя спускать ни на секунду – сразу что-нибудь натворит. Именно поэтому я стараюсь с ним побольше гулять. Если продержат его целый день в четырех стенах, сама свихнешься.

Он из тех ребяташек, из кого энергия так и бьет, им нужно покачаться на качелях, побегать по парку. Отчасти из-за этого после смерти Карен мы перебрались сюда, в Вестон. Жук был прав: пространства здесь – немерено. Можно целый день гулять по взморью, и под конец дня, отшагав многие и многие мили, Адам выдыхается и смирно ложится в кроватку.

Ему трудно сидеть на одном месте, он плохо сосредоточивается. Я уже не раз слышала это от его учителей. Ему бы ползать или попинать мячик, а не сидеть над книжкой. Так что по учебе он немного отстает, хотя я из-за этого не слишком переживаю: нагонит рано или поздно. Голова у него светлая.

В школе они сейчас как раз проходят алфавит и учатся считать до десяти, повторяют снова и снова. Учителям, видимо, кажется, что Адам пока не очень хорошо все схватывает. Но на прошлой неделе у нас случился небольшой прорыв. Адам вышел из школы и сказал, что учительница хочет со мной поговорить. Я подумала: господи, ну чего он там еще натворил? Но все оказалось не так плохо – вернее, плохо не в том смысле, которого я опасалась: подрался, надерзил или еще что-нибудь в этом духе.

Мы пошли в их класс, и учительница показала мне последний рисунок Адама. Очень красиво – яркие цветные карандаши, цвета лета. На рисунке два человечка, большой и маленький, держались за руки. Они стояли на полоске желтого песка, в небе над ними сияло солнце, на лицах у них были широкие улыбки.

– Мы ведь об этом хотели поговорить, об этом замечательном рисунке, да, Адам? – сказала учительница.

Адам горделиво кивнул.

– Это ведь ты и твоя мама, да? – спросила учительница.

– Да, – ответил Адам. – Это мы с мамой у моря.

– Мне кажется, он пока еще путает цифры и буквы, – сказала учительница, – но посмотрите, как твердо он держит карандаш.

И действительно, над головой у фигурки повыше, выгнутые дугой, будто радуга, стояли какие-то знаки.

– Ты ведь хотел написать «мама», да, Адам?

Адам покачал головой и нахмурился.

– Нет, мисс, – ответил он. – Я же вам уже говорил. Это не имя. Это число. Число моей мамы.